

ISSN 2409-1073

DOI: 10.24151/2409-1073

МИЭТ

**Национальный
исследовательский
университет**

***Экономические и
Социально-
Гуманитарные
Исследования***

4(36)/2022

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования *Научный журнал*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс
в ООО Агентство «Книга-Сервис»:
80114

№ 4(36)

Октябрь — декабрь 2022 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research *Scientific Journal*

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of LLC Agency “Book-Service”:
80114

No. 4(36)

2022 October — December

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

Главный редактор
Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Редакционный совет

Председатель редсовета

Анискин Ю. П., доктор экономических наук,
профессор, профессор НИУ МИЭТ

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Агапов В. С., д. психол. н., проф., РосНОУ

Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф., РГСУ

Бертош Е. В., к. э. н., доц., зав. кафедрой, БНТУ
(Республика Беларусь)

Бондарева Я. В., д. филос. н., проф., МГОУ

Гагарин А. В., д. пед. н., проф., РАНХиГС

Гладков И. С., д. э. н., проф., гл. науч. сотр., ИДВ РАН

Данильченко А. В., д. э. н., проф., декан, БНТУ
(Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., д. психол. н., проф., ст. науч. сотр.,
ПИ РАО

Захлебный А. Н., д. пед. н., проф., академик РАО,
Ин-т стратегии развития образования РАО

Инфанте Д., Dr. Sci. (Polit. Econ.), проф.,
Университет Калабрии (Италия)

Князев В. Н., д. филос. н., проф., МПГУ

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф.,
Рижский университет (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., зав. кафедрой,
МГППУ

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.,
проф.-конс., НИУ МИЭТ

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф., МосГУ

Пирогов А. И., д. филос. н., проф., НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф., Евроакадемия
(Эстония)

Смирнова Ж. Вяч., PhD (Econ.), доц.,
Университет Калабрии (Италия)

Редакционная коллегия

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор,
профессор НИУ МИЭТ

Алексеев С. В., д. пед. н., проф., СПб АППО

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф., вед. науч. сотр.,
ИФ РАН

Гуськова Н. Д., д. э. н., проф., МГУ им. Н. П. Огарева

Даниелян Н. В., д. филос. н., доц., проф., НИУ МИЭТ

Евдокимова М. Г., д. пед. н., доц.,
директор Ин-та ЛПО, НИУ МИЭТ

Еленева Ю. Я., д. э. н., проф., зав. кафедрой,
МГТУ «СТАНКИН»

Емец В. С., д. полит. н., проф., РЭУ им. Г. В. Плеханова

Иванова Г. П., д. пед. н., проф., МГОУ

Ильин В. В., д. филос. н., проф.,
КФ МГТУ им. Н. Э. Баумана

Кальней В. А., д. пед. н., проф.,
МГТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ)

Лукичева Л. И., д. э. н., проф., НИУ МИЭТ

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф., РАНХиГС

Мушта А. А., к. филос. н., доц., вед. спец., Акад. управ-
ления при Президенте РБ (Республика Беларусь)

Панов А. И., д. полит. н., проф., МГОУ

Прокофьев А. А., д. пед. н., к. ф.-м. н., доц.,
зав. кафедрой, НИУ МИЭТ

Родин В. Ф., д. пед. н., проф., Моск. ун-т МВД РФ
им. В. Я. Кикотя

Салимова Т. А., д. э. н., проф.,
декан, МГУ им. Н. П. Огарева

Смирнова Ж. Вен., к. пед. н., доц., зам. зав. кафедрой,
НГПУ им. Козьмы Прутков

Степанов С. А., д. пед. н., проф., проф., МНЭПУ

Стуканова С. С., д. э. н., доц., НИУ МИЭТ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**
Научный редактор — **Т. В. Растимешина**
Выпускающий редактор — **Ю. В. Лункина**
Компьютерная верстка — **А. В. Лобанова**

Ведущий редактор — **Т. В. Растимешина**
Редакторы — **Е. В. Малинкина, А. В. Лобанова**
Дизайнер обложки — **С. Ю. Рыжков**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Сайт: <http://esgi-miet.ru>

Подписано в печать 20.12.2022. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 22,8 усл. печ. л., 13,4 уч.-изд. л. Заказ № 25.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editor-in-Chief
Rastimeshina T. V., *Dr. Sci. (Polit.)*, Assoc. Prof.

Editorial Board

Chairman

Aniskin Yu. P., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., MIET

Vice Chairperson

Chumakov A. N., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., Acad. of REA,
Lead. Res., Institute of Philosophy of RAS

Agapov V. S., *Dr. Sci. (Psy.)*, Prof., Russian New University

Andriyenko E. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., RSSU

Bertosh E. V., *Cand. Sci. (Econ.)*, Assoc. Prof., BNTU
(Republic of Belarus)

Bondareva Ya. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MRSU

Gagarin A. V., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., RANEPa

Gladkov I. S., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof.,
Institute of Far Eastern Studies of RAS

Danilchenko A. V., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., BNTU
(Republic of Belarus)

Zazykin V. G., *Dr. Sci. (Psy.)*, Prof.,
Senior Fellow, PI RAE

Zakhlebny A. N., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., Acad. of RAE,
Institute of Education Development Strategy of RAE

Infante D., *Dr. Sci. (Polit. Econ.)*, Prof.,
University of Calabria (Italy)

Knyazev V. N., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MGPU

Lace N., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., Riga Technical University
(Latvia)

Lobastov G. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MAI

Mikhalkin N. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MSPPU

Moiseeva N. K., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., Visit. Prof., MIET

Mrochko L. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MosUH

Pirogov A. I., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MIET

Põlajeva T., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., Euroacademy
(Estonia)

Smirnova J. V., PhD (Econ.), Prof., University of Calabria
(Italy)

Publishing Board

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MIET

Alekseev S. V., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., SPb APPO

Alekseeva I. Yu., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof.,
Institute of Philosophy of RAS

Guskova N. D., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof.,
Ogarev Mordovia State University

Danielyan N. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Assoc. Prof., MIET

Evdokimova M. G., *Dr. Sci. (Ped.)*, Assoc. Prof., Director
of Institute of Linguistic and Pedagogical Education,
MIET

Eleneva J. Ya., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., STANKIN

Emets V. S., *Dr. Sci. (Polit.)*, Prof., PRUE

Ivanova G. P., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., MRSU

Ilyin V. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof.,
Kaluga Branch of BMSTU

Kalney V. A., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., MSUTM

Lukicheva L. I., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., MIET

Mamedov N. M., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., RANEPa

Mushta A. A., *Cand. Sci. (Philos.)*, Assoc. Prof.,
Lead. Analyst, APA RB (Republic of Belarus)

Panov A. I., *Dr. Sci. (Polit.)*, Prof., MRSU

Prokofyev A. A., *Dr. Sci. (Ped.)*, *Cand. Sci. (Phys.-Math.)*,
Assoc. Prof., MIET

Rodin V. F., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., Kikot Moscow University
of the Ministry of the Interior of Russia

Salimova T. A., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof.,
Ogarev Mordovia State University

Smirnova Zh. V., *Cand. Sci. (Ped.)*, Assoc. Prof.,
Minin University

Stepanov S. A., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., IIUEPS/MNEPU

Stukanova S. S., *Dr. Sci. (Econ.)*, Assoc. Prof., MIET

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Executive editor — **Yu. V. Lunkina**

Digital page makeup — **A. V. Lobanova**

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editors — **E. V. Malinkina, A. V. Lobanova**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Tel.: +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Web: <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.12.2022. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 22.8. Published sheets: 13.4. Order No. 25.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

- Анискин Ю. П.* Механизм мультиагентного управления развитием компании на основе цифровых моделей . . . 6
- Бударов А. Ю.* Теоретические основы управления самоорганизацией интегрированных бизнес-структур . . . 15
- Добрынина М. В., Андреева А. А.* Социально-экономическая природа социального предпринимательства и развитие молодежи. 21
- Кузина Д. О., Мрочко Л. В.* Перспективы развития рекламных бизнес-коммуникаций в цифровой среде . . 29
- Сучкова А. Ю., Игрунова О. М.* Использование инструментов маркетинговых исследований при разработке ценностного предложения инновационного цифрового продукта 37

Философия: мир в человеке и человек в мире

- Алов А. А., Привалова И. Ю.* Феномен «философский пароход» сквозь призму отношений интеллигенции и государства 55
- Богданова Н. А.* Квантовая теория как производительная сила — от алгебры кватернионов Гамильтона до технологий III тысячелетия. 61
- Борзова Е. П., Ковалев А. А.* Ментальные войны как новый вызов современному миру 70
- Борисова Л. В.* Категория телесности в современной лингвофилософии 77
- Даниелян Н. В.* Философские основания компьютерной лингвистики 83
- Джалю Я. И.* Антропологический идеал в историко-философской ретроспективе (отечественный опыт) . . . 90
- Добрынина М. В., Растимешина Т. В.* Музей электроники как центральный элемент возрождения уникального социокультурного пространства Зеленограда. 101
- Кальней М. С.* Глобализация и культурно-историческая традиция: проблемы и противоречия. 111
- Кизхт Н. П.* Проблема знания и понимания в цифровую эпоху 117
- Ковалев А. А.* Информационная политика в сфере военной безопасности в контексте защиты национального менталитета 127
- Ломакина Н. Б.* Основные идеи по философии управления в работах А. А. Богданова и Г. П. Шедровицкого. . . 133
- Равочкин Н. Н., Сергеева И. А., Стенина Н. А.* Цифровизация социальных институтов: возможности и ограничения 141
- Романова А. С.* Направления и факторы саморазвития личности в условиях современности 151
- Чижик П. И., Наумов А. В.* Творчество как необходимое условие успешной управленческой деятельности офицера МЧС России 157
- Шакирова Е. С.* Антиценности современного российского общества 165

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

- Гавриков А. И.* О моделировании процессов дифференциальными уравнениями 171

Личность. Общество. Государство

- Мерзляков С. Э.* К вопросу о понятии информационной безопасности 175

Информация

- Олег Филаретович Быстров (1950—2022) 181
- Памятные и знаменательные даты в октябре — декабре 2022 г. 182
- Книжные новинки 184

Указатель содержания журнала

- «Экономические и социально-гуманитарные исследования» за 2022 г. 186

- К сведению авторов 194

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Aniskin Yu. P.</i> Mechanism of multi-agent management of company development based on digital models	6
<i>Budarov An. Yu.</i> Theoretical backgrounds of integrated business structures self-organization management	15
<i>Dobrynina M. V., Andreeva A. A.</i> Socio-economic nature of social entrepreneurship and youth development	21
<i>Kuzina D. Ol., Mrochko L. V.</i> Development prospects of advertising business communications in a digital environment	29
<i>Suchkova A. Yu., Igrunova O. M.</i> Using marketing research tools in the development of value proposition of the innovative digital product	37

Philosophy: Universe in Human and Human in Universe

<i>Alov A. A., Privalova I. Yu.</i> The phenomenon of “philosophical steamboat” through the prism of the relationship between the intelligentsia and the State	55
<i>Bogdanova N. A.</i> Quantum theory as a productive force — from algebra of Hamilton quaternions to third millennium technologies	61
<i>Borzova E. P., Kovalev A. A.</i> Mental warfare as a new challenge to the modern world	70
<i>Borisova L. V.</i> Category of corporeality in modern linguaphilosophy	77
<i>Danielyan N. V.</i> Philosophical foundations of computer linguistics	83
<i>Dzhalyu Ya. I.</i> Anthropological ideal in the historical and philosophical retrospective (Russian local experience)	90
<i>Dobrynina M. V., Rastimeshina T. V.</i> Museum of electronics as the central element of the revival of the unique socio-cultural space of Zelenograd	101
<i>Kal'ney M. S.</i> Globalization and tradition: problems and contradictions	111
<i>Knekht N. P.</i> The problem of knowledge and understanding in the digital age	117
<i>Kovalev A. A.</i> Information policy in the sphere of military security in the context of protecting the national mentality	127
<i>Lomakina N. B.</i> The main ideas on the philosophy of management in the works of Alexander Bogdanov and Georgy Shchedrovitsky	133
<i>Ravochkin N. N., Sergeeva I. A., Stenina N. A.</i> Digitalization of social institutions: opportunities and limitations	141
<i>Romanova A. S.</i> Directions and factors of personal self-development in modern conditions	151
<i>Chizhik P. I., Naumov A. V.</i> Creativity as the most important spiritual quality of a modern officer of EMERCOM of Russia	157
<i>Shakirova E. S.</i> Disvalues of modern Russian society	165

Pedagogical Coordinate System: Education, Upbringing, Human Development

<i>Gavrikov A. I.</i> On modeling processes by differential equations	171
---	-----

Personality. Society. State

<i>Merzlyakov S. En.</i> On question of the concept of information security	175
---	-----

Information

In Memoriam: Oleg Filaretovich Bystrov (1950—2022)	181
Memorable and Remarkable Dates, October to December 2022	182
New Books	184

2022 Year-End Index 190

For the Authors 194

ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH: THEORY AND PRACTICE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 6—14.

Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 6—14.

Научная статья

УДК 658:005.5:001.895

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-6-14

Механизм мультиагентного управления развитием компании на основе цифровых моделей

Ю. П. Анискин

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

anisk@mail.ru

Аннотация. Рассматривается механизм мультиагентного управления решением проектных задач как новая парадигма управления на основе IT-технологий, выделяются его отличительные признаки. Утверждается, что в условиях цифровизации объектов исследования, роста импортозамещения главной задачей является управление взаимодействием участников программ обновления крупных корпоративных образований. Предлагаются различные механизмы организационного сопровождения проектов и системного организационного интегратора как инструменты планирования и реализации инновационного цикла по созданию конкурентоспособной системной инновации.

Ключевые слова: мультиагентное управление, цифровая модель, корпоративные цели, системный интегратор, консорциум, инновационный цикл, системная инновация, агенты управления, контроллинг, стейкхолдеры, цифровой двойник

Для цитирования: Анискин Ю. П. Механизм мультиагентного управления развитием компании на основе цифровых моделей // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 6—14. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-6-14>

Original article

Mechanism of multi-agent management of company development based on digital models

Yu. P. Aniskin

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

anisk@mail.ru

© Анискин Ю. П.

Abstract. The mechanism of multi-agent management of the company's project tasks solution as a new paradigm of management based on IT technologies is considered, its distinctive features are highlighted. It is argued that in the context of the digitalization of research objects, the growth of import substitution, the main task is to manage the interaction of participants in the renewal programs of large corporate formations. Various mechanisms of organizational project support and system organizational integrator as tools for planning and implementing the innovation cycle to create a competitive system innovation have been proposed.

Keywords: multi-agent management, digital model, corporate goals, system integrator, consortium, innovation cycle, system innovation, management agents, controlling, stakeholders, digital twin

For citation: Aniskin Yu. P. "Mechanism of Multi-Agent Management of Company Development Based on Digital Models". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 6—14. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-6-14>

Российская промышленность вступила в период активного инновационного развития, обусловленного необходимостью достижения конкурентоспособности инноваций в условиях роста импортозамещения и повышения роли отечественной продукции на мировых рынках. Значимые системные инновации, как правило, требуют многоотраслевого участия в рождении новой продукции, а это означает, что важнейшим фактором ускорения реализации инновационного цикла каждого вида системного продукта является *взаимодействие* участников программы развития, т. е. внутрифирменные и межотраслевые коммуникации. В этом случае начинает работать жесткая вертикаль управления, для нее характерны многоуровневые иерархии, регламентация отношений, множество взаимосвязанных бизнес-процессов, что в результате отражается на снижении продуктивности деятельности, приводит к слабой адаптации к изменениям, к нарушению сроков выполнения обязательств, что в итоге влияет на эффективность управления инновационным развитием страны. Для устранения проблем управления взаимодействием участников инновационных циклов в стране создаются крупные корпоративные образования, в рамках которых концентрируются разноотраслевые направления соответствующих видов деятельности по созданию требуемых инноваций.

По мере развития мировой экономики появились разные типы корпораций, имеющие отличительный признак и разные целевые установки.

- К первому типу относится группа корпораций, главной целевой установкой которой является *корпоративная логика конкурентной борьбы за рынки*.
- Корпоративные цели второй группы корпораций обусловлены *внешними обстоятельствами*, это — импортозамещение, задачи инновационного развития, кризисные ситуации, государственная необходимость и т. п.
- Для группы третьего типа *целями интеграции являются стратегические решения собственников объединяющихся компаний*.

Ключевая особенность современных корпораций — развитая *диверсификация* деятельности на основе выбираемых базовых технологий и широкого спектра выпускаемой продукции. Такие условия представляют определенные трудности для *внутрифирменного планирования* деловой активности корпоративных структур [1].

Многотысячные коллективы под единым централизованным руководством не нарушают многоуровневой структуры принятия решений и не снижают уровня бюрократизации выполняемых процессов, что, как следствие, приводит к удорожанию процессов создания и выпуска инноваций.

Кроме того, в совокупности выполняемых процессов возникают, как правило, узкие места, с недостаточной пропускной способностью из-за различных видов ограничений — ресурсных, научно-производственных, логистических, организационно-правовых, рыночных, управленческих, инвестиционных и др. В результате появления узких мест («бутылочных горлышек») начинает работать закон А. А. Богданова: «Никакая цепь не может быть крепче, чем самое слабое из ее звеньев», — что подтверждает *необходимость сбалансированного взаимодействия в цепочке создания инноваций*.

Методы создания условий для сбалансированной деятельности в рамках инновационного цикла.

Как известно, *инновационный цикл* представляет взаимосвязанную последовательность выполняемых стадий:

- 1) научные исследования (НИ);
- 2) опытно-конструкторские работы (ОКР);
- 3) освоение выпуска инновационной продукции (ОСВ);
- 4) коммерциализация продукции (КП) (маркетинговая подготовка рынка сбыта).

По результатам реализации инновационного цикла принимаются решения о масштабах производства новой серийной продукции.

Жизненный цикл такой продукции включает стадии:

- подготовка производства;
- разворачивание выпуска;
- стабильный выпуск на уровне установленной производственной мощности
- постепенный спад выпуска
- утилизация продукции.

Создание сложных системных инноваций (самолето-, судо-, станкостроение, радиоэлектронные системы и т. п.) включает совокупность инновационных циклов создания компонентов будущей системы. В этих условиях проблемы взаимодействия участников являются определяющими.

Для сбалансированности взаимодействия сложная система разделяется,

совокупность относительно простых компонентов системы следующая:

- *базовая общая конструкция* системы (обособленные подсистемы, интерфейсы и др. соединительные элементы);
- *сборочные узлы* (отдельные конструкции, полуфабрикаты, приборы и т. п.);
- *элементная база* (микросхемы, пассивные элементы, детали и т. п.).

Для целенаправленного управления всем комплексом работ предлагается специальный механизм управления.

На основе разделения целой системы на совокупность относительно простых компонентов формируется дерево целей, направленных на создание системной инновации. Дерево целей, в свою очередь, служит основой для построения многоуровневой дорожной карты. На каждом уровне такой карты располагаются возможные участники и заинтересованные в появлении инноваций стороны (стейкхолдеры). По результатам поиска каждого потенциального интересанта строится матрица будущих взаимодействий. *На основе матрицы формируется целевой научно-производственный консорциум* — для реализации инновационного цикла. Консорциум представляет собой временное объединение участников создания сложной системной инновации на период от начала цикла до разворачивания серийного выпуска системной инновации.

В консорциуме действуют *агенты управления* — компетентные представители всех привлеченных компаний, необходимых для создания и выпуска инновационной продукции. Наличие консорциума создает условия для *использования целенаправленного мультиагентного управления программой создания инноваций*. Мультиагентное управление системным продуктом (МАУСП) на современном этапе развития рассматривается специалистами как новая парадигма управления на основе ИТ-технологий.

Отличительным признаком МАУСП является *целенаправленность деятельности*,

нацеленность на решение проектных задач. В результате активного взаимодействия агентов происходят динамичные изменения состояния проекта без непредвиденных простоев — за счет опережающих решений. Принятые правила (или принципы) взаимоотношений в консорциуме и меры ответственности являются основой для роста деловой активности участников. Непрерывный контроллинг и анализ деятельности агентов позволяют своевременно вводить необходимые корректировки в плановые задания и оценивать состояние проекта. Как правило, для продвижения современных сложных системных проектов используются результаты форсайт-исследований компаний-участников. При этом опережающий уровень новизны создаваемой продукции обеспечивает конкурентоспособность системной инновации, но и одновременно создает определенные трудности в реализации инновационных циклов, и обуславливает объективный рост дополнительных затрат.

Важным условием функционирования консорциума является учет и оценка усилий участников программы развития, это требуется для объективной финансовой компенсации затрат на большой объем выполняемых работ.

В целом участники взаимодействующих сторон в инновационном цикле обладают разным уровнем компетенций, длительность производственно-научных циклов различна, что прямо влияет на оборачиваемость оборотных средств и, как следствие, на потребность в непрерывном денежном потоке до получения конечного результата, во избежание дефицита оборотных средств. Отличительным признаком является также и уровень новизны инноваций, и степень неопределенности получения планируемого результата, что прямо влияет на объем денежных и других ресурсов. Поэтому среди агентов управления в консорциуме должен быть представитель организации, служащей источником обеспечения финансовыми ресурсами всех направлений деятельности (венчурный фонд, фонды государственных грантов), которая

принимает на себя финансовые риски, с условием их компенсации по окончании циклов работ.

Гарантом возврата долга выступает вся совокупность проектных работ, *т. е. используется проектная форма финансирования*. В этом случае активы разных предприятий-исполнителей не подвергаются давлению долговой нагрузки и сохраняют финансовую устойчивость на период участия в консорциуме.

Руководителем агентов консорциума является представитель головной *компании-разработчика системной инновации*. В распоряжении руководителя должны быть соответствующие механизмы управления взаимодействием участников. Прежде всего необходим *механизм организационного сопровождения проектных решений*. Цели механизма: опережающее *формирование условий*, необходимых для реализации проектных заданий, оценка потенциальных возможностей участников консорциума и на основе сравнительного анализа — *выявление критических мероприятий*. Особенность такого механизма — в *упреждающем* характере выполнения критических мероприятий, что обеспечивает динамичность выполнения заданий и снижает уровень неопределенности достижения результатов.

В плане организационного сопровождения необходимо предусмотреть функции контроллинга в области выполнения критических мероприятий и эффективности взаимодействия участников системного проекта. При выявлении негативных тенденций определяется объем ресурсного запаса для создания «подушки безопасности». В случае появления неопределенности или риска отклонений от заданий принимаются *активные* или *пассивные* решения. *Активный* вариант предусматривает альтернативные решения или финансовую возможность компенсации потерь. *Пассивное* решение связано со снижением требований проектного задания или изменением допустимого диапазона отклонений.

Главным принципом работы механизма организационного сопровождения проектных решений является *своевременность* принятия и выполнения проектного задания. В организационном сопровождении проектных заданий необходимо учитывать интересы стейкхолдеров — сторон, которые косвенно или прямо влияют на качество выполняемых работ.

В действующей теории заинтересованности сторон наиболее значимой считается модель Митчелла [2], где для определения мощности воздействия заинтересованных используются три основных критерия-характеристики:

- *власть (power)*,
- *законность (legitimacy)*,
- *срочность (urgency)*.

Выделяются три категории стейкхолдеров:

- *ожидающие*,
- *критические*,
- *латентные* (скрытые).

Наиболее активна группа *ожидающих стейкхолдеров*, среди них, в свою очередь, выделяются:

- доминирующие — обладающие *властью и легитимностью*;
- зависимые — обладающие *фактором срочности и легитимностью*;
- опасные — обладающие *властью и фактором срочности*.

Наиболее важна группа *категорических стейкхолдеров*, так как она обладает тремя характеристиками — властью, легитимностью и фактором срочности. Интересы этой группы выполняются в первую очередь. Группа *латентных стейкхолдеров* относительно инертна и ограничена регламентирующими условиями, поэтому активное взаимодействие с ними затруднено.

На качество и сроки выполнения проектных заданий каждым участником программы при создании системной инновации воздействует ряд факторов. Чтобы принимать управленческие решения, необходимо знать *силу и широту* воздействия этих факторов и значимость каждого из них. У каждого агента

управления — своя группа факторов. Так как факторы взаимозависимы и влияют друг на друга, то методы корреляционного и многофакторного анализа не используются в данном случае. Поэтому рекомендуется матричный способ анализа на основе *метода приоритетных коэффициентов*.

Наиболее целесообразным представляется модернизированный способ, разработанный автором, где для систематизации взаимовлияющих факторов строится матрица «факторы — факторы». По столбцам и строкам матрицы располагаются одинаковые факторы, влияние которых оценивается экспертной группой по установленной методике. По результатам компьютерной обработки специальной цифровой модели оценивается *широта воздействия фактора и чувствительность фактора к воздействиям других факторов*.

В ходе оценки взаимовлияния выясняется, что некоторые факторы слабо влияют на другие, но, в свою очередь, испытывают сильное влияние со стороны других факторов. По результатам оценки все факторы выстраиваются в приоритетный ряд по указанным выше критериям.

Наличие матриц взаимодействующих факторов по различным проектам создает условия для выполнения *принципов приоритетности и целенаправленности* управления деловой активностью, что всегда приводит к снижению необоснованной траты ресурсов. Подробное описание цифровой модели матрицы «факторы — факторы» представлено в учебнике по теоретическим основам управления деловой активностью [1, с. 140—143].

Цифровой модуль «*механизм организационного сопровождения проектных заданий*» входит как *подсистема в комплексную экспертную систему мультиагентного управления развитием компании на основе цифрового двойника механизма планирования деловой активности компании*, разработанного автором.

Формирование консорциума по созданию системных инноваций одновременно

решает важную задачу выпуска инновационной продукции электронно-компонентной базы (ЭКБ) — обеспечивает гарантированный объем заказов. Известно, что для эффективного выпуска изделий ЭКБ и других элементов необходимы большие (серийные) объемы производства, чтобы использовать эффект масштаба, так как в противном случае эти изделия становятся неконкурентными даже при высоком качестве.

В определенной мере задачу гарантированного обеспечения масштабов выпуска инноваций решает постановление Правительства РФ о «сквозных проектах» на основе системных инноваций, однако для реального выполнения этого подхода необходимо соответствующее методическое обеспечение.

Реализация инновационного цикла по созданию и выпуску системной инновации или выполнение сквозного проекта в значительной мере зависят от уровня управления деловой активностью соисполнителей головной компании. Учитывая множество взаимодействующих сторон, главной задачей управления инновационным развитием следует считать *создание условий для сбалансированной деятельности участников инновационного цикла*.

Трудность решения этой задачи обусловлена:

- территориальным разобщением участников программы;
- разной длительностью технологических цепочек, научных и экспериментальных процессов;
- отличием в уровнях неопределенности получения заданных параметров;
- различием интеллектуальных потенциалов и др.

В таких условиях инструментом повышения эффективности принятия решений являются цифровые модели организационно-экономических процессов с учетом *критериев результативности и финансовой устойчивости компаний*. Необходимость поиска приемлемых решений обусловлена возникновением несоответствия между

условиями и ограничениями при выполнении проектных заданий. Использование цифровых моделей позволяет избежать негативных последствий при управлении: по результатам моделирования проверяется целесообразность и степень правильности решений.

Совокупность цифровых моделей предполагает объединение в *системный организационный интегратор* (СОИ), отвечающий за планирование и реализацию организационно-экономических процессов по созданию конкурентоспособной системной инновации (см. рис. 1).

Необходимость создания *системного организационного интегратора* обусловлена:

- наличием множества разнообразных проектов в цикле создания системных инноваций;
- ростом динамичности и сложности инновационных процессов;
- необходимостью быстрого анализа вариативности решений;
- высоким уровнем неопределенности при достижении целей развития;
- необходимостью учета интересов стейкхолдеров;
- многообразием источников инвестиций;
- снижением уровня необоснованных затрат;
- ускорением реализации инновационного цикла создания системных инноваций.

Системный интегратор формируется на базе головной компании, в рамках управления созданием инновации.

В выводе отметим, что рассмотренные механизмы мультиагентного управления развитием являются основой для разработки соответствующих цифровых моделей и цифрового двойника. Более того, цифровизация системы управления развитием позволяет определить условия сбалансированности темпов выполнения ключевых видов деятельности и обеспечить необходимый уровень деловой активности в процессе реализации программы развития компании.

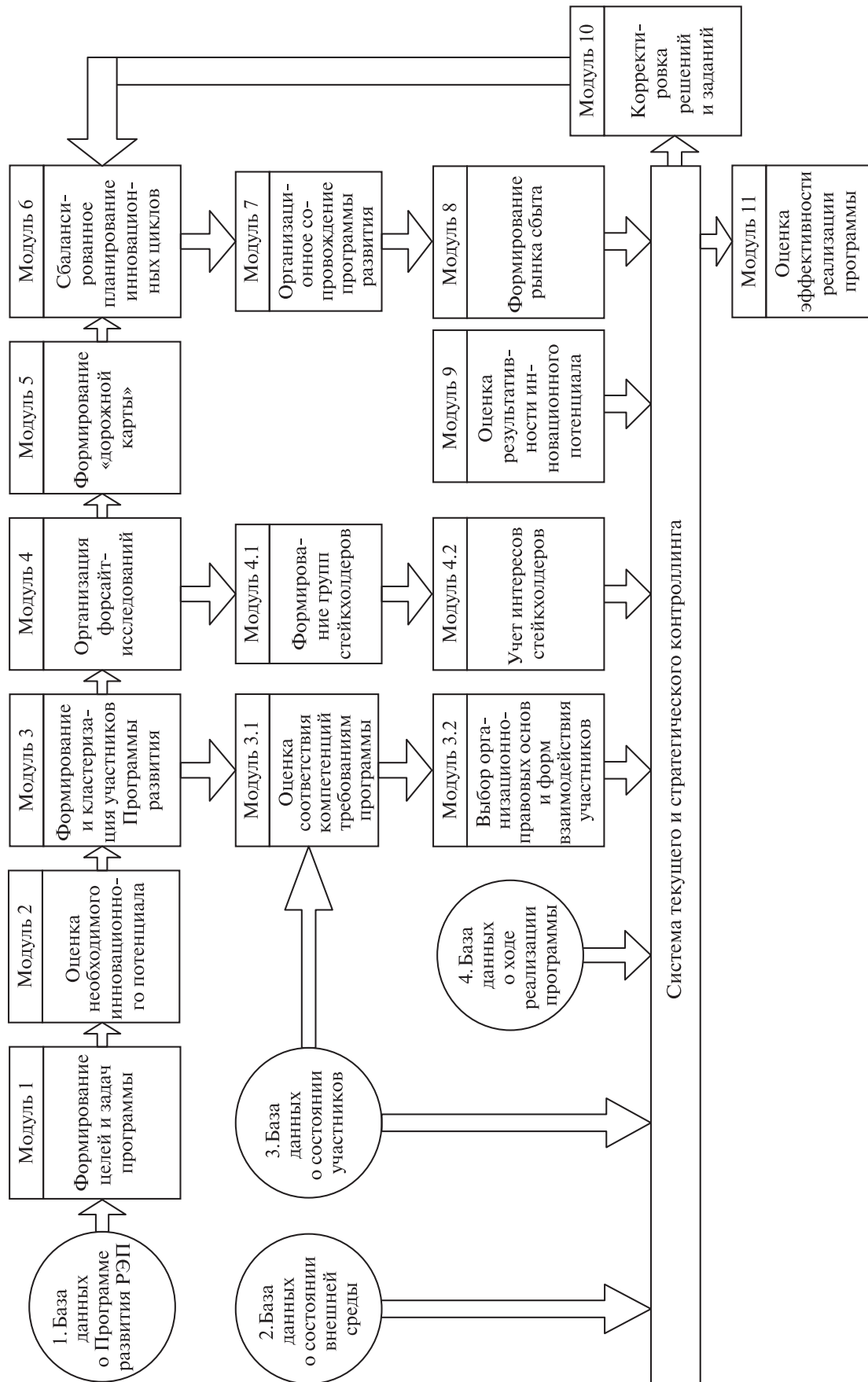

Рис. 1. Функциональные составляющие системного организационного интегратора

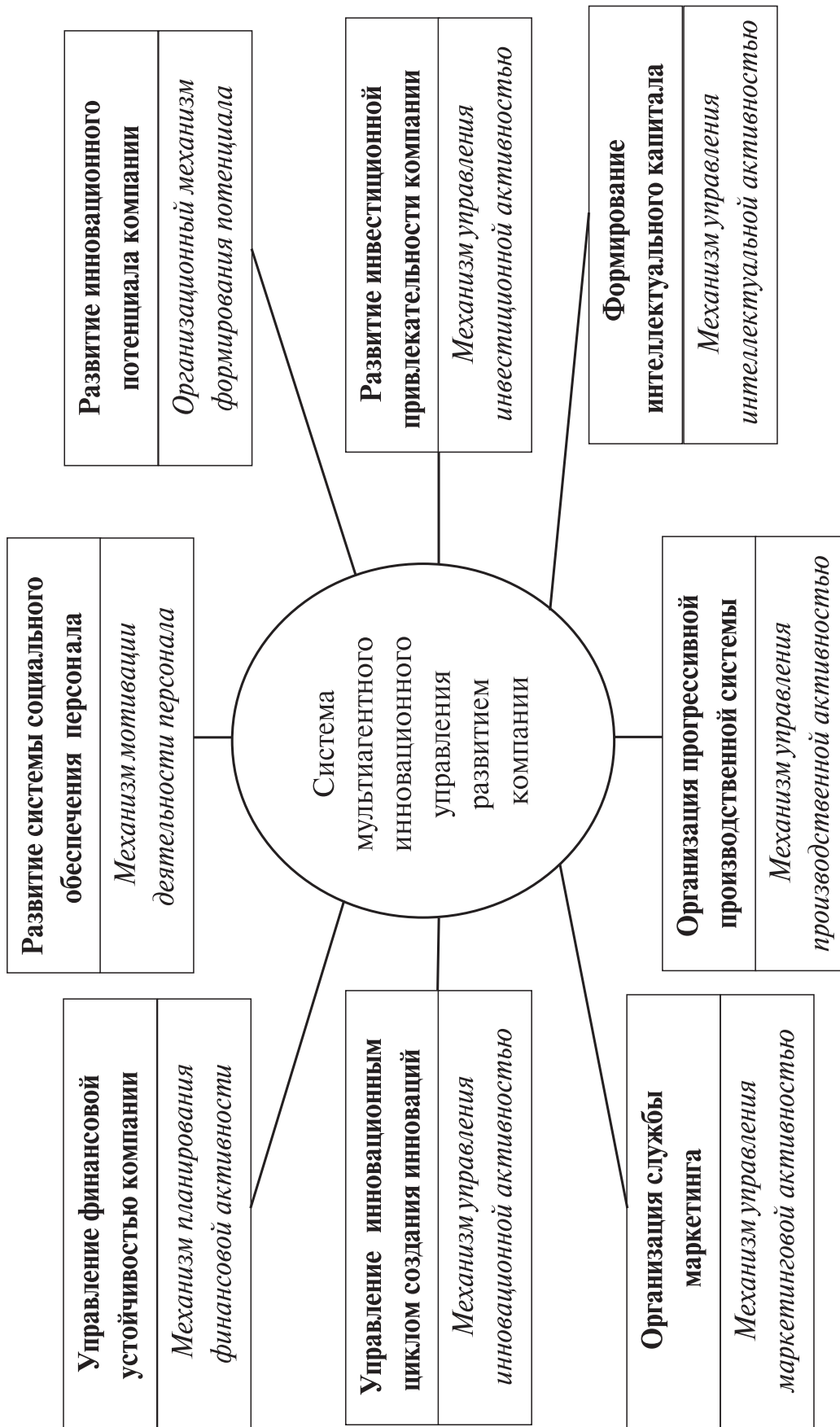

Рис. 2. Механизмы системы мультиагентного управления развитием компании

Список литературы и источников

1. **Анискин Ю. П.** Теоретические основы управления деловой активностью компании: учебник для магистратуры. М.: Ваш формат, 2021. 236 с.
2. **Mitchell R. K., Agle B. R., Wood D. J.** Toward a theory of stakeholder identification and salience: Defining the principle of who and what really counts // *Academy of Management Review*. 1997. Vol. 22. No. 4. P. 853—886. <https://doi.org/10.2307/259247>

References

1. Aniskin Yu. P. *Theoretical Framework of Company's Business Activity Management*: study guide for Master's degree students. Moscow: Vash format, 2021. 236 p. (In Russian).
2. Mitchell Ronald K., Agle Bradley R., Wood Donna J. "Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts". *Academy Management Review* 22.4 (1997): 853—886. <https://doi.org/10.2307/259247>

Библиографический список

1. **Анискин Ю. П.** Экономика инноваций : учебник для магистратуры по техническим направлениям и по менеджменту наукоемких компаний / Ю. П. Анискин. М. : Ваш формат, 2022. 224 с. : ил., табл.
2. **Анискин Ю. П.** Управление инновациями в системе управления инновационным развитием компании : учебник для бакалавров / Ю. П. Анискин. М. : Омега-Л, 2019. 260 с.
3. Корпоративное управление деловой активностью в неравновесных условиях : монография / Ю. П. Анискин, П. Н. Дытыненко,

А. А. Сухманов, А. С. Яковлев ; под ред. Ю. П. Анискина. М. : Омега-Л, 2015. 299 с.: ил., табл. (Деловая активность).

Bibliography

1. Aniskin Yu. P. *Innovation Economics*: textbook for Master's degree in engineering field of study and science-based company management. Moscow: Vash format, 2022. 224 p., ill., chart. (In Russian).
2. Aniskin Yu. P. *Innovation Management in a Company's Innovative Development Management System*: textbook for Bachelor's degree. Moscow: Omega-L, 2019. 260 p. (In Russian).
3. Aniskin Yu. P., auth. and ed., Dytynenko P. N., Sukhmanov A. A., Yakovlev A. S. *Economic Activity's Corporate Management in Nonequilibrium Conditions*: monograph. Moscow: Omega-L, 2015. 299 p., ill. Series Delovaya aktivnost'. (In Russian).

Информация об авторе

Анискин Юрий Петрович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Yuriy P. Aniskin — Dr. Sci. (Econ.), Professor at Department of Economics, Management and Finance, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 02.09.2022.

The article was submitted 02.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 15—20.

Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 15—20.

Научная статья

УДК 334.012

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-15-20

Теоретические основы управления самоорганизацией интегрированных бизнес-структур

А. Ю. Бударов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

fmn@miee.ru

Аннотация. Статья посвящена разработке и совершенствованию методологического обеспечения интегрированных бизнес-структур. Приведен краткий обзор основных теоретических исследований с целью обосновать использование системно-синергетического подхода в качестве концептуальной основы управления процессами самоорганизации в научно-производственных комплексах. Сделан вывод, что интегрированные структуры могут служить наиболее адекватной организационно-экономической формой для реализации масштабных проектов в инвестиционных программах развития.

Ключевые слова: научно-производственный комплекс, системно-синергетический подход, управление самоорганизацией, управление развитием, интегрированные бизнес-структуры, организационно-экономическая форма

Для цитирования: Бударов А. Ю. Теоретические основы управления самоорганизацией интегрированных бизнес-структур // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 15—20. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-15-20>

Original article

Theoretical backgrounds of integrated business structures self-organization management

An. Yu. Budarov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

fmn@miee.ru

Abstract. The author focuses on the development and improvement of methodological support of integrated business structures. A brief review of the main theoretical studies is given in order to substantiate the use of the system-synergetic approach as a conceptual basis for the management of self-organization processes in scientific-production complexes. It has been concluded that integrated structures can serve as the most adequate organizational and economic form for the implementation of large-scale projects in the investment development programs.

© Бударов А. Ю.

Keywords: scientific-production complex, system-synergetic approach, self-organization management, development management, integrated business structures, organizational and economic form

For citation: Budarov An. Yu. "Theoretical Backgrounds of Integrated Business Structures Self-Organization Management". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 15—20. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-15-20>

Методология управления самоорганизацией интегрированных бизнес-структур опирается на теоретический базис существующих научных подходов в рамках теории самоорганизации и теоретических положений управления самоорганизацией социально-экономических структур. В теории систем в качестве одного из основных компонентов системы любого характера и предметной области определена совокупность системных свойств. Значимую роль среди них играет свойство самоорганизации, обуславливающее возникновение спонтанных процессов морфогенеза и эволюции системы. Система, структурированная в результате таких процессов, обладает большей результативностью, эффективностью функционирования, меньшей ресурсоемкостью по сравнению с системой, сформированной искусственно. Этот эффект усиливается в более сложных системах или по мере усложнения эволюционирующей системы.

Как правило, социально-экономические системы относятся к множеству сложных систем. Их особенностью является наличие существенного количества элементов различного характера, а также многомерных связей между элементами. Кроме того, к специфике каждого из этих элементов можно отнести их активность, а именно наличие таких атрибутов, как индивидуальные цели, многовариантность собственных стратегий, способность принимать решения и определять свою индивидуальную траекторию поведения, реагировать на действия других элементов системы и на внешние воздействия на систему. Данные аргументы доказывают, что воссоздание искусственно централизованных систем такого уровня сложности проблематично. Поэтому очевидной представляется потребность

в использовании этого свойства самоорганизации для управления формированием и развитием сложных социально-экономических систем.

Комплекс наукоемких предприятий (НПК) является сложной социально-экономической системой открытого характера. Основным инструментом управления развитием НПК утвердился в практике реализации стратегий территориально-отраслевого развития, это — реализация инвестиционных программ. Всё множество проектов в таких программах возможно разделить на основные (системообразующие) и дополнительные. Организационный механизм реализации основных инвестиционных проектов предполагает формирование устойчивых партнерств и интеграцию нескольких предприятий НПК. Исходя из этого, в качестве концептуальной основы реализации целесообразно использовать свойство самоорганизации интегрированных бизнес-структур НПК, а в качестве инструмента управления процессами самоорганизации — формирование системообразующих условий, повышающих мотивацию предприятий НПК к участию в интеграционных процессах.

Процесс самоорганизации представляет собой свойства системы противостоять энтропии и развивать негэнтропийные тенденции, использовать возможности адаптации к изменению внешних условий и факторов воздействия. Проявление этих свойств на протяжении некоторого времени определяет процесс саморазвития системы [6]. Причинность самоорганизации систем рассматривалась во многих философских концепциях, из основных предложенных подходов можно выделить два основных, противоположных: первый — свойства и особенности элементов как первопричина

возникновения системы; второй — идея целостности как источник формирования системы [3]. В теории систем мотивационной основой формирования системы является заинтересованность, которая может иметь как объективный, так и субъективный характер и запускает процесс целеполагания. Существование этого стимула служит необходимым и достаточным условием для трансформации хаотичной среды в упорядоченность и обуславливает возникновение системы [3].

Досистемное хаотичное множество включает в себя бизнес-единицы, бизнес-процессы этих единиц, параметры экономической конъюнктуры, условия реализации экономических процессов и др. Среди характеристик досистемной хаотичной среды выделяют ее аморфность, однородность, высокую энтропию [3]. Объект, обладающий такими характеристиками, как правило, имеет слабую чувствительность к внешним воздействиям. Существует высокая вероятность затухания колебаний различных видов внешнего воздействия, в том числе и управляющего, без должного эффекта. Обеспечение силы внешних воздействий зависит от разработки управленческих механизмов. Наиболее целесообразным с этой точки зрения является подход, позволяющий инициировать процесс самоорганизации в досистемной хаотичной среде. Во-первых, это формирование условий, достаточных для нарушения равновесного состояния в локализованных областях досистемной хаотичной среды. Во-вторых, локализация неравновесного состояния инициирует процессы морфогенеза интегрированных структур. В-третьих, морфогенез меняет характеристики досистемной среды: снижается ее энтропия, уменьшается число степеней свободы в локализованных областях. Обозначенные этапы трансформации досистемного множества в систему в конечном итоге приводят к возникновению устойчивых связей между ее элементами.

Далее проецируем наш подход на создание экономической системы НПК. Адекватные системообразующие условия влекут

за собой нарушение экономического равновесного состояния на определенных сегментах рынка НПК и инициируют процессы самоорганизации интегрированных бизнес-структур. В результате формируются устойчивые целевые бизнес-процессы и цепочки создания стоимости, организационные структуры реализации целевых инвестиционных проектов. Таким образом, повышается вероятность достижения целей развития НПК. В монографии В. Д. Могилевского приведены предпосылки инициирования процессов самоорганизации в досистемной среде [3]. Среди них — множество элементов, имеющих спонтанное поведение, внешнее управляющее воздействие и нелинейность функциональной зависимости между параметрами. Существование данных предпосылок свойственно НПК. НПК включает множество бизнес-единиц, каждая из которых является активным компонентом и обладает своими индивидуальными интересами и целями, собственной стратегией и тактикой деятельности, способна принимать решения в рамках своих интересов. Следовательно, с позиции субъекта, который управляет процессами самоорганизации и саморазвития НПК, поведение таких компонентов спонтанно. Воздействие субъекта управления предполагает формирование достаточных системообразующих условий.

Перейдем к закономерностям самоорганизации упорядоченных пространственных и временных структур различного характера. Процесс самоорганизации является предметом исследования синергетики. Название этой научной сферы введено немецким физиком Г. Хакеном в ходе исследования кооперативных процессов лазерного излучения [6]. Предложенный Г. Хакеном подход основан на возникновении определенных пространственных, временных и функциональных структур, т. е. на качественных преобразованиях неравновесных систем в результате кооперации компонентов. Согласно данному подходу, процесс самоорганизации системы происходит без специфического внешнего воздействия [7]. Специфическое внешнее воздействие предполагает непосредственное

директивное «навязывание» системе определенных структурных или функциональных требований, тогда как неспецифическое внешнее воздействие управляющего характера направлено на формирование условий неравновесности, оно инициирует процесс самоорганизации [6; 7].

Рассмотрим изменение характеристик системы, находящейся в неравновесном состоянии, при наличии достаточно небольших по масштабам, но своевременных и обоснованных воздействий [2]. Известно, что по мере ухода от равновесного состояния повышается чувствительность системы к внешним воздействиям. Чтобы инициировать процессы самоорганизации интегрированных бизнес-структур, субъект управления привлекает определенное количество материальных, финансовых, кадровых или информационных ресурсов. В данном случае системообразующей является мотивационная основа повышения деловой активности предприятий НПК. Такое неспецифическое внешнее воздействие отличается от специфического существенно меньший масштаб требуемых ресурсов. Именно от так называемого эффекта рычага, когда относительно небольшие воздействия обеспечивают самоорганизацию сложных систем, и зависит эффективность неспецифического воздействия.

Однако интенсивность динамики процесса самоорганизации будет определяться не только величиной сформированного посредством внешнего воздействия потенциала, но также степенью адаптации самоорганизующейся системы к новым условиям функционирования. В условиях стремления максимизировать свою прибыль каждый компонент системы выберет оптимальный в новых условиях режим функционирования и снова достигнет равновесного состояния. Выбор режима функционирования осуществляется в момент изменения параметров неспецифического внешнего воздействия и создания условий неравновесности. Оптимальная траектория функционирования приводит к снижению неравновесности и постепенно обеспечивает новое равновесное состояние оптимальности. Такая последовательность стадий определяет содержание

одной итерации процесса самоорганизации. С этой позиции процесс самоорганизации интегрированной бизнес-структуры представляет собой целеориентированную серию итераций и иерархию неустойчивости.

Факторы, определяющие процесс самоорганизации и саморазвития системы, назвал Г. Хакен, это — параметры начального состояния системы, параметры управляющих воздействий на систему и параметры случайных флуктуаций системы [7]. Именно наличие случайных флуктуаций и обуславливает существование бифуркаций в системе и переход ее на новый предельный цикл функционирования, а следовательно, и появление новых свойств. В момент возникновения неравновесности и фазового перехода [7] имеют место критические флуктуации параметров порядка, которые являются коллективными и характеризуют макроскопическую структуру. Вместе с тем данные параметры порядка, если исходить из принципа подчинения, определяют характеристики микроскопических составляющих системы.

Поскольку мы рассматриваем в качестве высокоорганизованных систем социально-экономические системы, среди особенностей высокой организации, названных Хакеном, выделим следующие: высокая степень и значимость согласованности взаимодействия отдельных элементов, а именно скоординированный, когерентный обмен информацией. Информация является своеобразной средой, воссозданной самими элементами системы и используемой ими для координации, т. е. когерентного кооперативного функционирования. Таким образом, одним из аспектов неспецифического внешнего воздействия является создание единой информационной среды для предприятий НПК, которая в дальнейшем стимулирует процессы самоорганизации интегрированных бизнес-структур. Благоприятное влияние на этот процесс оказывают глобальные тенденции цифровизации экономики. Поэтому поместим в центр внимания развитие систем в соответствии с теорией синергетики, а именно с ее продолжением в трудах И. Пригожина [4; 5; 6]. Согласно

его теоретическим положениям, развитие системы берет начало в процессах, которые происходят на уровне отдельных элементов системы, а не всей системы в целом. Безусловно, эти локальные процессы подвержены неустойчивости, неравновесности и случайным флуктуациям. При этом в больших сложных системах с активными элементами по мере увеличения количества элементов растет вероятность нелинейных случайных микрофлуктуаций, обусловленных существованием свободы выбора решений у каждого элемента. В диссипативных процессах среды открытой системы микрофлуктуации обуславливают возникновение новых качественных состояний и самоорганизацию системы из однородного неупорядоченного состояния, характерного для среды досистемной [4; 5]. Поскольку в равновесной системе функционирование элементов характеризуется относительной независимостью и отсутствием корреляций, формирование упорядоченных структур маловероятно. Однако при взаимодействии с внешней средой состояние системы становится неравновесным, функционирование элементов — согласованным, а их взаимодействие — когерентным [1].

Подводя итог анализу теоретических положений, сформулированных известными в синергетике исследователями, обобщим теоретические основы управления самоорганизацией интегрированных структур предприятий. Во-первых, внешнее неспецифическое воздействие требует адекватных для конкретного комплекса наукоемких предприятий форм, таких, чтобы максимально стимулировать рост деловой активности предприятий досистемной среды НПК и сформировать неравновесность бизнес-среды. Во-вторых, ресурсный характер внешнего воздействия определяет режим совместного функционирования предприятий НПК. О его эффективности свидетельствует повышение согласованности и когерентности деятельности бизнес-единиц НПК, а также упорядоченная интегрированная структура комплекса. Интенсивность морфогенеза интегрированных бизнес-структур стимулируется формированием единого информационного пространства предприятий НПК.

Таким образом, приведенный краткий обзор является обоснованием целесообразности системно-синергетического подхода к формированию НПК. Такая концептуальная основа разработки и совершенствования методов и инструментов управления, с одной стороны, продолжает процесс интеграции наук, с другой — служит теоретической базой для интегрированных структур предприятий, кооперационных сетевых объединений, которые учитывают современные особенности и тенденции развития территориально-отраслевой экономики. В свою очередь, интегрированные структуры являются адекватной организационно-экономической формой для реализации масштабных проектов в инвестиционных программах развития научно-производственных комплексов.

Список литературы и источников

1. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Философия: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 1998. 563 с.
2. *Клевлин А. И., Моисеева Н. К.* Организация гармоничного производства (теория и практика): учеб. пособ. М.: Омега-Л, 2003. 357 с.
3. *Могилевский В. Д.* Методология систем: вербальный подход. М.: Экономика, 1999. 251 с. (Системные проблемы России).
4. *Николис Г., Пригожин И.* Познание сложного: Введение / пер. с англ. В. Ф. Пастушенко. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2003. 342 с.: ил., табл. (Синергетика: от прошлого к будущему).
5. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ.: Ю. А. Данилов. 4-е изд., стер. М.: УРСС, 2003. 310 с.: ил. (Синергетика: от прошлого к будущему).
6. Системный анализ и принятие решений: словарь-справочник / под общ. ред. В. Н. Волковой, В. Н. Козлова. М.: Высшая школа, 2004. 616 с.
7. *Хакен Г.* Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам / пер. с англ.: Ю. А. Данилов, А. В. Берков. 2-е изд., доп. М.: КомКнига, 2005. 245 с.: ил. (Синергетика: от прошлого к будущему).

References

1. Alekseyev P. V., Panin A. V. *Philosophy*, textbook. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 1998. 563 p. (In Russian).
2. Klevlin A. I., Moiseyeva N. K. *Harmonious Production Engineering (Theory and Practice)*, study guide. Moscow: Omega-L, 2003. 357 p. (In Russian).
3. Mogilevskiy V. D. *Systems Methodology: Verbal Approach*. Moscow: Ekonomika, 1999. 251 p. (In Russian). Sistemnyye problemy Rossii.
4. Nicolis Gregoire, Prigogine Ilya. *Exploring Complexity: An Introduction*. New York: W. H. Freeman & Co., 1989. xi, 313 p.
5. Prigogine Ilya, Stengers Isabelle. *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. 1984. London: Verso, 2018. 384 p. Radical Thinkers.
6. Volkova V. N., Kozlov V. N., gen. eds. *System Analysis and Decision-Making*, reference work. Moscow: Vysshaya shkola, 2004. 616 p. (In Russian).
7. Haken Hermann. *Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems*. Berlin: Springer, 1988. xii, 196 p. Springer Series in Synergetics. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-07893-8>

Информация об авторе

Бударов Андрей Юрьевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, д. 1).

Information about the author

Andrei Yu. Budarov — Ph.D. in Economics, Assoc. Prof., Professor at Economics, Management and Finances Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 24.11.2022.

The article was submitted 24.11.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 21—28.

Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 21—28.

Научная статья

УДК 334.012

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-21-28

Социально-экономическая природа социального предпринимательства и развитие молодежи

М. В. Добрынина, А. А. Андреева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

marin709@rambler.ru

Аннотация. Отмечены тенденции роста как социального предпринимательства, так и интереса ученых к этому интенсивно развивающемуся социальному феномену. Показано, что теория социального предпринимательства находится на предпарадигмальном этапе своего развития. Проанализирована социально-политическая сущность социального предпринимательства, выделены его ключевые особенности, к числу которых отнесено решение социальных проблем в качестве приоритетной цели бизнес-деятельности. Проанализированы глобальные факторы, обуславливающие развитие предпринимательства во всем мире. Сделан вывод, что социально-экономическая природа социального предпринимательства и его направленность на решение социальных и экономических проблем молодежи делает его важным фактором развития молодежи.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, бизнес, социальное развитие, социальный капитал, государство всеобщего благосостояния, молодежь, безработица

Для цитирования: Добрынина М. В., Андреева А. А. Социально-экономическая природа социального предпринимательства и развитие молодежи // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 21—28. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-21-28>

Original article

Socio-economic nature of social entrepreneurship and youth development

M. V. Dobrynina, A. A. Andreeva

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

marin709@rambler.ru

Abstract. In this work, the trends of growth of both social entrepreneurship and the scientists' interest in this intensively developing social phenomenon are depicted. It is shown that the theory of social entrepreneurship is at the pre-paradigm stage of development. The socio-political essence of social entrepreneurship is analyzed, its key features are highlighted, among which the solution

---

© Добрынина М. В., Андреева А. А.

of social problems as a priority goal of business activity. The global factors that determine the development of entrepreneurship around the world are analyzed. It has been concluded that the socio-economic nature of social entrepreneurship and its focus on solving social and economic problems of young people makes it an important factor in youth development.

Keywords: social entrepreneurship, business, social development, social capital, welfare state, youth, unemployment

For citation: Dobrynina M. V., Andreeva A. A. "Socio-Economic Nature of Social Entrepreneurship and Youth Development". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 21–28. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-21-28>

Введение

Социальное предпринимательство, зародившееся в Европе еще в XIX в., получило ощутимый толчок к развитию в 1980-х и 1990-х гг. с появлением других инновационных социальных практик, характеризующих постиндустриальный этап развития экономики и общественных отношений. В настоящей статье социальное предпринимательство понимается как бизнес-деятельность, осуществляемая не только в целях получения прибыли, но и, в первую очередь, в целях решения социальных проблем. Именно эта характеристика: сочетание бизнес-целей и, по сути, благотворительности — определяет уникальную гибридную природу социальных бизнес-проектов.

Важным фактором развития социального предпринимательства и роста значимости «социального капитала» в бизнесе в последние десятилетия является необходимость заполнения расширяющихся пробелов, возникающих в ткани системы социальной поддержки из-за неспособности государственных учреждений, неправительственных организаций (НПО) и благотворительных организаций удовлетворять растущий спрос различных категорий граждан, в том числе молодежи, на социальные услуги, а также инклюзию и партиципацию.

Уильям Дрейтон, основатель Ashoka — некоммерческой организации, которая поощряет социальное предпринимательство, — утверждает, что социальные предприниматели могут быть движущей силой социальных изменений. Мы солидарны с этой позицией и полагаем, что каталитические

инвестиции должны быть ориентированы на поддержку тех лидеров и бизнесов, в том числе из молодежной среды, которые предлагают и реализуют как можно более универсальные инновационные модели оказания социальных услуг и решения социальных проблем.

Определение социального предпринимательства

Социальное предпринимательство вызывает все больший интерес исследователей и бизнесменов всего мира, однако теоретическая база этого социально-экономического явления находится на стадии своего становления. Существующий объем исследований по социальному предпринимательству относительно скуден: известно ограниченное число эмпирических исследований [8; 16], и, как правило, их охват весьма узок; теоретических разработок, исследующих специфическую природу, характеристики и структуру социального предпринимательства, также относительно немного [1; 12; 14]. Соответственно, сегодня мы проходим предпарадигмальный эпистемологический этап настраивания методологической оптики для изучения сути, содержания и тенденций развития социального предпринимательства [9; 16, с. 173].

Определяя социальное предпринимательство, мы опираемся прежде всего на сущность бизнеса как такового, который может быть определен как процесс и состояние бытия, характеризующееся использованием людьми возможностей рынка для создания и роста новых коммерческих предприятий

[7, с. 217]. Вместе с тем ключевым элементом, определяющим социальное предпринимательство, является интенциональность бизнес-инициатив на социальные изменения и создание в первую очередь социальной, а не коммерческой прибыли и ценности [4]. В частности, социальное предпринимательство нередко зарождается как ответ общества на неблагоприятные, непредвиденные обстоятельства, такие как экономические кризисы или техногенные катастрофы, с тем чтобы компенсировать сокращение доступности ресурсов всех видов и оказать положительное влияние на общество, предлагая услуги или продукты, которые отвечают наиболее насущным потребностям людей или социума, а также инновационные решения наиболее острых социальных проблем [17].

В определенном смысле социальное предпринимательство может пониматься как механизм устранения, компенсации или уменьшения отрицательных последствий воздействия на общество и отдельные группы неблагоприятных социальных ситуаций и проблем, приводящих к маргинализации, бедности, страданиям, изоляции, несправедливости, неравенству, которые общество не может устранить самостоятельно. Основные «клиенты» социальных предпринимателей — маргинализированные или находящиеся в неблагоприятном положении группы или отдельные лица, не обладающие значительными финансовыми средствами.

Хотя социальное предпринимательство — это бизнес, для которого прибыль имеет значение, однако сама идея прибыли не выступает движущей силой этого социально-экономического явления: капитал, инвестиции, прибыль в социальном предпринимательстве рассматриваются не как цель, а как средство поддержания, развития и максимизации социальной эффективности. Как правило, большая часть полученной прибыли реинвестируется предпринимателями таким образом, чтобы в дальнейшем поддерживать устойчивость и рост социального предприятия. Ограниченная доля прибыли может быть распределена между акционерами, хотя

процессы принятия решений, как правило, не привязаны к доле капиталовложений [2].

Некоторые эксперты, анализируя специфику воздействия социального предпринимательства на общество, предлагают акцентировать его комплексность (подчеркивая наличие у социальных предприятий экономических, социальных, экологических и других аспектов эффективности) [5]. Для описания комплексных целей социального предпринимательства ученые нередко используют термин «смешанная стоимость», который концептуализирует сочетание финансовых, социальных и экологических целей и эффектов социального предпринимательства [6]. Концепция смешанной стоимости (ценности) позволяет на теоретическом уровне решить проблему упрощенного представления о том, что главная цель бизнеса должна быть либо финансовой, либо социальной: социальные предприятия, принимающие различные формы, не организуют и не концентрируют свою деятельность главным образом вокруг необходимости получения существенной финансовой прибыли, они стремятся максимизировать весь спектр потенциальных выгод и приобретений, ориентируясь на достижение баланса между прибыльностью и выполнением социальной миссии [6; 15].

Есть еще одна особенность социального предпринимательства, которую ученые нередко пытаются отразить в формулируемых определениях: специфика динамики наращивания ценности (стоимости). Цепочка создания стоимости — это ряд мероприятий, включая разработку, производство, маркетинг и послепродажное обслуживание, которые в конечном итоге повышают ценность продукта. Социальные предприниматели осуществляют целеполагание и измеряют эффективность предприятия и ценность продукта не только по завершении всего процесса создания стоимости, но и часто на разных этапах производства товара или услуги. Они ищут возможность максимизировать социальный эффект (социальный капитал) по всей цепочке создания стоимости (в частности, нанимают и обучают в рамках своей социальной миссии

наиболее уязвимые группы, проводят социальные пиар-кампании, привлекая внимание сообществ и спонсоров к социальным проблемам, оживляют истощенные общественные ресурсы, такие как земельный или жилищный фонд, располагая там штаб-квартиры и офисы и т. п.). Таким образом, ряд социальных задач уже эффективно решаются на разных этапах цепочки создания стоимости [2, с. 8].

Другая особенность социального предпринимательства — его способность создавать, укреплять и поддерживать долгосрочные связи с местными сообществами и группами интересов [2]. Эти отношения являются ключевыми факторами обеспечения прочности и устойчивости создаваемой предприятием социальной ценности. Контекстуальные факторы играют решающую роль в становлении и развитии социального предпринимательства. Потребности местного сообщества граждан, структура возможностей непосредственно воздействуют на цели и содержание социальных стартапов; как правило, цели и ценности социального предпринимательства напрямую связаны с желанием изменить социальное бытие, социальный порядок, взаимоотношения, решить с течением времени проблемы конкретных людей или сообществ своей территории.

Правовая структура и статус социальных предприятий могут существенно различаться. В них отражается специфика как экосистемы, в которой развивается бизнес (она может быть поддерживающей или препятствующей), так и средств, имеющихся в распоряжении социальных предпринимателей. Менеджмент социальных предприятий может использовать элементы партисипативного и демократического типов принятия решений и управления, нередко подразумевающих участие в принятии решений членов сообщества или группы, которым стремится служить социальное предприятие.

Таким образом, практически каждый аспект социального предпринимательства характеризуется значительной вариативностью, что затрудняет формулировку определения его понятия. В настоящей статье под

социальным предпринимательством мы понимаем *бизнес-деятельность по производству товаров и услуг, осуществляемую в условиях рынка, имеющую в качестве приоритетной цели решение социальных проблем, а не максимизацию финансовой прибыли*. Социальное предпринимательство характеризуется: наличием бизнес-идеи, экономической инициативы; нацеленностью на социальную пользу; партисипативным типом управления, которое основано на широком участии тех лиц и граждан, чьи интересы затрагивает предприятие, и в котором полномочия по принятию решений не коррелируют с капиталовложениями; ограниченным распределением прибыли.

Факторы развития социального предпринимательства

К числу основных факторов, которые в последние десятилетия способствуют росту социального предпринимательства, на наш взгляд, следует отнести:

- смену парадигмы социально-экономического развития и рост значимости социального капитала;
- смену ценностной парадигмы;
- трансформацию ролей различных институтов в реализации концепции «государства всеобщего благосостояния».

Смена парадигмы социально-экономического развития и рост значимости социального капитала

Возрастание значимости социального предпринимательства следует рассматривать в более широком контексте тенденции к смене парадигмы в сфере бизнеса и занятости во всем мире¹. Важные аспекты этих изменений связаны с растущей важностью как внутреннего, так и внешнего социального капитала для развития предприятия.

¹ Ряд экспертов указывают на особую роль глобального финансового кризиса 2008—2009 гг. в ускорении этого сдвига. Безусловно, гигантское влияние на процесс социализации бизнеса оказал кризис, охвативший весь мир на фоне пандемии COVID-19.

Эксперты ОЭСР определяют социальный капитал как «социальные связи, ценности и взаимопонимание (в организации, социальной группе, обществе), которые позволяют отдельным индивидам и группам доверять друг другу и таким образом работать для общего блага» [11, с. 102].

В последние годы экономисты указывают на то, что не только социальная значимость, но и экономический вес социального капитала может быть оценен в единицах стоимости, наряду с финансовым или человеческим капиталом организации или компании [10]. Соответственно, главы компаний во многих странах мира вольно или невольно принимают эту новую парадигму в качестве одного из императивов ведения бизнеса и теперь рассматривают (или вынуждены рассматривать) новые бизнес-планы среди прочего с позиций их социальной прибыльности [3]. Растущее влияние и значимость социального капитала в успехе предприятия подталкивает лидеров компаний не только к развитию и поддержанию позитивных отношений с различными социальными группами и институциональными структурами, такими как местные сообщества, клиенты и партнеры компании, но и к поиску новых данных и знаний о состоянии общества. Соответственно, сегодня руководство компаний проявляет интерес (и осуществляет заказ) не только к собственно маркетинговым исследованиям, но и к данным о состоянии рынка труда, неравенстве всех видов и т. п., стремясь к тому, чтобы продукция и услуги компаний не только увеличивали их прибыль или улучшали их имидж, но и способствовали решению болезненных социальных проблем, в том числе глобального масштаба.

Смена ценностной парадигмы

Смена поколений предпринимателей, в свою очередь, приводит к смене ценностей в бизнес-среде. В частности, молодые люди, в том числе лидеры компаний, всё чаще подвергают сомнению и пересмотру

традиционные представления экономистов «классического периода» о роли частного сектора: молодежь всё чаще видит в предпринимательстве не только и не столько область занятости, сферу самореализации и способ преумножения личного и общественного благосостояния, сколько новый спектр возможностей, инструмент гуманизации, облагораживания и улучшения социального бытия, благополучия людей (социальной среды), а также природной и культурной сред.

Трансформация ролей различных институтов в реализации концепции «государства всеобщего благосостояния»

Концепция «государства всеобщего благосостояния», которая начала оформляться еще в конце XIX в. и сегодня является базисом социальной политики наиболее экономически развитых государств всего мира, в том числе России, подразумевает, что органы государственной власти и их решения в области перераспределительной политики играют ключевую роль в социальном развитии обществ.

Сегодня государства испытывают колоссальное давление демографических процессов, а также финансовых кризисов, что приводит общества к необходимости пересмотра самой концепции «всеобщего благосостояния». Сегодня социальное и экономическое благо просто не может быть гарантированно обеспечено государствами всем группам населения, значительная и возрастающая доля которого не работает (дети, пенсионеры, больные) и оказывается на иждивении немногочисленного и уменьшающегося экономически активного кластера. Соответственно, многие государства переходят к политике «затягивания поясов», вынужденно сокращая социальные расходы. Благотворительные и другие некоммерческие организации, особенно зависящие от государственных грантов и субсидий, также не могут удовлетворить растущий спрос людей на социальные услуги.

Наши рассуждения не нацелены на то, чтобы подвергнуть сомнению фундаментальные основы концепции и идеологии «государства всеобщего благосостояния», которые предполагают безусловно ключевую роль государства в обеспечении благосостояния общества. Бизнес во все времена мог быть — и остается — только партнером государства, поддерживающим его усилия по обеспечению социального развития [13]. Вместе с тем мы не можем не признать, что роль бизнеса в этой кооперации в последние годы существенно возросла.

Социальное предпринимательство и развитие молодежи

В последние десятилетия мы наблюдаем взрывной рост количества и масштабов социальных бизнес-проектов, а также организаций, фондов, учебных программ, инвестиционных конкурсов, конференций и других механизмов поддержки социальных предпринимателей во всем мире [3], причем особое внимание уделяется именно молодежным социальным стартапам.

Безработица среди молодежи представляет собой одну из самых серьезных глобальных проблем. По последним оценкам, для удовлетворения растущей потребности молодежи в трудоустройстве в течение следующих 15 лет необходимо будет создать 600 млн рабочих мест. Для этой демографической группы поиск достойной высокооплачиваемой работы, особенно в развивающихся странах, — крайне сложная задача, поэтому, по некоторым оценкам, 96,8 % всех молодых работников в развивающихся странах заняты в неформальной экономике. Доля молодых людей, не имеющих работы, образования или профессиональной подготовки, оставалась неизменно высокой в течение последних 15 лет и сегодня составляет 30 % для молодых женщин и 13 % для молодых мужчин во всем мире. До тех пор, пока не будут устранены структурные барьеры, реализация мер по обеспечению занятости, ориентированных на молодежь, не приведет к существенным результатам [10; 11].

Вместе с тем при надлежащих условиях социальное предпринимательство может предложить молодежи возможности для устойчивого роста занятости. Поскольку социальное предпринимательство использует таланты и способности молодых людей, оно может способствовать канализированию их индивидуальных и организованных групповых усилий по осуществлению социальных перемен. Во многих исследованиях отмечается неравенство и дискриминация в доступе молодых людей не только к занятости и экономическим процессам, но и к политической власти.

В этом отношении социальное предпринимательство можно рассматривать как важный канал доступа молодежи к социально значимым решениям и действиям, влияющим на социальные процессы и управлению ими. Таким образом, социальное предпринимательство представляет собой один из инструментов удовлетворения потребности молодежи в инклюзии, социальной и политической партиципации, самостоятельном участии в решении проблем развития всех уровней: от личностного роста до глобальных изменений.

Итак, подводя итог, можно заключить, что сама социально-экономическая природа социального предпринимательства делает это направление деятельности крайне важным фактором и инструментом развития молодежи.

Список литературы и источников

1. *Bacq S., Hartog Ch., Hoogendoorn B.* A quantitative comparison of social and commercial entrepreneurship: toward a more nuanced understanding of social entrepreneurship organizations in context // *Journal of Social Entrepreneurship*. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 40–68. <https://doi.org/10.1080/19420676.2012.758653>
2. *Bidet E., Spear R.* The role of social enterprise in European labour markets: EMES network working paper No. 03/10 // *SSRN [Web] / Elsevier*. Oct. 2003. URL: <https://ssrn.com/abstract=1352411> (accessed: 30.11.2022).

3. **Bornstein D.** The rise of the social entrepreneur // Opinionator [Web] / New York Times. 13.11.2012. URL: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/11/13/the-rise-of-social-entrepreneur> (accessed: 30.11.2022).
4. **Dees J. G.** The meaning of social entrepreneurship // Duke — Fuqua CASE [Web] / The Fuqua School of Business. 1998. Reform. and rev. 30.05.2001. URL: https://centers.fuqua.duke.edu/case/knowledge_items/the-meaning-of-social-entrepreneurship/ (accessed: 30.11.2022).
5. **Ebrahim A., Rangan V. K.** What impact? A framework for measuring the scale and scope of social performance // California Management Review. 2014. Vol. 56. Iss. 3. P. 118—141. <https://doi.org/10.1525/cmr.2014.56.3.118>
6. **Emerson J.** The blended value proposition: integrating social and financial returns // California Management Review. 2003. Vol. 45. Iss. 4. P. 35—51. <https://doi.org/10.2307/41166187>
7. **Gries Th., Naudé W.** Entrepreneurship and human development: a capability approach // Journal of Public Economics. 2011. Vol. 95. Iss. 3-4. P. 216—224. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.11.008>
8. **Hoogendoorn B.** Social entrepreneurship in the modern economy: warm glow, cold feet: Doctoral Diss. Rotterdam: Erasmus Research Institute of Management, 2011. 228 p. (ERIM PhD Series in Research in Management; No. 246).
9. **Howaldt J., Domanski D., Schwarz M.** Rethinking social entrepreneurship: the concept of social entrepreneurship under the perspective of socio-scientific research // Journal of Creativity and Business Innovation [Web]. 2015. Vol. 1. URL: https://www.journalcbi.com/uploads/3/1/8/7/31878681/rethinking_social_entrepreneurship_the_concept_of_social_entrepreneurship_under_the_perspective_of_socio-scientific_innovation_research.pdf (accessed: 21.02.2022).
10. Job Creation and Local Economic Development 2018: Preparing for the Future of Work / OECD. Paris: OECD Publ., 2018. 272 p. <https://doi.org/10.1787/9789264305342-en>
11. **Keeley B.** Human Capital: How What You Know Shapes Your Life. Paris: OECD Publ., 2007. 150 p. (OECD Insights). <https://doi.org/10.1787/9789264029095-en>
12. **Kerlin J. A.** A comparative analysis of the global emergence of social enterprise // Voluntas. 2010. Vol. 21. Iss. 2. P. 162—179. <https://doi.org/10.1007/s11266-010-9126-8>
13. **Lecy J. D., Van Slyke D. M.** Nonprofit sector growth and density: testing theories of government support // Journal of Public Administration Research and Theory. 2013. Vol. 23. Iss. 1. P. 189—214. <https://doi.org/10.1093/jopart/mus010>
14. **Mair J.** Social entrepreneurship: Taking stock and looking ahead // Handbook of Research on Social Entrepreneurship / eds: A. Fayolle, H. Matlay: Cheltenham: Edward Elgar, 2010. P. 15—28.
15. **Nicholls A.** Social entrepreneurship: the emerging landscape // Financial Times Handbook of Management / eds: S. Crainer, D. Dearlove. 3rd ed. Harlow: FT Prentice-Hall, 2004. P. 636—643.
16. **Short J. C., Moss T. W., Lumpkin G. T.** Research in social entrepreneurship: past contributions and future opportunities // Strategic Entrepreneurship J. 2009. Vol. 3. Iss. 2. P. 161—194. <https://doi.org/10.1002/sej.69>
17. “The cowl does make the monk”: understanding the emergence of social entrepreneurship in times of downturn / J. L. Molina, H. Valenzuela-García, M. J. Lubbers et al. // Voluntas. 2018. Vol. 29. Iss. 4. P. 725—739. <https://doi.org/10.1007/s11266-017-9921-6>

References

1. Bacq Sophie, Hartog Chantal, Hoogendoorn Brigitte. “A Quantitative Comparison of Social and Commercial Entrepreneurship: Toward a More Nuanced Understanding of Social Entrepreneurship Organizations in Context”. *Journal of Social Entrepreneurship* 4.1 (2013): 40—68. <https://doi.org/10.1080/19420676.2012.758653>
2. Bidet Eric, Spear Roger. “The Role of Social Enterprise in European Labour Markets: EMES Network Working Paper No. 03/10”. SSRN. Elsevier, Oct. 2003. Web. 30 Nov. 2022. <<https://ssrn.com/abstract=1352411>>.
3. Bornstein David. “The Rise of the Social Entrepreneur”. *Opinionator*. New York Times, 13 Nov. 2012. Web. 30 Nov. 2022. <<https://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/11/13/the-rise-of-social-entrepreneur/>>.
4. Dees J. Gregory. “The Meaning of Social Entrepreneurship”. *Duke — Fuqua CASE*. The Fuqua School of Business, 1998, reform. and rev. 30 May 2001. Web. 30 Nov. 2022. <https://centers.fuqua.duke.edu/case/knowledge_items/the-meaning-of-social-entrepreneurship/>.

5. Ebrahim Alnoor, Rangan V. Kasturi. "What Impact? A Framework for Measuring the Scale and Scope of Social Performance". *California Management Review* 56.3 (2014): 118—141. <https://doi.org/10.1525/cmr.2014.56.3.118>
6. Emerson Jed. "The Blended Value Proposition: Integrating Social and Financial Returns". *California Management Review* 45.4 (2003): 35—51. <https://doi.org/10.2307/41166187>
7. Gries Thomas, Naudé Wim. "Entrepreneurship and Human Development: a Capability Approach". *Journal of Public Economics* 95.3-4 (2011): 216—224. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.11.008>
8. Hoogendoorn Brigitte. *Social Entrepreneurship in the Modern Economy: Warm Glow, Cold Feet*. Doctoral Diss. Rotterdam: Erasmus Research Institute of Management, 2011. 228 p. ERIM PhD Series in Research in Management, 246.
9. Howaldt Jürgen, Domanski Dmitri, Schwarz Michael. "Rethinking Social Entrepreneurship: The Concept of Social Entrepreneurship under the Perspective of Socio-Scientific Research". *Journal of Creativity and Business Innovation* 1 (2015): n. pag. Web. 21 Feb. 2022. <https://www.journalcabi.com/uploads/3/1/8/7/31878681/rethinking_social_entrepreneurship_the_concept_of_social_entrepreneurship_under_the_perspective_of_socio-scientific_innovation_research.pdf>.
10. OECD. *Job Creation and Local Economic Development 2018: Preparing for the Future of Work*. Paris: OECD Publ., 2018. 272 p. <https://doi.org/10.1787/9789264305342-en>
11. Keeley B. *Human Capital: How What You Know Shapes Your Life*. Paris: OECD Publ., 2007. 150 p. OECD Insights. <https://doi.org/10.1787/9789264029095-en>
12. Kerlin Janelle A. "A Comparative Analysis of the Global Emergence of Social Enterprise". *Voluntas* 21.2 (2010): 162—179. <https://doi.org/10.1007/s11266-010-9126-8>
13. Lecy Jesse D., Van Slyke David M. "Nonprofit Sector Growth and Density: Testing Theories of Government Support". *Journal of Public Administration Research and Theory* 23.1 (2013): 189—214. <https://doi.org/10.1093/jopart/mus010>
14. Mair Johanna. "Social Entrepreneurship: Taking Stock and Looking Ahead". *Handbook of Research on Social Entrepreneurship*. Eds. A. Fayolle, H. Matlay. Cheltenham: Edward Elgar, 2010. 15—28.
15. Nicholls Alex. "Social Entrepreneurship: The Emerging Landscape". *Financial Times Handbook of Management*. Eds. S. Crainer, D. Dearlove. 3rd ed. Harlow: FT Prentice-Hall, 2004. 636—643.
16. Short Jeremy C., Moss Todd W., Lumpkin G. T. "Research in Social Entrepreneurship: Past Contributions and Future Opportunities". *Strategic Entrepreneurship J.* 3.2 (2009): 161—194. <https://doi.org/10.1002/sej.69>
17. Molina J. L., Valenzuela-García H., Lubbers M. J., Escibano P., Lobato M. M. " 'The Cowl Does Make The Monk': Understanding the Emergence of Social Entrepreneurship in Times of Downturn". *Voluntas* 29.4 (2018): 725—739. <https://doi.org/10.1007/s11266-017-9921-6>

Информация об авторах

Добрынина Мария Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1).

Андреева Александра Андреевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1).

Information about the authors

Maria V. Dobrynina — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Department of Economics, Management and Finance, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Alexandra A. Andreeva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Department of Economics, Management and Finance, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 29.11.2022.

The article was submitted 29.11.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 29—36.

Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 29—36.

Научная статья

УДК 004.9 + 005.57:339.138

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-29-36

Перспективы развития рекламных бизнес-коммуникаций в цифровой среде

Д. О. Кузина¹, Л. В. Мрочко²

^{1–2} Московский гуманитарный университет, Москва, Россия

¹ Сбер Маркетинг, Москва, Россия

¹ kuzinadv@yandex.ru

² dr.discussion@yandex.ru

Аннотация. Сущность бизнес-коммуникаций анализируется с точки зрения функциональных преимуществ цифровых рекламных технологий. Обозначаются возможности платформы DMP, перспективы использования технологии больших данных (Big Data) в бизнесе, а также сложности управления большими данными и применение российских сетевых платформ. Авторы полагают, что результативность цифрового маркетинга зависит от сегментирования информации о потребителях в базе данных компании.

Ключевые слова: рекламные бизнес-коммуникации, цифровая среда, сегменты сообщений, платформа DMP, технологии Big Data, целевая аудитория, социальная сеть, программа-мессенджер, цифровой маркетинг

Для цитирования: Кузина Д. О., Мрочко Л. В. Перспективы развития рекламных бизнес-коммуникаций в цифровой среде // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 29—36. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-29-36>

Original article

Development prospects of advertising business communications in a digital environment

D. O. Kuzina¹, L. V. Mrochko²

^{1–2} Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

¹ Sber Marketing, Moscow, Russia

¹ kuzinadv@yandex.ru

² dr.discussion@yandex.ru

© Кузина Д. О., Мрочко Л. В.

Abstract. The essence of business communications is analyzed in terms of functional advantages of digital advertising technologies. The capabilities of the DMP platform, the prospects of using Big Data technology in business, as well as the complexities of big data management and the use of Russian network platforms have been outlined. The authors presume that the effectiveness of digital marketing depends on the segmentation of consumer information in the company database.

Keywords: advertising business communications, digital environment, message segments, DMP platform, Big Data technologies, target audience, social network, messenger program, digital marketing

For citation: Kuzina D. Ol., Mrochko L. V. "Development Prospects of Advertising Business Communications in a Digital Environment". *Economic and Social Research* 4 (36) 2022: 29—36. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-29-36>

В условиях цифровой среды возможности рекламных коммуникаций в продвижении товаров и услуг компаний неизмеримо возрастают, а следовательно, повышается и значимость цифрового маркетинга. Рекламная информация, рекламное сообщение, рекламная деятельность, — эти и другие производные распределения базового термина «реклама» достаточно изучены в отечественной научной литературе. Однако специфика исследования в сфере бизнеса диктует необходимость уточнить содержание понятия «рекламные бизнес-коммуникации». Существует множество вариантов трактовки сущности рекламных коммуникаций [2; 3; 7], выделим три из них:

- а) взаимодействие субъектов коммуникации на рынке для достижения поставленных целей;
- б) процесс обмена информацией между участниками рыночных отношений;
- в) научная отрасль, объектом исследования которой являются различные аспекты обеспечения эффективности деловых контактов.

Учитывая особенности рекламных коммуникаций в рамках этого понятийного аппарата, интерпретируем понятие «рекламные бизнес-коммуникации» как процесс передачи информации от хозяйствующего субъекта (рекламодателя) или организации (рекламного агентства) другому субъекту (целевой аудитории) либо конкретному лицу (потребителю), при котором между субъектами бизнеса существует социокультурное

или экономическое взаимодействие, а передача рекламной информации имеет целью формирование потребительского поведения.

Понятие цифровой среды можно рассматривать с разных сторон и позиций [6; 8; 9; 10]. Например, с технической стороны цифровая среда представляет собой *совокупность каналов связи и соответствующих приемо-передающих устройств*, которые позволяют передавать на большие расстояния информацию в виде нулей и единиц. Однако такое определение не входит в рамки контекста фундаментальных наук.

Следующая сторона понятия является более абстрактной: цифровая среда — это *среда логических объектов, используемая для описания (моделирования) другой среды (в частности, электронной и социальной)* на основе математических законов. Очевидно, что такой подход может успешно применяться в научных задачах, например, при решении задач моделирования и преобразования информации.

В нашем исследовании мы принимаем во внимание цифровую среду как *совокупность доступных широкому кругу потребителей электронных устройств и технологий*, используемых для получения информации в звуковой, визуальной, текстовой и других формах и передачи ее на большие расстояния в кратчайшие сроки. Важным аспектом современной цифровой среды является ее доступность для частного канала общения пользователей. Например, если создатели сайта предусмотрели такую

возможность, то пользователи могут регистрироваться и обмениваться информацией на платформе сайта в чатах с помощью механизма отправки личных сообщений (механизм включает ряд операций с информационными базами данных). Еще большими возможностями обладают технологии программ-мессенджеров. Эти цифровые продукты выполняют мгновенную пересылку фотографий, видеозаписей и голосовых сообщений (с функцией их создания непосредственно в программном модуле), что, безусловно, предоставляет широкие коммуникационные возможности не только для личного общения, но и для производственного взаимодействия или — еще более широко — для рекламных бизнес-коммуникаций.

Действительно, какой бы вид рекламных бизнес-коммуникаций мы ни рассматривали, их эффективная реализация обусловлена наличием платформы, которую предоставляет современная цифровая среда. Например, установление связи с новым бизнес-партнером достаточно быстро и с малыми усилиями осуществляется с помощью:

- поисковых систем Google и Яндекс;
- сайтов рекламных объявлений (общих или специализированных), а также других тематических сайтов, информация которых подлежит индексированию (их владельцы не ограничили возможность поисковых роботов фиксировать содержимое этих сайтов);
- социальных сетей, в частности активов российской инвестиционной технологической корпорации — «ВКонтакте», «Одноклассники», Мой мир@Mail.ru¹;
- программ-мессенджеров, в частности кроссплатформенной системы с неограниченным функционалом Telegram (российского производства), где есть возможность глобального поиска ресурсов.

¹ Социальные сети Facebook, Instagram, мессенджер WhatsApp сегодня запрещены в России, поскольку деятельность владельца этих сетевых платформ — компании Meta — официально признана экстремистской.

При желании нового партнера/клиента ознакомиться с продукцией/услугами производитель предлагает воспользоваться следующими ресурсами:

- а) сайт-каталог (если текст носит продающий характер, в большинстве случаев осуществляется продажа товара, за исключением специализированных видов продукции: оружейной, эксклюзивной, сверхдорогостоящей);
- б) красочный каталог в цифровом формате Portable Document Format, PowerPoint Presentation, предназначенный для просмотра в операционных системах Windows, Android, iOS;
- в) списочный каталог в формате электронной таблицы на базе компонентов Microsoft Office Suite — универсального редактора таблиц Excel (программы аналитической) и системы управления базами данных Access (программы организационной).

Вариант (а) подразумевает непосредственный доступ к ресурсу цифровой среды без предварительной загрузки платформы на клиентское устройство. В вариантах (б) и (в) ресурсы требуют размещения онлайн, а также могут быть переданы электронной почтой или любой из программ-мессенджеров [4]. Таким образом, процессы использования цифровой среды для передачи информации зависят от состава ресурса и отличаются значительно. Точнее, вид информационного объекта (звук, изображение, текст, число) и форма его представления определяют восприятие и способ фиксирования данных (каталог, таблица, гипертекст, гипермедиа).

Максимальный эффект от использования программ-мессенджеров может быть получен при согласовании особенностей и деталей договоров или контрактов между субъектами, которые территориально удалены друг от друга. При этом огромным преимуществом такого способа коммуникации является так называемое медленное решение, т. е. у партнеров бизнеса есть время, чтобы принять оптимальное решение и аргументировать наиболее эффективную для компании позицию, поскольку сообщение в мессенджере не требует моментального

ответа (в отличие от телефонных переговоров). Это крайне важно для менеджеров и бизнесменов, ведущих много сделок в параллельном режиме.

Таким образом, можно выделить ряд преимуществ от использования цифровых ресурсов для бизнес-коммуникаций.

1. Цифровая среда является эффективным информационным пространством для ведения переговоров и рекламных кампаний в режиме разумного распределения времени.
2. Компьютерные технологии позволяют при снижении затрат повысить скорость взаимодействия субъектов бизнеса — от быстрой пересылки больших объемов мультимедийной информации и вплоть до демонстрации необходимых рекламных видеозаписей в прямом эфире во время общения.
3. Цифровые информационные технологии расширяют возможности бизнес-коммуникаций: это легкое и естественное согласование мелких деталей договоров в онлайн-режиме, простое и быстрое привлечение сторонних экспертов и консультантов в режиме телеконференции [5].

Эффективность построения торговых схем на основе цифровых технологий определяется соответствием целям управления бизнесом, поскольку различные задачи решаются в управлении маркетингом, менеджментом или социальными системами. Например, в менеджменте активно применяются технологии: Miro (интерактивная онлайн-доска для совместной работы команд), Jira (инструмент для управления проектами, часто используется в IT-компаниях для формирования списка задач, отслеживания общего прогресса команды и решения возникающих по ходу разработки продукта проблем), Creative approval system (система для оперативного согласования правки в рекламных видео и баннерах). Однако основной задачей, решаемой различными способами, формами и средствами цифровой рекламы, выступает формирование позитивного имиджа компании в интересах увеличения объема продаж.

Помимо задач маркетинг-менеджмента и рекламной практики, от использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в торговой стратегии зависят и конкурентные преимущества компании. Причем сегодня это настолько существенно, что отказ от ИКТ грозит снижением показателей экономической деятельности, вплоть до закрытия неинформатизованного бизнеса. Это обусловлено не только сложной динамикой ИКТ: регулярно меняются технические составляющие рекламно-информационных сообщений — каналы, источники, виды и другие параметры. Конкурентные преимущества современной компании зависят также и от контекста цифровых рекламных коммуникаций, который трансформируется сегодня с огромной скоростью: появляются новые продукты, рынки, технологии, новая среда ведения бизнеса, переформируются потребительские вкусы и предпочтения [12; 13].

Обратная связь требует цифровых навыков и от специалиста компании, и от потребителя. Потребители генерируют огромный объем данных: формируют онлайн-заказы, делают привязку к конкретному товару, публикуют предложения по улучшению сервиса, оставляют отзывы о качестве приобретенных товаров. Любое действие потребителя оставляет так называемый цифровой отпечаток в сети Интернет, что открывает для компаний возможность сбора информации о потребителях и их запросах. Полученная таким образом база данных может быть использована как для индивидуальной коммуникации с каждым из пользователей, так и для формирования маркетинговой стратегии на перспективу. Поэтому компании должны иметь специалистов, которые обладают навыками анализа и систематизации информации посредством цифровых технологий.

Рассмотрим с этой точки зрения возможности платформы управления данными Data Management Platform (DMP). Программа предпочтительна для хранения маркетинговых данных, для автоматизированной работы с собственными и внешними данными, предназначенными для бизнес-целей [11].

Основные функции DMP:

- 1) сбор данных о клиенте из различных источников (собственных, партнерских, сторонних) в единый клиентский портфель;
- 2) сегментация клиентской базы на основе личных данных, обобщение данных с помощью дополнительных инструментов в целях определения потенциала аудитории;
- 3) загрузка данных во внешние рекламные кабинеты различных рекламных источников;
- 4) аналитика использованных данных;
- 5) подготовка данных для оптимизации рекламных кампаний.

Рассмотрим пример использования платформы для решения кейса производителя детского питания АО «Прогресс» и создания одного из брендов компании — «ФрутоНяня». Цель данного бренда заключается в том, чтобы привлечь родителей заботой о здоровом питании младенца. С этой целью набор продуктов классифицирован в соответствии с возрастными особенностями питания: вода для детей в возрасте до 3 мес.; пюре и гипоаллергенные каши для детей от 4 до 6 мес.; творог, супы, каши с кусочками фруктов и ягод — от 6 мес. до 1 года. Допустим, возраст ребенка — 5 мес. Система DMP через сайт распознает сведения по идентификатору в браузере, свяжет данные с внутренней клиентской базой Customer Relationship Management (CRM) и покажет пользователю сайта баннерную рекламу новой линейки продукта, который можно вводить в рацион питания с 5 мес. В функциональную структуру сайта включены информационные блоки рецептов и биржи рекламы, которые объединяют информацию профиля клиента с динамической информацией, которую предоставляет DMP, при этом специальные компоненты системы выводят актуальное для клиента объявление о продукте. В программное обеспечение бренда входит механизм фиксации и связывания пользовательской информации на веб-страницах сайта «ФрутоНяня», механизм предоставляет новую

рекламу того же продукта, но уже со скидкой в определенной сети ретейла. Согласно психологии рекламы, такое сочетание элементов медиапланирования, как частота рекламы продукта на сайте «ФрутоНяня» и акций в приложении X5 Retail Group (ретейла группы компаний X5 — «Пятерочка», «Перекресток» и др.), обеспечивает эффективное мотивирование клиентов производителя детского питания. На примере применения DMP для решения кейса АО «Прогресс» мы видим, что функции программы позволяют выполнить задачи не только аккаунтинга, но и клиентского сервиса, а также расширения базы пользователей сайта компании.

Источники информации, используемые при создании платформы управления данными, составляют клиентский портфель. *Данные первого порядка* (first-party data) — внутренние, первичные, или собственные. Они содержат сведения, которые были собраны в прямом общении с клиентами. К ним относятся факторы поведения, история покупок и посещений точки продаж, контакты, социальные и демографические данные. Интероперабельность платформы DMP обусловлена свойством системы собирать личные данные онлайн из открытых источников: форм регистрации; файлов cookie, вшитых в ссылки или картинки-пиксели; сервиса CRM, который формирует профиль клиента; а также с помощью инструментов, отслеживающих аналитику на сайте: Яндекс.Метрика, Google Analytics, DoubleClick Campaign Manager и др.

Данные второго порядка (second-party data) — это сведения, собранные и переданные сторонней организацией. Принцип сбора тот же, но вторичные данные составляет информация о клиентах за пределами целевой аудитории.

Данные третьего порядка — это сведения, предоставленные организациями, которые не взаимодействуют с клиентами. Это информация государственных и некоммерческих источников.

Правильное управление данными имеет ценность в современных бизнес-коммуникациях. В этом отношении

преимущество DMP-платформы состоит в точной системе адресации, идентифицирующей пользователей, и эффективных способах коммуникации с целевыми аудиториями.

- Во-первых, это способствует увеличению прибыли компании. Аналитика данных позволяет разрабатывать эффективные маркетинговые стратегии, что, в свою очередь, повышает коэффициент отклика, конверсию и увеличивает популярность брендов. Для маркетолога и бренд-менеджера повышение конверсии означает рост продаж товаров и услуг.
- Во-вторых, с помощью DMP можно определить рекламные каналы, наиболее подходящие для аудитории, чтобы в большей мере увеличить отдачу от рекламных инвестиций.
- В-третьих, менеджеры крупных компаний оптимизируют данные о лояльности клиентов с помощью таких цифровых технологий, как электронная почта, телеконференция, форум, чат. Платформа DMP накапливает и сегментирует данные о клиентах таким образом, чтобы у маркетолога было полное понимание возможных аудиторий, и предлагает стратегии развития, на основании которых руководитель компании принимает обоснованные бизнес-решения.

Выделим основное преимущество платформы DMP: это экономия ресурсов и снижение затрат за счет готовых кейсов сервиса CRM. Программа помогает определить целесообразность рекламной кампании — больше нет необходимости проверять сомнительный прогноз эффективности на практике. Более того, можно создать портрет целевого клиента, используя данные профиля пользователей сайта и потенциальных клиентов, с целью определить эффективные методы мотивирования клиента, который не завершил оформление заказа. Маркетологи и рекламные агентства получают возможность выбрать приемлемый сегмент аудитории потребителей

или найти новых лояльных и постоянных потенциальных клиентов [1].

Отдельно хотелось бы затронуть тему создания кастомных сегментов с помощью платформы управления данными. Например, используя данные сторонней компании «Телеком», можно собрать уникальные сегменты под задачу компании-ритейлера ювелирных украшений. Приведем примеры каналов, используемых для сегментирования платежеспособной аудитории в целях создания рекламной кампании для товаров премиум-сегмента:

- нотификация (служебные уведомления) о покупке билетов бизнес-класса или проходе в бизнес-зал по карте Priority Pass с условием ежемесячного дохода в сумме от 250 тыс. руб.;
- нотификация о премиум-классе фитнес-клуба и яхт-клуба с условием ежемесячного дохода в сумме от 250 тыс. руб.;
- входящие/исходящие звонки в рестораны премиум-класса и звонки в салоны красоты и СПА премиум-класса;
- пользование мобильными приложениями для онлайн-аукционов антиквариата и предметов искусства.

Очевидно, что конкурентоспособность бизнеса и формирование новых источников извлечения прибыли сегодня зависят от преимуществ внедрения цифровых продуктов в основу бизнеса, базовые аспекты которой требуют качества рекламных коммуникаций и ведения переговоров с партнерами с использованием передовых технологий. В целом это обуславливается возможностями цифрового маркетинга, упрощающими цепочку бизнес-взаимодействия «потребитель — производитель»: сервисы становятся интуитивно понятными, продукты не требуют особых интеллектуальных способностей от пользователей и, что самое важное, сокращают время на покупку. Следовательно, цифровая трансформация бизнеса не только удовлетворяет запросам современного потребителя, но и управляет его предпочтениями, поскольку базируется на сегментации его личных данных.

Список литературы и источников

References

1. Большие данные (Big Data) // TAdviser: портал по теме корпоративной информатизации [Электронный ресурс]. 24.10.2017. URL: [\(http://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Большие_данные_\(Big_Data\)\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Большие_данные_(Big_Data)) (дата обращения: 17.10.2022).
2. **Костромина Е. А.** Изучение рекламы как средства массовых коммуникаций: социолингвистический аспект: сб. статей. М.: Директ-медиа, 2014. 92 с.
3. **Ляпина Т. В.** Бизнес и коммуникации, или Школа современной рекламы. М.: Альтер-пресс, 2012. 286 с.
4. **Марухно Д. Ю.** Феномен рекламы в изменяющихся условиях современного мира // Молодой ученый. 2010. № 10 (21). С. 357–360. EDN NUEBWJ.
5. Развитие предпринимательства: концепции, цифровые технологии, эффективная система: монография / А. В. Шаркова, А. А. Прудникова, Г. В. Колесник и др.; под общ. ред. М. А. Эскиндарова. М.: Дашкови К°, 2019. 604 с.
6. Реалии и перспективы цифровой трансформации экономики: монография / под ред. О. Б. Пичкова. М.: МГИМО-Университет, 2020. 209 с.
7. Рекламная коммуникация: лингвокультурный аспект: сборник обзоров / отв. ред. Н. Н. Трошина. М.: ИНИОН РАН, 2011. 172 с.
8. **Сологубова Г. С.** Составляющие цифровой трансформации: монография. М.: Юрайт, 2019. 147 с.
9. **Шеффер Э.** Индустрия X.0. Преимущества цифровых технологий для производства / пер. с англ.: К. Ахметов. М.: Точка, 2019. 319 с.
10. **Шитов В. Н.** Информатика и информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности. М.: Инфра-М, 2022. 245 с.
11. How DMP helps in digital marketing campaign management // Cuberoot: audience management platform [Web]. URL: <https://cuberoot.co/how-dmp-helps-in-digital-marketing-campaign-management/> (accessed: 09.12.2022).
12. **Morrison A.** Integrating SAP HANA 2.0 with Big Data Hadoop Ecosystems // ZaranTech: global E-Learning company [Web]. 03.04.2018. URL: <https://www.zarantech.com/blog/integrating-sap-hana-2-0-with-big-data-hadoop-ecosystems/> (accessed: 09.12.2022).
13. **Teichmann J.** SAP HANA Big Data platform // Chair for Database Systems [Web] / TUM. 05.12.2013. URL: <https://db.in.tum.de/bigdata/presentations/teichmann.pdf> (accessed: 09.12.2022).
1. “Big Data”. *TAdviser: Government. Business. IT*. 24 Oct. 2017. Web. 17 Oct. 2022. <https://tadviser.com/index.php/Big_Data>.
2. Kostromina E. A. *Studying Advertisement as Mass Media: Socio-Linguistic Aspect*, collected papers. Moscow: Direkt-media, 2014. 92 p. (In Russian).
3. Lyapina T. V. *Business and Communications, or School of Contemporary Advertising*. Moscow: Al'terpress, 2012. 286 p. (In Russian).
4. Marukhno D. Yu. “Phenomenon of Advertising in a Changeable Environment of Modern World”. *Molodoy uchenyy = Young Scientist* 10 (21) (2010): 357–360. (In Russian). EDN NUEBWJ.
5. Sharkova A. V., Prudnikova A. A., Kolesnik G. V. et al. *Entrepreneurial Development: Concepts, Digital Technologies, Effective System*, monograph. Gen. ed. M. A. Eskindarov. Moscow: Dashkov i K°, 2019. 604 p. (In Russian).
6. Pichkov O. B., ed. *Realias and Prospects of Digital Transformation of Economy*, monograph. Moscow: MGIMO-University, 2020. 209 p. (In Russian).
7. Troshina N. N., publ. ed. *Advertising Communication: Linguocultural Aspect*, collected reviews. Moscow: INION RAN, 2011. 172 p. (In Russian).
8. Sologubova G. S. *Constituents of Digital Transformation*. Moscow: Yurayt, 2019. 147 p. (In Russian).
9. Schaeffer Eric. *Industry X.0: Realizing Digital Value in Industrial Sectors*. London: Kogan Page, 2017. 192 p.
10. Shitov V. N. *Informatics and Infocomm Technologies in Professional Activities*. Moscow: Infra-M, 2022. 245 p. (In Russian).
11. “How DMP Helps in Digital Marketing Campaign Management”. *Cuberoot: Audience Management Platform*. N.d. Web. 09 Dec. 2022. <<https://cuberoot.co/how-dmp-helps-in-digital-marketing-campaign-management/>>.
12. Morrison Ashley. “Integrating SAP HANA 2.0 with Big Data Hadoop Ecosystems”. *ZaranTech: global E-Learning company*. 03 Apr. 2018. Web. 09 Dec. 2022. <<https://www.zarantech.com/blog/integrating-sap-hana-2-0-with-big-data-hadoop-ecosystems/>>.
13. Teichmann Jan. “SAP HANA Big Data Platform”. *Chair for Database Systems*. TUM, 05 Dec. 2013. Web. 09 Dec. 2022. <<https://db.in.tum.de/bigdata/presentations/teichmann.pdf>>.

**Информация
об авторах**

Кузина Дарья Олеговна — ведущий менеджер по развитию направления FMCG, Сбер Маркетинг (Россия, 121170, Москва, Поклонная ул., д. 3, к. 4); магистрант, Московский гуманитарный университет (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, 5).

Мрочко Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций, Московский гуманитарный университет (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, 5).

Information about the authors

Daria Ol. Kuzina — leading manager for FMCG development, Sber Marketing (Russia, 121170, Moscow, Poklonnaya str., 3, bld. 4); Master's student, Moscow University for the Humanities (Russia, 111395, Moscow, Yunosti str., 5).

Leonid V. Mrochko — Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Theory of Advertising and Mass Communications, Moscow University for the Humanities (Russia, 111395, Moscow, Yunosti str., 5).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022.

The article was submitted 27.10.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 37—54.

Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 37—54.

Научная статья

УДК 001.895:658(512.2+64)

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-37-54

Использование инструментов маркетинговых исследований при разработке ценностного предложения инновационного цифрового продукта

А. Ю. Сучкова¹, О. М. Игрунова²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ alina.suchkova.20@inbox.ru

² igrunova@list.ru

Аннотация. Статья посвящена использованию методов маркетинговых исследований при разработке ценностного предложения инновационного цифрового продукта. Маркетинговое исследование проведено с помощью количественного метода (метод опроса), метода фокус-группы и методов сбора и анализа вторичной информации. Результаты исследования обработаны и визуализированы с применением программы Statistica. В ходе исследования подтверждена гипотеза заинтересованности студентов в онлайн-приложении «Сытый студент», автоматизирующем услуги общественного питания в вузе, разработаны концепции позиционирования приложения.

Ключевые слова: маркетинговое исследование, инновационный продукт, ценностное предложение, онлайн-приложение, рынок потребительских услуг, потенциал рынка, общественное питание

Для цитирования: Сучкова А. Ю., Игрунова О. М. Использование инструментов маркетинговых исследований при разработке ценностного предложения инновационного цифрового продукта // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 37—54. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-37-54>

Original article

Using marketing research tools in the development of value proposition of the innovative digital product

A. Yu. Suchkova¹, O. M. Igrunova²

^{1, 2} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ alina.suchkova.20@inbox.ru

² igrunova@list.ru

© Сучкова А. Ю., Игрунова О. М.

Abstract. The article is devoted to the use of marketing research methods in developing a value proposition of an innovative digital product. The marketing research was conducted by using quantitative method (survey method), focus group method and methods of collecting and analyzing the secondary information. The research results were processed and visualized by applying Statistica software. The study has confirmed the hypothesis of student interest in the online application “Nourished Student” that automates catering services in the university. The concept of positioning the application has been developed.

Keywords: marketing research, innovative product, value proposition, online application, consumer services market, market potential, catering

For citation: Suchkova A. Yu., Igrunova O. M. “Using Marketing Research Tools in the Development of Value Proposition of the Innovative Digital Product”. *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 37–54. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-37-54>

С помощью инструментов дизайн-исследований предполагается разработать инновационный цифровой продукт — онлайн-приложение «Сытый студент», автоматизирующее услуги общественного питания в вузе. Проблема больших очередей в столовую осталась и в период перехода на очный формат обучения после пандемии во втором семестре 2021/2022 учебного года, так как ряд пунктов питания на территории НИУ МИЭТ в период дистанционного обучения закрылись. Следующий этап продвижения цифрового продукта предполагает подтверждение гипотезы заинтересованности студентов, сотрудников и преподавателей НИУ МИЭТ в заказе еды с помощью онлайн-приложения, которое включает функцию оформления заказа в столовой вуза.

В целях проверки гипотезы было проведено маркетинговое исследование с использованием *метода опроса*, сформулированы и решены следующие задачи:

- 1) выявить, как часто респонденты пользуются онлайн-приложениями для заказа еды;
- 2) установить, какие функции важны респондентам для комфортного использования онлайн-приложения;
- 3) определить, питаются ли респонденты в столовой НИУ МИЭТ;
- 4) определить, сколько респондентов питаются в столовой, в процентном

выражении от общего числа студентов, сотрудников и преподавателей НИУ МИЭТ;

- 5) выявить, как часто респонденты обедают в столовой НИУ МИЭТ;
- 6) установить, в какой столовой необходимо разместить постаматы (во втором корпусе или в третьем);
- 7) определить, остаются ли респонденты в столовой, если очередь большая;
- 8) понять, как часто респонденты не успевают поесть в обеденный перерыв;
- 9) выявить причины, по которым респонденты отказываются питаться в столовой НИУ МИЭТ;
- 10) изучить, готовы ли респонденты оплатить заказ еды через онлайн-приложение.

Исследование основано на методах формирования выборки. В отношении студентов опрос осуществлялся с использованием *метода случайной детерминированной выборки*: выбраны респонденты, которые оказались наиболее доступными в период опроса и согласились принять участие в исследовании. В частности, площадки для опроса были организованы на базе Культурно-массового отдела Студенческого совета НИУ МИЭТ, в чатах в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере WhatsApp: это беседы в Культурно-массовом отделе, в учебных группах, в других отделах Студенческого совета.

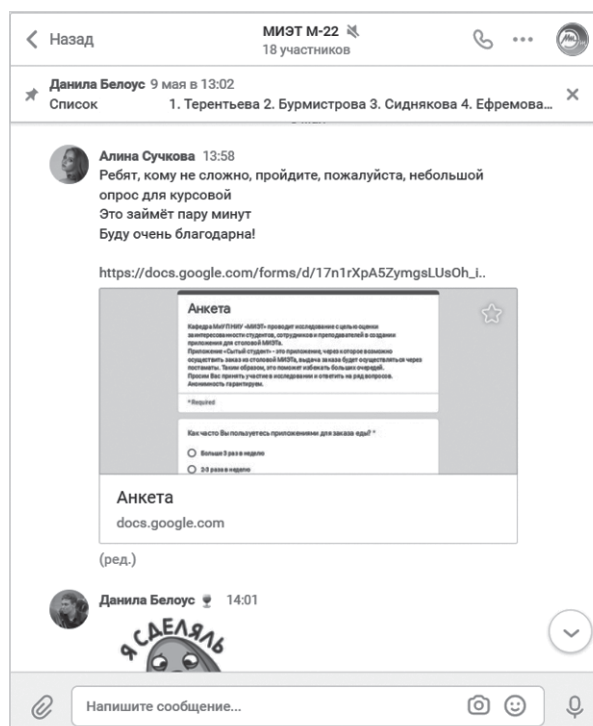

Рис. 1. Форма обращения к респондентам в сети «ВКонтакте»

В отношении преподавателей и сотрудников НИУ МИЭТ использовался метод преднамеренной выборки: электронный адрес анкеты высылался лично через социальную сеть «ВКонтакте» конкретному сотруднику или преподавателю, который

предварительно дал согласие на опрос.

Таким образом было опрошено 150 респондентов: 121 студент (80 %), 15 сотрудников (10 %) и 15 преподавателей (10 %) НИУ МИЭТ. Обработка результатов исследования осуществлялась в системе Statistica.

Таблица 1

Использование онлайн-приложений для заказа еды респондентами разного статуса¹

Как часто Вы пользуетесь приложениями для заказа еды?	Кем Вы являетесь в НИУ МИЭТ?		
	Студент	Сотрудник (не преподаватель)	Преподаватель
Реже	69	7	11
1 раз в неделю	15	2	2
2-3 раза в неделю	16	1	1
Больше 3 раз в неделю	21	5	1
All Grps	121	15	15

¹ Для обработки данных таблиц здесь и далее используется программа Statistica [3].

По результатам ответов на вопрос «Как часто Вы пользуетесь приложениями для заказа еды?», которые представлены в табл. 1, было установлено, что большинство сотрудников хотя бы раз в неделю пользуются приложениями для заказа еды, а студенты и преподаватели используют приложения реже одного раза в неделю. Рассчитаем доли использования приложения респондентами

больше трех раз в неделю: студенты — 17 %, сотрудники — 33 %, преподаватели — 6 %. Около 42 % всех респондентов хотя бы раз в неделю пользуются приложениями для заказа еды. Исходя из этого можно сделать вывод, что студенты, сотрудники и преподаватели НИУ МИЭТ смогут достаточно комфортно перейти на новый формат услуг столовой.

Таблица 2

Предполагаемые функции для онлайн-приложения «Сытый студент»

N=151 Category	Что для Вас важно при заказе еды через приложение?		
	Count	Prct. of Responses	Prct. of Cases
Фото блюда	105	21,21	69,54
Расположение еды по разделам	83	16,77	54,97
Описание и состав блюда	115	23,23	76,16
Акции	98	19,80	64,90
Отслеживание стадии заказа	94	18,99	62,25
Totals	495	100,00	327,81

Представленные в табл. 2 результаты опроса показывают важность различных функций приложения «Сытый студент»: можно заметить, что все предложенные функции являются достаточно важными, так как каждую из них выбрали более 50 % респондентов. Наиболее необходимыми респонденты считают следующие функции: описание и состав блюда (выбрали 76 % респондентов), фото блюда (69 %), акции и возможность отслеживать стадии заказа (данные функции выбрали 64 % и 62 % соответственно). Наименее важным оказалось расположение еды по разделам: данную функцию выбрали 54 % респондентов. Также в ответе на этот вопрос у респондентов была возможность предложить другие функции.

Четверо респондентов дополнительно указали:

- возможность просматривать видео приготовления пищи в режиме реального времени;

- наличие поисковой строки;
- сортировка по фильтрам: дешевые, дорогие, акции и др.

Следовательно, чтобы приложение «Сытый студент» было удобным, в нем должны присутствовать все вышеперечисленные функции. На этом этапе продвижения цифрового продукта существует ряд ограничений для внедрения в онлайн-приложение функции видеотрансляции из кухни столовой НИУ МИЭТ, так как возможность просмотра приготовления пищи необходимо согласовать с руководством столовой, более того, для реализации этой функции необходимо дополнительное оборудование (установка видеокамер).

Учитывая, что для большинства респондентов эта функция не является важной, целесообразно рассмотреть ее использование уже после выпуска онлайн-приложения.

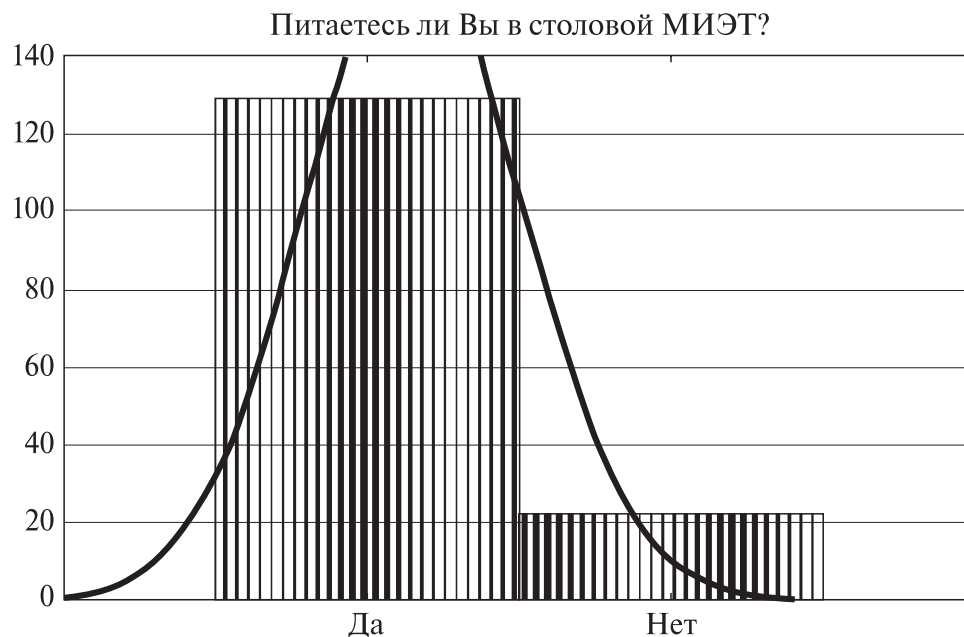

Рис. 2. Спрос на питание
в столовой НИУ МИЭТ

Обратим внимание на то, что большинство респондентов пользуются услугами столовой НИУ МИЭТ (рис. 2). Положительно на вопрос «Питаетесь ли Вы в столовой НИУ МИЭТ?» ответили 129 человек (86 % респондентов) и лишь 22 человека ответили отрицательно (14 %)

(табл. 3). Далее необходимо распределить полученный абсолютный показатель конкретно по статусным группам вуза — студенты, сотрудники или преподаватели. С этой целью анализируем положительные ответы на вопрос респондентов разного статуса.

Таблица 3

**Статистика выбора услуг столовой НИУ МИЭТ
респондентами разного статуса**

Питаетесь ли Вы в столовой НИУ МИЭТ?	Кем Вы являетесь в НИУ МИЭТ?			Row Totals
	Студент	Сотрудник (не преподаватель)	Преподаватель	
Да	103	12	14	129
Нет	18	3	1	22
All Grps	121	15	15	151

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что среди респондентов 85 % студентов, 80 % сотрудников и 93 % преподавателей питаются в столовой.

Далее респондентов, которые дали положительный ответ, включаем в следующий опрос и анализируем ответы на вопрос: «Как часто Вы питаетесь в столовой НИУ МИЭТ?»

Таблица 4

**Статистика частоты пользования
столовой НИУ МИЭТ**

Category	Как часто Вы питаетесь в столовой НИУ МИЭТ?			
	Count	Cumulative Count	Percent	Cumulative Percent
Больше 3 раз в неделю	54	54	35,76159	35,7616
2-3 раза в неделю	42	96	27,81457	63,5762
1 раз в неделю	18	114	11,92053	75,4967
Реже	15	129	9,93377	85,4305
Отсутствует	22	151	14,56954	100,0000

По данным табл. 4 видно, что питаются в столовой более трех раз в неделю 42 % респондентов, питаются два-три раза в неделю — 34 %, раз в неделю — 13 % и реже — 11 %. Следовательно, даже в условиях больших очередей респонденты пользуются услугами столовой.

В связи с этим очевидно, что автоматизация услуг столовой с помощью приложения «Сытый студент», которое упростит процедуру заказа еды в столовой и минимизирует время ожидания, приведет к повышению степени удовлетворенности посетителей.

Таблица 5

**Актуальность услуг столовой НИУ МИЭТ
для респондентов разного статуса**

Как часто Вы питаетесь в столовой НИУ МИЭТ?	Кем Вы являетесь в НИУ МИЭТ?			Row Totals
	Студент	Сотрудник (не преподаватель)	Преподаватель	
Больше 3 раз в неделю	43	8	3	54
2-3 раза в неделю	34	3	5	42
1 раз в неделю	14	1	3	18
Реже	12	0	3	15
All Grps	103	12	14	129

Если рассматривать вопрос актуальности пользования столовой с точки зрения конкретной статусной группы вуза (табл. 6), то ответы групп респондентов, с небольшим отклонением в относительной величине, совпадают:

питаются в столовой два-три раза в неделю и чаще 75 % студентов, 92 % сотрудников и 57 % преподавателей. Полученные данные доказывают, что все статусные группы респондентов довольно часто пользуются услугами столовой.

Таблица 6

**Величина спроса
на разные столовые НИУ МИЭТ**

N=129 Category	В какой столовой Вы чаще всего питаетесь?		
	Count	Prent. of Responses	Prent. of Cases
В корпусе 3 (оранжевая столовая)	52	26,13	40,31
Буфет	52	26,13	40,31
В корпусе 2 (большая столовая)	94	47,24	72,87
В корпусе 4	1	0,50	0,78
Totals	199	100,00	154,26

Далее расширим исследование, определим спрос на каждую из столовых вуза. По данным табл. 6 можно отметить, что большинство респондентов питаются в большой столовой корпуса 2, соответственно, логичнее поставить постаматы именно здесь, как и планировалось в ходе качественного анализа (с использованием инструментов дизайн-исследований) на первом этапе продвижения

цифрового продукта [4]. Также площадь большой столовой позволяет установить достаточное количество постаматов (рис. 3).

В доказательство приводим проекты столовой², созданные с помощью инструментов проектирования Planner 5D [6].

² https://drive.google.com/file/d/1Py77Q2-SYwDxL2UBP7eXx0EW9-ljR9R_/view?usp=share_link

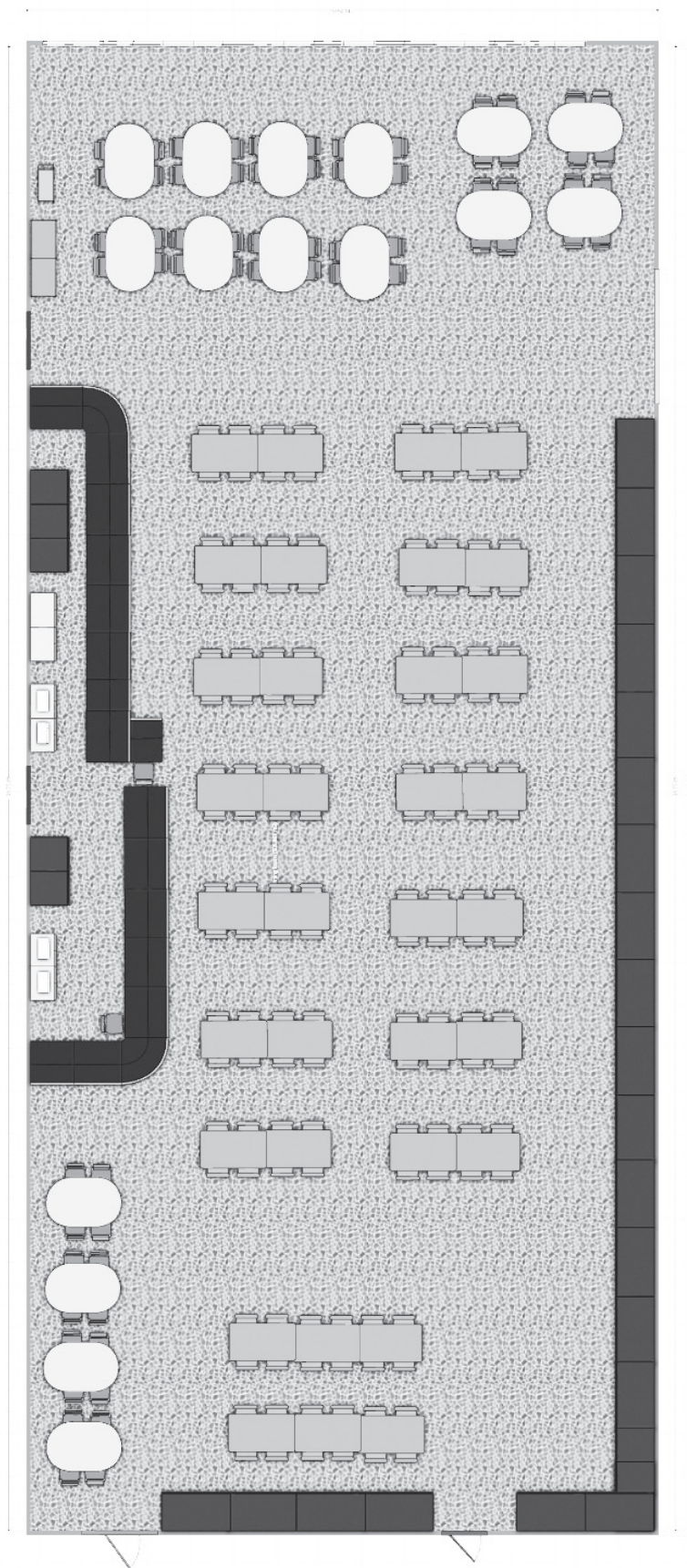

Рис. 3. Схема столовой с постаматами
в 2D формате

Принципиально важно также определить предпочтение респондентов в условиях больших очередей в столовых вуза. При ответе на вопрос «Видя большую очередь в столовой, что Вы делаете?» большинство (60 %) указали, что уходят из столовой,

следовательно, столовая НИУ МИЭТ в сложившейся ситуации теряет клиентов. Вместе с тем приложение «Сытый студент» может решить данную проблему, что, в свою очередь, позволит увеличить объем продаж и прибыль.

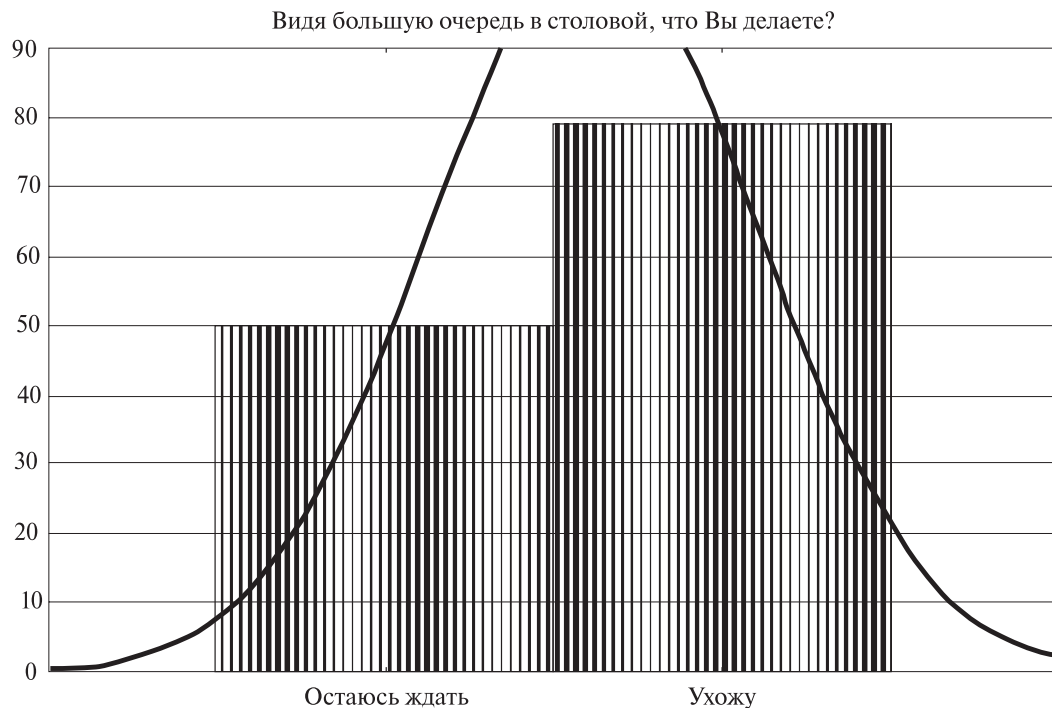

Рис. 4. Влияние на спрос наличия большой очереди в столовой НИУ МИЭТ

Таблица 7

Статистика влияния больших очередей на спрос столовой НИУ МИЭТ

Как часто Вы не успеваете поесть в перерыв?	Видя большую очередь в столовой, что Вы делаете?		Row Totals
	Остаюсь ждать	Ухожу	
Больше 3 раз в неделю	4	5	9
2-3 раза в неделю	7	22	29
1 раз в неделю	12	24	36
Реже	27	28	55
All Grps	50	79	129

По данным табл. 7, больше 64 % респондентов, которые отказываются ждать в очереди, вообще не пользуются услугами столовой, даже раз в неделю. Чуть

меньше половины респондентов, которые остаются ждать в очереди, не успевают пообедать в большой перерыв даже раз в неделю.

Таблица 8

**Статистика готовности респондентов разного статуса
доплачивать за пользование онлайн-приложением**

Готовы ли Вы платить за отсутствие очереди 30 р. к заказу? (заказ через приложение)	Кем Вы являетесь в НИУ МИЭТ?			Row Totals
	Студент	Сотрудник (не преподаватель)	Преподаватель	
Да	62	10	12	84
Нет	41	2	2	45
All Grps	103	12	14	129

Рис. 5. Влияние на спрос повышения стоимости заказа
в связи с автоматизацией услуг столовой

Предполагается два варианта реализации проекта: 1) за счет получения гранта³; 2) за счет выделения денежных средств со стороны руководства НИУ МИЭТ (если данное предложение будет востребованным).

³ Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/contest/directions/science> (дата обращения: 10.10.2022); Программа Старт // GET-GRANT: Фонд содействия инновациям. URL: <https://get-grant.ru/start/> (дата обращения: 10.10.2022); Фонды и проекты // Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/grants/funds/> (дата обращения: 10.10.2022).

В первом варианте приложение будет абсолютно бесплатным для пользователей. Во втором варианте необходимо сделать оплату пользования приложением, чтобы в будущем затраты на реализацию проекта окупились.

По результатам предварительного пилотного исследования, проведенного в первом семестре 2021/2022 учебного года, было установлено, что доплата за пользование приложением «Сытый студент» может составить 30 рублей к заказу. Отметим, что 65 % респондентов готовы доплачивать 30 рублей за пользование онлайн-приложением (рис. 5).

Из них большинство составляют сотрудники и преподаватели. Однако студенты, почти 40 %, отказались от оплаты приложения. Возможно, данная ситуация связана с тем, что значительно увеличились цены на блюда в столовой.

Конечно, реализация проекта за счет гранта наиболее привлекательна. Но реализация за счет доплаты к заказу также

возможна, поскольку большинство респондентов все-таки готовы доплачивать сумму в 30 рублей, и следует учесть, что часто респонденты на подобные вопросы дают отрицательный ответ, но по факту все же готовы доплатить.

Далее представим анализ результатов ответа на вопрос: «Причина, по которой Вы не питаетесь в столовой» (табл. 9).

Таблица 9

**Причины отказа от питания
в столовой НИУ МИЭТ**

N=21 Category	Причина, по которой Вы не питаетесь в столовой		
	Count	Prct. of Responses	Prct. of Cases
Беру с собой еду из дома	11	33,33	52,38
Не нравится еда в столовой МИЭТ	8	24,24	38,10
Большие очереди	14	42,42	66,67
Totals	33	100,00	157,14

По данным табл. 9, для 66 % респондентов основной причиной, по которой они отказываются питаться в столовой НИУ МИЭТ, является наличие больших очередей. Соответственно, эти данные можно считать резервом для расширения спроса на услуги столовой. Заметим, что в таблицу не внесены единичные ответы, например, один из респондентов ответил, что обедает дома, а еще двое ответили, что «в столовой слишком дорого».

Результаты количественного анализа используем в расчете показателей потенциала рынка для приложения «Сытый студент»: TAM, SAM, SOM, PAM. Расчет потенциала рынка осуществляем с помощью методики «сверху вниз», состоящей из шести этапов.

Этап 1. Определяем потребности клиентов столовой. Основная потребность целевого потребителя — успеть пообедать во время перерыва, а значит, и потребность в отсутствии очереди за заказом.

Этап 2. Определяем актуальность проекта. Цифровой продукт — приложение для заказа еды в столовой. Пользователям нет необходимости стоять в очереди, они могут оформить заказ через приложение, а затем, после его готовности к выдаче, забрать заказ из постамата. Также у пользователей есть возможность посмотреть меню заранее.

Этап 3. Рассчитываем показатель TAM. На 2021/2022 учебный год количество студентов, сотрудников и преподавателей НИУ МИЭТ составляет 7980 чел.⁴. В семестре 16 учебных недель, соответственно, за два семестра $16 \cdot 2 \cdot 5 = 160$ дней. Общий объем целевого рынка (TAM) $7980 \text{ чел.} \cdot 160 \text{ дн.} \cdot 30 \text{ руб.} = 38\,304\,000 \text{ руб.}$ — максимальная сумма, которую столовая НИУ МИЭТ может получить от приложения, при условии, что все студенты, сотрудники и преподаватели питаются в столовой и делают заказы в приложении.

Этап 4. Рассчитываем показатель SAM. Для того чтобы определить доступный объем рынка (SAM), необходимо выявить количество респондентов, которые питаются в столовой, а также количество

тех, кто перестал питаться в столовой из-за наличия больших очередей.

Таким образом, для вычисления берем данные из табл. 3: $\frac{129}{151} = 85 \%$. Мы определили, что 85 % составляют те, кто питается в столовой.

Из таблиц 3 и 9 берем следующие данные: $\frac{22}{151} \cdot \frac{14}{33} = 6 \%$. Получаем относительную величину, 6 % составляют те, кто не питается в столовой из-за больших очередей.

Тогда $7980 \cdot 85,43 \% + 7980 \cdot 6,18 \% = 7310 \text{ чел.}$ — количество респондентов, которые готовы питаться в столовой при отсутствии очередей.

Ставим полученную абсолютную величину в следующий расчет:

$7310 \text{ чел.} \cdot 160 \text{ дн.} \cdot 30 \text{ руб.} = 35\,088\,000 \text{ руб.}$ — сумма, которую столовая НИУ МИЭТ получит от приложения, учитывая респондентов, которые на данный момент питаются в столовой или не питаются по причине больших очередей.

Этап 5. Рассчитываем показатель SOM. Реально достижимый объем рынка (SOM) определяется исходя из данных табл. 8 о готовности платить за пользование приложением: $7310 \cdot 84/129 = 4760 \text{ чел.}$ Мы установили реально достижимый объем рынка — 4760 чел.

Ставим полученную абсолютную величину в следующий расчет:

$4760 \text{ чел.} \cdot 160 \text{ дн.} \cdot 30 \text{ руб.} = 22\,848\,000 \text{ руб.}$

Это сумма, которую столовая НИУ МИЭТ может получить при использовании онлайн-приложения — за счет клиентов, которые готовы доплачивать 30 руб. к заказу через приложение.

Этап 6. Определяем максимальную прибыль. По прогнозам, общий объем рынка составит 8944 чел. (выпустилось из вуза 986 чел., поступило в вуз 1950 чел., количество сотрудников и преподавателей не изменилось)⁵. Тогда $8944 \text{ чел.} \cdot 160 \text{ дн.} \cdot 30 \text{ руб.} = 42\,931\,200 \text{ руб.}$ — максимальная сумма, которую столовая НИУ МИЭТ может получить от использования приложения в 2022/2023 учебном году при условии, что все студенты, сотрудники и преподаватели будут питаться в столовой.

⁴ Данные о количестве студентов, сотрудников и преподавателей предоставлены студенческим офисом НИУ МИЭТ.

⁵ Данные предоставлены студенческим офисом НИУ МИЭТ.

Таблица 10

**Емкость рынка
общественного питания**

Продукт	TAM	SAM	SOM	PAM
Приложение «Сытый студент»	38 304 000 руб.	35 088 000 руб.	22 848 000 руб.	42 931 200 руб.

Результаты шести этапов количественного анализа (табл. 10) положены в основу разработки двух концепций позиционирования приложения «Сытый студент» и взяты в качестве базы для определения точек дифференциации от конкурентов. При изучении альтернативных способов удовлетворения потребностей клиентов столовой НИУ МИЭТ были проанализированы услуги конкурентов: сервисов Delivery Club, Яндекс.Еда;

столовой завода «Протон»; кафе «ЭТО», «Колбасофф», «Френдс»; сети супермаркетов Billa, «Перекресток», «Пятерочка» (табл. 11). Среди конкурентов также буфет НИУ МИЭТ. Кроме того, проведен сравнительный анализ выгод и издержек от использования приложения для заказа еды в столовой НИУ МИЭТ и от пользования услугами перечисленных конкурентов, а также изучено текущее позиционирование конкурентов.

Таблица 11

**Альтернативные способы
удовлетворить в пределах вуза потребность в питании**

Альтернативный способ питания	Товарная марка конкурента
Заказ готовой еды через приложение	DELIVERY CLUB, ЯНДЕКС ЕДА
Питание в столовой завода «Протон»	PROTON
Бизнес-ланч в кафе	ЭТО, КОЛБАСОФФ, FRIENDS
Питание в буфете вуза	МИЭТ
Покупка продуктов в магазине	BILLA, PEREKRESTOK.RU, 5 ПЯТЕРОЧКА

Первой версией концепции позиционирования является новизна категории цифрового продукта. Здесь основной недостаток услуг конкурентов — в отсутствии возможности у клиентов забрать

заказ в удобное время. При наличии приложения клиенту нет необходимости стоять в очереди, ехать в кафе или ждать курьера, тем самым сокращается обеденное время.

Рис. 6. Карта позиционирования.
Версия 1

Вторая версия концепции позиционирования — лидерство столовой НИУ МИЭТ в решении проблемы потребителя. Услуги конкурентов не могут полностью удовлетворить потребности клиентов столовой НИУ МИЭТ. Это связано с тем, что для большинства конкурентов студенты

и сотрудники вуза составляют только малую часть их целевой аудитории. Актуальность услуг конкурентов уступает актуальности онлайн-приложения в том, что приложение разрабатывается с ориентацией на проблемы студентов и сотрудников НИУ МИЭТ, а именно на большие очереди в столовой.

Рис. 7. Карта позиционирования.
Версия 2

Выбор версии концепции позиционирования осуществлен методом фокус-группы. Объем выборки составил 7 человек, это представители целевой аудитории, клиенты

столовой НИУ МИЭТ. Респонденты выбрали наиболее привлекательную для себя версию концепции — лидерство в решении проблемы потребителя.

Кроме того, в рамках исследования были предложены инструменты для рекламы приложения «Сытый студент».

1. Видеореклама на мониторах в корпусе 1 НИУ МИЭТ. Этот способ может привлечь внимание целевой аудитории, так как именно в корпусе 1 находится главный вход в университет и переходы в другие корпуса.
2. Реклама в социальной сети «ВКонтакте»: НИУ МИЭТ [1] (14,3 тыс. чел. на дату обращения 11.08.2022), Первый МИЭТовский [2] (5,3 тыс. чел. на дату обращения 11.08.2022). Многие студенты, сотрудники и преподаватели подписаны на данные аккаунты, более того, в социальной сети у пользователей есть возможность задать интересующие их вопросы относительно функционала онлайн-приложения.

Предлагаем основные формы рекламных обращений — визуальную информацию (рис. 8) и слоганы:

- 1-й слоган: «Голоду нет, да здравствует МИЭТ!»
- 2-й слоган: «Не теряйте время на обед — с Вами Ваш заботливый МИЭТ!»
- 3-й слоган: «Голодный студент — это не про нас, заказывай еду в онлайн-приложении хоть каждый час!»
- 4-й слоган: «Быстрая и вкусная еда от онлайн-приложения в МИЭТе всегда!»

На основе данных, полученных в результате качественного и количественного анализа, с помощью инструментов дизайн-исследований и маркетинговых методов, составляем ценностное предложение с помощью визуальной платформы для совместной работы команд Miro [5].

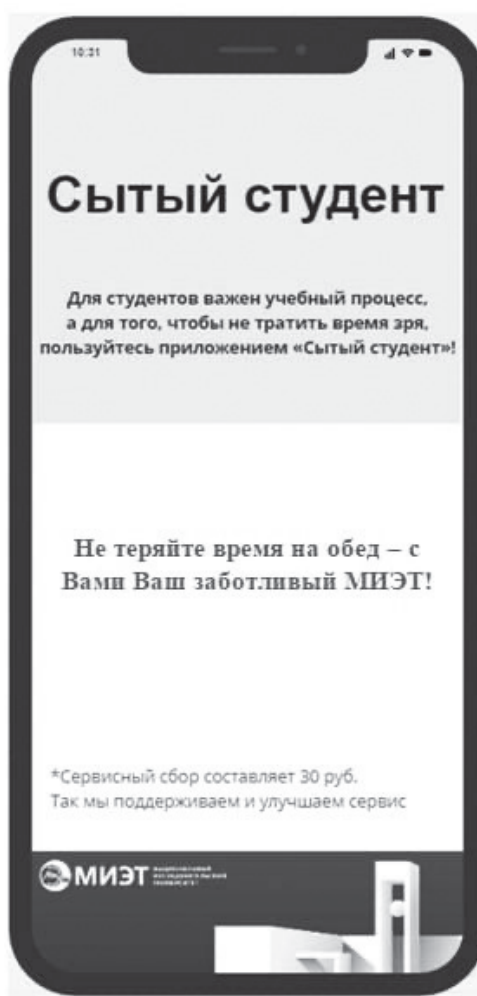

Рис. 8. Ценностное предложение. Визуальная реклама в приложении «Сытый студент»

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе принятия управленческих и маркетинговых решений руководством столовой НИУ МИЭТ. Разработанное нами ценностное предложение инновационного цифрового продукта «Сытый студент» позволит в обеденный перерыв увеличить поток клиентов столовой при снижении вероятности очередей, что повысит уровень удовлетворенности эффективностью питания в вузе. Это, в свою очередь, приведет к увеличению прибыли столовой.

Список литературы и источников

1. НИУ МИЭТ: Официальная группа студентов и выпускников Национального исследовательского университета «МИЭТ» // ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/miet.university> (дата обращения: 11.10.2022).
2. Первый МИЭТовский: группа студенческого актива Национального исследовательского университета // ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/miet_one (дата обращения: 13.09.2022).
3. Программа Statistica / StatSoft Statistica [Электронный ресурс]. URL: <https://statsoft-statistica.ru/> (дата обращения: 12.10.2022).
4. Сучкова А. Ю., Игрунова О. М. Использование инструментов дизайн-исследований при разработке инновационного цифрового продукта // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 48—58. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-48-58>
5. Miro: the online collaborative whiteboard [Web]. URL: <https://miro.com> (accessed: 10.10.2022).
6. Planner 5D: онлайн-платформа для проектирования [Электронный ресурс]. URL: <https://planner5d.com/ru> (дата обращения: 10.10.2022).

References

1. “MIET: Official Group of Students and Alumnis of National Research University of Electronic Technology”. n. d. *Vkontakte*. (In Russian). 11 Oct. 2022. <<https://vk.com/miet.university>>.

2. “MIET’s First: Student Action Group of National Research University”. n. d. *Vkontakte*. (In Russian). 13 Sep. 2022. <https://vk.com/miet_one>.
3. “Statistica Software”. n. d. *StatSoft Statistica*. (In Russian). 12 Oct. 2022. <<https://statsoft-statistica.ru>>.
4. Suchkova A. Yu., Igrunova O. M. “Using Design research tools in the development of an innovative digital product”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 3 (35) (2022): 48—58. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-48-58>
5. *Miro: the online collaborative whiteboard*. n. d. 10 Oct. 2022. <<https://miro.com>>.
6. *Planner 5D: 3D Home Design Software*. 2011—2022. 13 Oct. 2022. <<https://planner5d.com/>>.

Библиографический список

1. Игрунова О. М. Современные особенности развития сферы услуг в России: [текст: непосредственный] / О. М. Игрунова // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Экономика. 2011. № 4 (10). С. 89—97.
2. Игрунова О. М. Исследование подходов к определению понятия конкурентоспособности [текст: непосредственный] / О. М. Игрунова, Е. Н. Грачева // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Экономика. 2012. № 2 (14). С. 123—128.
3. Игрунова О. М. Современные подходы к анализу и развитию сферы услуг в регионах: монография [текст: непосредственный] / О. М. Игрунова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во МГАДА, 2011. 183 с. (Магистратура).
4. Игрунова О. М. Управление развитием сферы потребительских услуг в регионе: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 [текст: непосредственный] / О. М. Игрунова. Москва, 2006. 23 с.

Bibliography

1. Igrunova O. M. “Modern Particularities in the Development of the Consumer Services Market in Russia”. *Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy akademii delovogo administrirovaniya ser. Ekonomika* 4 (10) (2011): 89—97. (In Russian).

2. Igrunova O. M., Gracheva E. N. "Study of Approaches to the Definition of Competitive Power". *Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy akademii delovogo administrirovaniya ser. Ekonomika* 2 (14) (2012): 123–128. (In Russian).
3. Igrunova O. M. *Modern Approaches to Analysis and Development of the Consumer Services Market in Non-Metropolitan Areas*: monograph. 2nd ed., rev. and upd. Moscow: Moscow State Academy of Business Administration Publ., 2011. 183 p. (In Russian). Magistratura.
4. Igrunova O. M. *Consumer Service Sector Development Management in a Non-Metropolitan Area*: extended abstract of Cand. Sci. (Econ.) dissertation. Moscow, 2006. 23 p. (In Russian).

Информация об авторах

Сучкова Алина Юрьевна — студентка, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Игрунова Оксана Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и управления проектами, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Alina Yu. Suchkova — student, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Oksana M. Igrunova — PhD in Economics, Assistant Professor at the Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 02.09.2022.

The article was submitted 02.09.2022.

**ФИЛОСОФИЯ:
МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ
PHILOSOPHY:
UNIVERSE IN HUMAN AND HUMAN IN UNIVERSE**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 55—60.
Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 55—60.
Научная статья

УДК 101.9
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-55-60

**Феномен «философский пароход»
сквозь призму отношений
интеллигенции и государства**

А. А. Алов¹, И. Ю. Привалова²

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ *Alovaleksandr40@gmail.com*

² *privalova912@rambler.ru*

Аннотация. В статье исследуется феномен «философского парохода», выступающего в качестве символа отношения советской власти к инакомыслящей интеллигенции. Предпринимается попытка по-новому осмыслить причины и последствия высылки из страны научной элиты общества в начале XX в. Отмечается универсальный характер подобного феномена, закономерно возникающего в различных исторических и географических условиях. Исследуется процесс диалектического развития отношений интеллигенции и государства, характерный для России в настоящее время.

Ключевые слова: философский пароход, инакомыслящая интеллигенция, государство, государственная система, философия, идеология, революция, Советская власть, высылка, диалектика отношений

Для цитирования: Алов А. А., Привалова И. Ю. Феномен «философский пароход» сквозь призму отношений интеллигенции и государства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 55—60. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-55-60>

Original article

**The phenomenon of “philosophical steamboat”
through the prism of the relationship
between the intelligentsia and the State**

© Алов А. А., Привалова И. Ю.

A. A. Alov¹, I. Yu. Privalova²

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ Alovaleksandr40@gmail.com

² privalova912@rambler.ru

Abstract. The authors examine the phenomenon of the “philosophical steamboat”, which served as a symbol of the Soviet regime’s attitude toward the dissenting intelligentsia. An attempt is made to rethink the causes and consequences of the society’s scientific elite expulsion from the country in the early 20th century. The universal nature of such phenomena, which naturally arise in various historical and geographical conditions, is noted. The process of dialectical development of relations between the intelligentsia and the state, characteristic of Russia at the present time, is investigated.

Keywords: philosophical steamboat, dissenting intelligentsia, state, state system, philosophy, ideology, revolution, Soviet power, exile, dialectics of relations

For citation: Alov A. A., Privalova I. Yu. “The Phenomenon of “Philosophical Steamboat” through the Prism of the Relationship between the Intelligentsia and the State”. *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 55—60. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-55-60>

Противоречия между государством и критично мыслящей интеллигенцией, как правило, обостряются в переломные, кризисные для развития общества годы. Очевидно, что сегодня российское общество переживает подобный этап развития. Данное предположение обуславливает актуальность нашего обращения к историческим событиям 100-летней давности, имевшим место на территории современной России.

В сентябре 2022 г. исполнилось 100 лет с момента изгнания из Советской России многочисленных представителей интеллигенции — деятелей философии, науки и культуры. В конце XX в. этот феномен получил обобщенное название «философский пароход».

Репрессивным мерам были подвергнуты не только преподаватели вузов, но и студенты, не только профессора, ученые в области гуманитарных и естественных наук, но и медики, политические и общественные деятели, инженеры из Москвы, Петрограда, Киева, Севастополя, Одессы и Харькова. Правовым сопровождением высылки было принятое правительством 19 августа

1922 г. Постановление о высылке за пределы РСФСР. Основанием для высылки являлось обвинение по ст. 57 УК «Контрреволюционная деятельность в период особого положения в стране». К контрреволюционной деятельности относилась пропаганда и агитация (ст. 69 УК РСФСР) и распространение агитационной литературы (ст. 72 УК РСФСР), поэтому высылка объявлялась бессрочной, а в случае самовольной попытки возвратиться в Россию обвиняемому грозил расстрел.

В опальном положении среди интеллигентов и философов оказались западники и славянофилы, либералы и консерваторы, народники и эсеры, мирнообновленцы и радикалы, евразийцы и религиозные мыслители, — все они в той или иной мере мечтали о сильной и процветающей России, хоть и выбирали разные пути достижения этой цели [1].

Позднее понятие «философский пароход» стали нередко интерпретировать как преследование и административное выдворение оппозиционных интеллектуалов в период существования советской власти, включая высылку Солженицына, Сахарова, Бродского и других представителей научной элиты. Мы полагаем,

что было бы неверным излагать подобную политику Советов по отношению к инакомыслящим как уникальное, свойственное только советской 70-летней истории явление. Мировая история показывает, что практически всегда, независимо от способа производства или типа общества, государственная власть, как правило, относилась с подозрительностью и враждебностью к тем, кто высказывает взгляды, противоречащие официальной идеологии или господствующему общественному мнению. Достаточно вспомнить гонение на софистов, вердикты, вынесенные судом присяжных Сократу в Афинах, преследование Галилея, Т. Мора, Ф. Бэкона, Т. Кампанеллы в Европе. «Исходя из такой широкой интерпретации, можно сказать, что первым в XX веке философским парходом был так называемый “русский ковчег” в США: зимой 1919 г. американское правительство парходом “Будфорд” насильственно депортировало из страны 249 человек, придерживавшихся левых взглядов и подозреваемых в симпатиях к большевизму и Октябрьской революции» [2].

Среди известных российских ученых и философов, изгнанных большевиками, были: И. А. Ильин, отец Сергей Булгаков (С. Н. Булгаков), Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк, Ф. А. Степун, И. И. Лапшин, П. А. Сорокин и кн. С. Е. Трубецкой. Рассмотрим диалектику отношений философов и государства, обусловленных государственно-правовым становлением советского общества. Философ И. А. Ильин всегда открыто высказывался о неприятии советской власти. Он шесть раз подвергался арестам, но затем, в изгнании, до последних дней не оставлял надежды вернуться в новую возрожденную Россию — великую, «страхнувшую с себя большевистское иго». Искренне веря в освобождение России от «большевистской заразы», И. А. Ильин, будучи за границей, писал Конституцию для возрожденной Православной России¹. Отец Сергей Булгаков — философ, экономист,

богослов и православный священник, будучи высланным из Севастополя, испытал двойное чувство: щемящую грусть-тоску по потерянной Родине и одновременно свободу, освобождение от «большевистских оков».

В определенном смысле изгнание из России философов, ученых и иных представителей интеллигенции, действительно, явилось для них спасением от смерти. Их не расстреляли, и они не умерли от голода (отметим, что в эти годы многие ученые умирали голодной смертью, как, например, известный русский академик Борис Тураев). Паяк хлеба, который полагался ученым в эти годы, был меньше, чем у рабочих. Ученых большевики считали низшим, нетрудящимся элементом. Процесс высылки был организован в очень унижительной для интеллектуальной, духовной элиты России форме: было дано четкое предписание о количестве пар верхней одежды и нижнего белья, не превышающем объема одного небольшого чемодана. Книги, драгоценности, деньги в сумме более 20 долларов вывозить запрещалось. Более того, под запретом были даже нательные крестики. В первое время ссылки ученые выживали за границей за счет средств местного Красного креста и единичных сочувствующих им благотворителей. Таким образом, «формально провозглашая себя сторонниками диалектики, на деле, высылая лучших представителей прежней интеллигенции, советские чиновники тем самым нарушили один из ее основополагающих законов — закон отрицания отрицания, в соответствии с которым невозможно создание новой более передовой системы при отказе от всего лучшего, накопленного на предшествующих “витках” развития. В противном случае движение из спиралевидного превращается в бесконечное циклическое движение, в котором всё приходится начинать с нуля» [1, с. 80].

С изгнанием и политическим преследованием всех немарксистских мыслителей духовная жизнь страны упростилась и «обескровилась», так как правом на существование стал обладать только тот ортодоксальный марксизм, который сложился еще в середине XIX в. Превратившись

¹ Вакулинская А. Философский парход: Иван Ильин // YouTube [Проект: Науки о человеке] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XtVSZH4ks6I> (дата обращения: 02.11.2022).

в официальную идеологию и перестав поэтому быть теорией, официальная философия утратила не только этиологическую (объяснительную) функцию, но также и функцию прогностическую. В упадок пришла социологическая наука, которая отождествлялась с истматом (историческим материализмом). В результате Советы на десятилетия отстали от стран Запада в разработке и использовании методики и техники конкретных социологических исследований.

Напротив, наука получила развитие за рубежом благодаря работе репрессированных российских ученых. Так, высланный в 1922 г. П. Сорокин стал в США одним из отцов современной социологии [2]. Книга П. Сорокина «Голод как фактор» начала печататься в России в 1922 г., но не успела выйти в свет как раз по причине высылки П. Сорокина из Советской России. Известно, что П. Сорокин был лидером эсеров. Власть объявила его виновным в идейной оппозиции новому политическому режиму, так же как и всех высланных представителей интеллигенции. В 1925 г., уже в Америке, П. Сорокин публикует свой труд «Социология революций», в 1927 г. — «Социальную мобильность», а в 1928 г. издана его книга «Современные социологические теории», ставшая основным учебным пособием по социологии в американских университетах. Позже, в Америке, П. Сорокин, занимаясь исследованием современной культуры и общества, выявил четкие тенденции их деградации. Ученый предупредил человечество о наступлении мировой катастрофы, неминуемой в случае отказа от перехода на принципиально иной уровень человеческих взаимоотношений. Очевидно, что в результате многочисленных жизненных испытаний, в том числе личных, связанных со страданиями, которые пришлось претерпеть в Советской России, П. Сорокин, будучи на чужбине, пропагандирует идеи о необходимости моральной реконструкции всего человечества. Он разочарован в политике, в идее революционной борьбы и говорит о существовании четырех главных монстров: революции, войны, голода и эпидемии [6]. В последние годы жизни в Гарварде

П. Сорокин занимается исследованиями в области созидательного альтруизма. Таким образом, Советская Россия, обрекая П. Сорокина на изгнание, одновременно подарила Западу в его лице новую мощную научную школу, тем самым лишив развития собственную науку.

Также большевики в свое время нанесли мощный удар и другим фундаментальным дисциплинам, заклеянным «буржуазными» и «чуждыми», — генетике, кибернетике и ряду разделов физики. В конечном итоге «философский пароход» положил начало «утечки умов» из страны — тенденции, которая имеет продолжение и сегодня. Для России в этом отношении 1990-е гг. явились не меньшим испытанием, чем первые послереволюционные годы двадцатого столетия: тоже имела место колоссальная эмиграция ученых по причинам прежде всего экономического характера. Сегодня эта опасная тенденция не только не преодолена, но и усиливается по причине геополитической ситуации. Многочисленные политические и экономические санкции, применяемые странами Запада в отношении России, а также «набирающий обороты» в российском обществе идеологический раскол очевидным образом усиливают неблагоприятный для науки отток интеллектуальной элиты из страны. Последний фактор ведет к ослаблению научного, творческого и экономического потенциала России.

Вероятно, сегодня мы наблюдаем новый исторический виток диалектической спирали отношений интеллигенции и государства. Очевидно, что в начале XX в. власть Советской России пыталась уничтожить традиционные духовные ценности, на базе которых Россия развивалась на протяжении многих веков. Большевики активно боролись (вплоть до физического уничтожения) с теми оппозиционными силами, которые выступали за сохранение традиционных для России духовных ценностей, в частности — православной веры. Новая большевистская идеология, естественным образом выросшая из эпохи Просвещения с преимущественно характерными для нее

материализмом и атеизмом, имела своей целью не только полностью переустроить Россию, но и «возжечь огонь» мировой революции. За идеями пантеизма, имевшими место в Европе эпохи Возрождения, а затем за деизмом эпохи Просвещения в ходе дальнейшего исторического процесса последовал откровенно богоборческий материализм, который пустил свои корни не только в Европе, но в том числе и в России начала XX в. Борьба с религией, церковными институтами и священнослужителями велась открыто и непримиримо. Как итог мы получили абсолютно безбожную власть и соответствующую ей советскую идеологию, по канонам которой сформировалось мировоззрение нескольких поколений Советской России.

Далее в истории государственной эволюции России, по завершении периода СССР и после развала Союза, российское общество постепенно стало возвращаться к своим традиционным духовным установкам, было положено начало возрождению Православной Церкви и культуры. Новая власть приступила к формированию идеологии духовных скреп, имеющей четкий исторический референс, характерный для многовековой истории дореволюционной России. Однако одновременно с этим в России в полную силу начала активизироваться деятельность той части интеллигенции, которая имела жесткий прозападный настрой. Этот настрой совпадает во всех своих аспектах с современной «демократической» идеологией коллективного Запада, в коей открыто проповедуются отнюдь не христианские ценности. Сегодня в Америке и странах Европы происходит уничтожение традиционного для христианства понимания семьи как союза мужчины и женщины, легитимизируется однополый брак, законодательно закрепляются новые нормы, расширяющие права сексуальных меньшинств. Заметим, что эти процессы, с одной стороны, характеризуются компенсаторными свойствами, присущими социальным преобразованиям, цель которых — сбалансировать прежние правовые перекосы в обществе; с другой стороны, они имеют выраженный агрессивный характер,

закрепляющий новые правовые нормы. Эти нормы определяют откровенно ущемляющие права в отношении большинства людей, исповедующих традиционные христианские моральные принципы. Активная популяризация новых норм «свободной» морали на Западе не могла не затронуть и Россию: многие представители либеральной интеллигенции России открыто поддерживают эти новации.

Сегодня мы имеем дело с новым витком диалектического развития отношений государства и интеллигенции, выраженным фактом борьбы традиционно настроенной власти с так называемыми новыми революционерами (с «либерально» настроенной интеллигенцией), многие из которых призывают вновь идти по западному пути. Однако необходимо также отметить и значение консолидационных процессов в рядах российской интеллигенции. Несмотря на отток определенной части интеллигенции из страны, идеологическое объединение оставшейся мыслящей элиты с широкими народными массами на базе традиционных ценностей может выступить критическим ресурсом, необходимым для перевода государственной системы, находящейся в точке бифуркации, на новый, более высокий уровень организации.

Список литературы и источников

1. Алов А. А., Привалова И. Ю. Интеллигенция и революция. К 100-летию юбилею «философского парохода» // Век XXI. Цифровизация: вызовы, риски, перспективы: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (28 апр. 2022): в 2 ч. М.: МИЭТ, 2022. Ч. 2. С. 74—81. (VIII Декартовские чтения).
2. Алов А. А., Привалова И. Ю. «Философский пароход»: опыт современного осмысления // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Мат-лы VII Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27-28 окт. 2022). Т. 9: Философские и психологические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. С. 8—10.

3. **Главатский М. Е.** «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 224 с.
4. **Дмитриева Н. А.** «Летучий голландец» российской интеллигенции (очерки истории «философского парохода») // Скепсис: науч.-просвет. журн. 2005. № 3-4. С. 79—102. EDN RRXJWB.
5. **Макаров В. Г.** Историко-философский анализ внутривластной борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России: монография. М.: Русский путь, 2010. 368 с.
6. **Сорокин П. А.** Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / пер. с англ. В. В. Салова. М.: Академический проект, 2022. 399 с. (Теории общества).
4. Dmitriyeva N. A. “ ‘Flying Dutchman’ of the Russian Intelligentsia (Outline of ‘Philosophical Steamboat’ History)”. *Scep sis* 3-4 (2005): 79—102. (In Russian).
5. Makarov V. G. *Historical and Philosophical Analysis of Political In-Fighting of the Early 1920s and Forced Displacement of the Dissenting from Soviet Russia*, monograph. Moscow: Russkiy put', 2010. 368 p. (In Russian).
6. Sorokin P. A. *Man and Society in Calamity*. 1st ed. New York: E. P. Dutton & Co., 1942. 352 p.

Информация об авторах

Алов Александр Анатольевич — кандидат философских наук, доцент, доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Привалова Ирина Юрьевна — кандидат философских наук, доцент, доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Alexander A. Alov — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian Sciences, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Irina Yu. Privalova — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian Sciences, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 19.12.2022.

The article was submitted 19.12.2022.

References

1. Alov A. A., Privalova I. Yu. “Intellectuals and Revolution. To the 100th Anniversary of the ‘Philosophical Steamboat’ ”. *Vek XXI. Tsifrovizatsiya: vyzovy, riski, perspektivy: Mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (28 apr. 2022). Moscow: MIET, 2022. Part 2. 74—81. (In Russian). VIII Dekartovskiye chteniya.
2. Alov A. A., Privalova I. Yu. “ ‘Philosophical Steamboat’: Experience of Present-Day Comprehension”. *Filosofskiye i psikhologicheskiye nauki*. Publ. ed. prof. S. V. Bespalova. Vol. 9 of *Donetskiye chteniya 2022: obrazovaniye, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Mat-ly VII Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 85-letiyu Donetskogo natsional'nogo universiteta* (27—28 okt. 2022). Donetsk: Donetsk National University Publ., 2022. 8—10. (In Russian).
3. Glavatskiy M. E. “*Philosophical Steamboat*”: *The Year 1922: Historiographical Studies*. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2002. 224 p. (In Russian).

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 61—69.
Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 61—69.
Научная статья

УДК 141.82+530.145
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-61-69

Квантовая теория как производительная сила — от алгебры кватернионов Гамильтона до технологий III тысячелетия

Н. А. Богданова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

bogdanova_nadejda@inbox.ru

Аннотация. Показано, как математическая идея, доведенная до технической реализации, становится высокоэффективной производительной силой общества, подтверждая социалистическую теорию К. Маркса и Ф. Энгельса. Этапы развития производительной силы представлены в соотношении с этапами развития научной мысли. Рассмотрены исторические аспекты, математические основы и инженерная реализация алгебры кватернионов Гамильтона, предложенной в XIX в., заложившей основы концепции спина в квантовой теории XX в., которая в XXI в. дала обществу модель кубита как элементную базу квантовых вычислительных устройств.

Ключевые слова: производительная сила, история науки, алгебра кватернионов, спин, квантовая теория, кубит, квантовые вычислительные технологии

Для цитирования: Богданова Н. А. Квантовая теория как производительная сила — от алгебры кватернионов Гамильтона до технологий III тысячелетия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 61—69. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-61-69>

Original article

Quantum theory as a productive force — from algebra of Hamilton quaternions to third millennium technologies

N. A. Bogdanova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

bogdanova_nadejda@inbox.ru

© Богданова Н. А.

Abstract. It shows how a mathematical idea, brought to technical realization, becomes a highly effective productive force of society, confirming the socialist theory of K. Marx and F. Engels. The developmental stages of the productive force are presented in correlation with the developmental stages of scientific thought. The historical aspects, mathematical foundations and engineering implementation of algebra of Hamilton quaternions, proposed in 19th century and having laid the foundation for the concept of spin in quantum theory of 20th century, which in 21st century gave to the society a cubit model as an elementary basis of quantum computing devices, have been considered.

Keywords: productive force, science history, quaternion algebra, spin, quantum theory, cubit, quantum computing technology

For citation: Bogdanova N. A. "Quantum Theory as a Productive Force — from Algebra of Hamilton Quaternions to Third Millennium Technologies". *Economic and Social Research* 4 (36) 2022: 61—69. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-61-69>

Известно, что науку производительной силой назвал Карл Маркс в XIX в. Этапы становления науки как производительной силы показывают усиление ее связи с производством через человека, посредством его труда. Речь идет о связи гносеологического и материально-производственного аспектов человеческой деятельности. Развитие интеллектуального труда положило начало использованию законов природы в производстве материальных благ, появлению вторичных производительных сил. В результате средствами производства стали новейшие достижения производства.

Осознанные производительные силы, согласно трудам Маркса и Энгельса, несут в себе характер созидания [4]. Если отношение людей к природе как обработка природы людьми, согласно немецкой идеологии, рассматривать в части отношения к природе человеческой, то именно природу познания следует считать силой, детерминирующей производство материального. Причем такая производительная сила действует не только в рамках потребностей общества, но и в сфере духовного стремления человека к познанию мира в целом и своего места в нем в частности. Возможно, именно поэтому Уильям Роуэн Гамильтон, ирландский математик XIX в., сформулировав алгебру кватернионов, на столетие опередил свое время. Алгебра кватернионов Гамильтона, развивая идеи Рене Декарта о системе координат и знаменитую формулу Леонарда Эйлера для комплексных чисел, заложила

начала векторной алгебры, которая, благодаря открытию в XX в. структуры атома, стала основой алгебры спина и одной из стартовых точек квантовой теории.

Открытие фундаментальной формулы

Создание концепции кватернионов предваряет история их открытия, которое Гамильтон сделал 16 октября 1843 г. по дороге из обсерватории Дублинского института перспективных исследований, переходя через Королевский канал по мосту Brougham Bridge, названному его сыновьями Quaternion Bridge [8]. Впоследствии в письме профессору П. Г. Тейту (P. G. Tait) 15 октября 1858 г. Гамильтон сообщил, что тут же сделал запись в карманной книжке и почувствовал, что стоит потратить лет десять на это исследование [10]. Затем 13 ноября Гамильтон представил доклад на заседании Королевской ирландской академии [7].

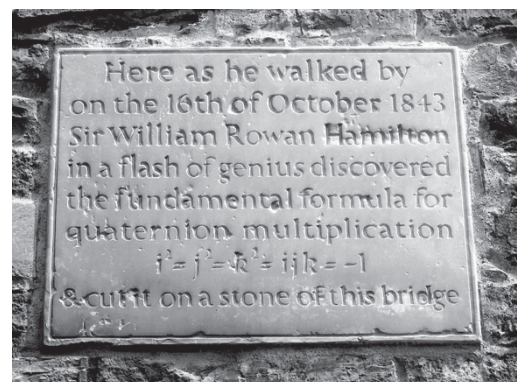

Рис. 1. Ирландия. Дублин, Brougham Bridge. Надпись на памятной доске

Фундаментальная формула умножения кватернионов запечатлена на мемориальной доске моста Brougham Bridge:

$$i^2 = j^2 = k^2 = ijk = -1.$$

В 1858 г. Гамильтон написал профессору Тейту, что открытие явилось удовлетворением интеллектуальной потребности, которая преследовала его по меньшей мере 15 лет до этого, что гальваническая цепь мысли замкнулась — и искры, упавшие с нее, явились фундаментальными уравнениями между i, j, k [10]. О какой интеллектуальной потребности упомянул Гамильтон?

Интеллектуальная потребность. Вращения в пространстве

К середине XIX в. математики преуспели в развитии теории комплексных чисел, с помощью которых легко осуществлять поворот на плоскости. Вдохновленный познанием связи между комплексными числами и двумерной геометрией, Уильям Гамильтон в течение многих лет стремился изобрести большую алгебру, которая бы играла аналогичную роль в пространстве. После долгих лет поиска, в день, ставший историческим, он понял, что нужно вводить сразу три мнимые единицы, представив гиперкомплексное число как сумму четырех слагаемых — действительной части и линейной комбинации трех мнимых единиц, которую Гамильтон назвал вектором. Такая форма гиперкомплексного числа и носит название «кватернион».

$$Q = a \cdot 1 + b \cdot i + c \cdot j + d \cdot k =$$

$$= (a + bi) + (c + di)j = z_1 + z_2j;$$

$$z_1 = a + bi; z_2 = c + di,$$

где $a \in \text{Re}Q$ — действительная часть (скаляр); $v \in \text{Im}Q$; $v = b \cdot i + c \cdot j + d \cdot k$ — мнимая часть (вектор);

$$Q = a \cdot 1 + b \cdot i + c \cdot j + d \cdot k = a + v;$$

$$i \cdot j \cdot k = -1.$$

Сопряженный кватернион:

$$Q^* = z_1 - z_2j = a \cdot 1 - b \cdot i - c \cdot j - d \cdot k.$$

Квадрат нормы кватерниона:

$$N(Q) = Q \cdot Q^* = a^2 + b^2 + c^2 + d^2.$$

Таблица умножения
базисных кватернионов

$\times$	1	i	j	k
1	1	i	j	k
i	i	-1	k	$-j$
j	j	$-k$	-1	i
k	k	j	$-i$	-1

Модуль кватерниона:

$$|Q| = \sqrt{Q \cdot Q^*} = \sqrt{a^2 + b^2 + c^2 + d^2}.$$

Обратный кватернион:

$$Q^{-1} = \frac{Q^*}{|Q|^2} = \frac{a \cdot 1 - b \cdot i - c \cdot j - d \cdot k}{a^2 + b^2 + c^2 + d^2}.$$

Оператор поворота как кватернион с единичной нормой

Условие единичной нормы ведет к тому, что скалярная компонента кватерниона может быть интерпретирована как косинус некоторого угла (согласно Родригу, как половина угла поворота). Тогда векторная часть кватерниона — вектор оси вращения, умноженный на синус того же аргумента. Основное тригонометрическое тождество обеспечивает равенство единице нормы кватерниона.

Заданные параметры обозначены на рис. 2: θ — угол вращения; $\vec{n}$ — ось вращения; $R_{\vec{n}}(\theta)$ — оператор поворота; $|p| = 1$.

$$R_{\vec{n}}(\theta) = p = p_0 1 + p_1 i + p_2 j + p_3 k =$$

$$= p_0 + \vec{p} = \cos \frac{\theta}{2} + \sin \frac{\theta}{2} \cdot \vec{n}.$$

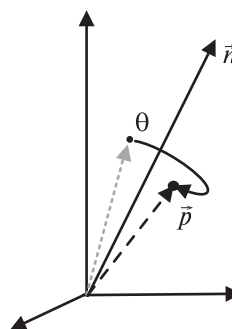

Рис. 2. Иллюстрация заданных параметров

Параметры Родрига — Гамильтона:

$$p_0 = \cos\left(\frac{\theta}{2}\right); \vec{p} = (p_1, p_2, p_3) = \sin\left(\frac{\theta}{2}\right) \vec{n};$$

$$\theta = 2 \arccos(p_0); \vec{n} = \vec{p} / \sin\left(\frac{\theta}{2}\right).$$

Композиция вращений

Рассчитаем композицию вращений.

Первое вращение на угол θ_1 относительно оси $\vec{n}_1$ зададим кватернионом $\vec{p}$:

$$R_{\vec{n}_1}(\theta_1) = p = p_0 1 + p_1 i + p_2 j + p_3 k;$$

$$p_0 = \cos\left(\frac{\theta_1}{2}\right); \vec{p} = (p_1, p_2, p_3) = \sin\left(\frac{\theta_1}{2}\right) \vec{n}_1.$$

Второе вращение на угол θ_2 относительно оси $\vec{n}_2$ зададим кватернионом $\vec{q}$:

$$R_{\vec{n}_2}(\theta_2) = q = q_0 1 + q_1 i + q_2 j + q_3 k;$$

$$q_0 = \cos\left(\frac{\theta_2}{2}\right); \vec{q} = (q_1, q_2, q_3) = \sin\left(\frac{\theta_2}{2}\right) \vec{n}_2.$$

Композиция вращений:

$$R_{\vec{n}}(\theta) = R_{\vec{n}_2}(\theta_2) R_{\vec{n}_1}(\theta_1) = r = qp.$$

Пользуясь знаменитым правилом умножения базисных кватернионов, получаем кватернион, из которого извлекаем результирующий угол и результирующую ось вращения.

$$\begin{aligned} r = qp &= (q_0 1 + q_1 i + q_2 j + q_3 k) \times \\ &\times (p_0 1 + p_1 i + p_2 j + p_3 k) = q_0 p_0 - q_1 p_1 - \\ &- q_2 p_2 - q_3 p_3 + (q_0 p_1 + q_1 p_0 + q_2 p_3 - q_3 p_2) i + \\ &+ (q_0 p_2 + q_1 p_3 + q_2 p_0 + q_3 p_1) j + \\ &+ (q_0 p_3 + q_1 p_2 - q_2 p_1 + q_3 p_0) k = \\ &= q_0 p_0 - \vec{q} \vec{p} + q_0 (p_1 i + p_2 j + p_3 k) + \\ &+ p_0 (q_1 i + q_2 j + q_3 k) + \\ &+ \begin{vmatrix} q_2 & q_3 \\ p_2 & p_3 \end{vmatrix} i + \begin{vmatrix} q_3 & q_1 \\ p_3 & p_1 \end{vmatrix} j + \begin{vmatrix} q_1 & q_2 \\ p_1 & p_2 \end{vmatrix} k = \\ &= q_0 p_0 - \vec{q} \vec{p} + q_0 \vec{p} + p_0 \vec{q} + \vec{q} \times \vec{p} = \\ &= r_0 + \vec{r} = \cos \frac{\theta}{2} + \sin \frac{\theta}{2} \cdot \vec{n}. \end{aligned}$$

Векторная алгебра

Сопутствующий умножению кватернионов результат — понятие вектора, полученное математикой.

Вектор $\vec{p} = p_1 i + p_2 j + p_3 k$.

Скалярное произведение

$$\vec{q} \vec{p} = q_1 p_1 + q_2 p_2 + q_3 p_3.$$

Векторное произведение

$$\vec{q} \times \vec{p} = \begin{vmatrix} q_2 & q_3 \\ p_2 & p_3 \end{vmatrix} i + \begin{vmatrix} q_3 & q_1 \\ p_3 & p_1 \end{vmatrix} j + \begin{vmatrix} q_1 & q_2 \\ p_1 & p_2 \end{vmatrix} k.$$

Таким образом при решении частной задачи сформировался новый мощный математический инструмент — *векторная алгебра*.

Накопление производительных сил.

Открытия XX столетия

Теория кватернионов, «сердцевиной» которой является векторная алгебра, стала «кирпичиком» в фундаменте нового квантово-механического описания природы. Накопление производительных сил во времени создает фундамент для дальнейшего их развития. Так, производительная сила, или энергия как продукт деятельности ученого XIX в., дала истории общества знание о кватернионах, которое, в свою очередь, получило стимул развития в трудах ученых XX в. Об этом свидетельствуют великие научные открытия, многие из которых совершили молодые ученые в начале XX столетия.

1. В 1900 г. немецкий физик Макс Планк, основоположник квантовой теории, ввел представление о *квантах энергии* и *кванте действия* [11]

$$E = \hbar \omega.$$

Постоянная Планка (квант действия)
 $\hbar = 1,054 \cdot 10^{-34}$ Дж · с.

2. В 1905 г. 26-летний Альберт Эйнштейн сформулировал специальную теорию относительности, которая фактически описывает геометрию четырехмерного пространства-времени [6, с. 36—38]. В рамках этой теории Эйнштейн сформулировал самую знаменитую формулу естествознания

$$E = mc^2.$$

3. В 1913 г. 27-летний постдок Нильс Бор, основываясь на планетарной модели Эрнеста Резерфорда, предложил квантовую модель атома. Согласно теории Бора, которая получила развитие в идеях Зоммерфельда, Борна, Гейзенберга и других

выдающихся физиков начала XX в., вращающиеся по орбитам электроны имеют четыре степени свободы — четыре квантовых числа. Физический смысл последнего, четвертого квантового индекса стал понятен научному сообществу не сразу.

4. В октябре 1925 г. ученики Пауля Эренфеста, 20-летние Самюэль Гаудсмит и Джордж Уленбек, для описания четвертого квантового числа ввели концепцию спина. Они предложили рассматривать электрон как «вращающийся волчок», обладающий собственным механическим моментом с двумя проекциями: вверх/вниз [12]. В ходе научных дискуссий эта концепция утвердилась.
5. В 1927 г. Вольфганг Паули математически смоделировал этот эффект. Для описания движения электрона в атоме он предложил новый математический инструмент — матрицы, которые вошли в мировую науку как матрицы Паули [3].

$$\sigma_0 = \begin{pmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{pmatrix};$$

$$\sigma_1 = \begin{pmatrix} 0 & 1 \\ 1 & 0 \end{pmatrix}; \sigma_2 = \begin{pmatrix} 0 & -i \\ i & 0 \end{pmatrix}; \sigma_3 = \begin{pmatrix} 1 & 0 \\ 0 & -1 \end{pmatrix};$$

$$\sigma_j \cdot \sigma_k = \delta_{jk} \sigma_0 + \varepsilon_{jkl} \sigma_l,$$

где $\delta_{jk} = \begin{cases} 1, & j = k \\ 0, & j \neq k \end{cases}$ — символ Кронеккера;

ε_{jkl} — полностью антисимметричный тензор;
 $\varepsilon_{123} = 1$ (символ Леви — Чивита).

Соотношение для матриц Паули столь же фундаментально, как и знаменитая формула умножения кватернионов.

$$\varepsilon_{jkl} = \begin{pmatrix} 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \\ 0 & -1 & 0 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \\ 0 & -1 & 0 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \\ 0 & -1 & 0 \end{pmatrix}$$

Есть прямое соответствие между базисными кватернионами и матрицами Паули:

$$Q = a \cdot 1 + b \cdot i + c \cdot j + d \cdot k;$$

$$1 \equiv \sigma_0 = \begin{pmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{pmatrix};$$

$$i \equiv -i\sigma_1 = -i \begin{pmatrix} 0 & 1 \\ 1 & 0 \end{pmatrix}; j \equiv -i\sigma_2 = -i \begin{pmatrix} 0 & -i \\ i & 0 \end{pmatrix};$$

$$k \equiv -i\sigma_3 = -i \begin{pmatrix} 1 & 0 \\ 0 & -1 \end{pmatrix};$$

$$A = a_0 \sigma_0 + a_1 \sigma_1 + a_2 \sigma_2 + a_3 \sigma_3;$$

$$a_k = \frac{1}{2} \text{Tr}(\sigma_k A).$$

Можно сказать, что посредством набора матриц кватернионы получили физическое обличие.

Группы-октавы из кватернионов и матриц Паули на языке теории групп изоморфны:

$$Q_8 = \{\pm 1, \pm i, \pm j, \pm k\};$$

$$P_8 = \{\pm \sigma_0, \pm i\sigma_1, \pm i\sigma_2, \pm i\sigma_3\}; Q_8 \cong P_8.$$

Ранее, в 1926 г., объясняя студентам Цюрихского университета суть своих идей, Эрвин Шрёдингер вывел уравнение эволюции квантовой системы под действием гамильтониана — оператора энергии, названного так в честь Уильяма Гамильтона:

$$i \frac{\partial}{\partial t} |\psi\rangle = H |\psi\rangle; |\psi\rangle = \exp(-i H t) |\psi_0\rangle;$$

H — гамильтониан.

Паули обобщил уравнение Шрёдингера, использовал его для частиц со спином. Волновая функция в таком случае представляет собой двухкомпонентный столбец-спинор:

$$|\psi\rangle = \begin{pmatrix} \psi_1 \\ \psi_2 \end{pmatrix} \text{ — спинор; } |\psi_1|^2 + |\psi_2|^2 = 1.$$

Таким образом идея спина — собственного вращения элементарных частиц — была красиво и строго математически оформлена.

Оператор поворота в пространстве.

Матричная экспонента

В этой теории оператор поворота в пространстве выражается через экспоненту, как у комплексных чисел, но уже матричную, с применением матриц Паули:

$$R_{\vec{n}}(\theta) = \exp\left(-i \frac{\theta}{2} \vec{\sigma} \vec{n}\right) = \cos\left(\frac{\theta}{2}\right) \sigma_0 - i \sin\left(\frac{\theta}{2}\right) \vec{\sigma} \vec{n},$$

где $\vec{\sigma} = (\sigma_1, \sigma_2, \sigma_3)$ — матричный вектор Паули; $\vec{n} = (n_1, n_2, n_3)$ — ось вращения; θ — угол вращения.

Композиция поворотов, как и в плоском случае, теперь находится через произведение двух экспонент:

$$\begin{aligned} R_{\vec{n}}(\theta) &= R_{\vec{n}_2}(\theta_2) \cdot R_{\vec{n}_1}(\theta_1) = \\ &= \exp\left(-i \frac{\theta_2}{2} \vec{\sigma} \vec{n}_2\right) \exp\left(-i \frac{\theta_1}{2} \vec{\sigma} \vec{n}_1\right) = \\ &= \left(\cos\left(\frac{\theta_2}{2}\right) \sigma_0 - i \sin\left(\frac{\theta_2}{2}\right) \vec{\sigma} \vec{n}_2\right) \times \\ &\times \left(\cos\left(\frac{\theta_1}{2}\right) \sigma_0 - i \sin\left(\frac{\theta_1}{2}\right) \vec{\sigma} \vec{n}_1\right); \\ (\vec{\sigma} \vec{n}_1) (\vec{\sigma} \vec{n}_2) &= \vec{n}_1 \vec{n}_2 + i (\vec{n}_1 \times \vec{n}_2) \vec{\sigma}; \\ \cos\left(\frac{\theta}{2}\right) &= \cos\left(\frac{\theta_1}{2}\right) \cos\left(\frac{\theta_2}{2}\right) - \\ &- \vec{n}_1 \vec{n}_2 \sin\left(\frac{\theta_1}{2}\right) \sin\left(\frac{\theta_2}{2}\right); \end{aligned}$$

θ — результирующий угол вращения,

$$\begin{aligned} \vec{n} &= \frac{1}{\sin\left(\frac{\theta}{2}\right)} \left(\sin\left(\frac{\theta_1}{2}\right) \cos\left(\frac{\theta_2}{2}\right) \vec{n}_1 + \right. \\ &+ \sin\left(\frac{\theta_2}{2}\right) \cos\left(\frac{\theta_1}{2}\right) \vec{n}_2 - \\ &\left. - \vec{n}_1 \times \vec{n}_2 \sin\left(\frac{\theta_1}{2}\right) \sin\left(\frac{\theta_2}{2}\right) \right); \end{aligned}$$

$\vec{n}$ — результирующая ось вращения [1].

Качественное изменение производительных сил. Квантовые вычисления

На качество производительных сил влияют условия, в которых они действуют, т. е. производственные отношения, а также достижения в области технологий производства. Если рассматривать человека как источник познания, — познания, в котором наблюдатель влияет на познаваемый объект, согласно теории относительности Эйнштейна, — то можно констатировать, что развитие знания о квантовых вычислениях послужило их проникновению в иную научную область, наиболее актуальную для человека начала эпохи цифровизации, а именно в компьютерные технологии.

Поскольку решение уравнения Эрвина Шрёдингера, моделирующего всевозможные технологические, физические и другие

процессы, является экспоненциально сложной задачей, Ричард Фейнман предложил искать решение уравнения Шрёдингера через создание квантового компьютера. Он сформулировал идеи квантовых вычислений, которые явились результатом развития квантово-механического подхода, к этому времени многократно и убедительно подтвержденного [5].

Кубит — квантовый бит

Как известно, основой классического машинного вычислительного процесса является понятие бита, который принимает одно из двух логических значений 0 или 1.

Основы квантовых вычислений строятся на понятии кубита — как суперпозиции этих двух логических состояний:

$$|\Psi\rangle = c_0 |0\rangle + c_1 |1\rangle.$$

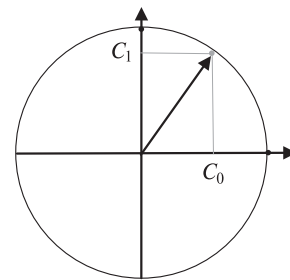

Рис. 3. Кубит

В рамках матричной алгебры ноль и единица записываются как двоичные двухрядные линейно независимые столбцы:

$$|0\rangle = \begin{pmatrix} 1 \\ 0 \end{pmatrix} \text{ и } |1\rangle = \begin{pmatrix} 0 \\ 1 \end{pmatrix}.$$

Коэффициенты c_0 и c_1 имеют смысл амплитуд вероятности логического состояния. Сумма квадратов модулей амплитуд:

$$|c_0|^2 + |c_1|^2 = 1.$$

Это условие аналогично нормировке кватерниона и спина.

Таким образом, математически кубит представляет собой двухкомпонентный столбец-спинор [2]. Математика кубита тождественна математике спина.

Кубит на сфере Блоха

Если ввести в выражение для коэффициентов два параметра, а именно сферические

углы θ — зенитный угол (направление вертикального подъема) и φ — азимутальный угол, то каждый кубит можно физически представить как точку на сфере единичного радиуса — сфере Блоха.

$$|\psi\rangle = \cos\left(\frac{\theta}{2}\right)|0\rangle + e^{i\varphi}\sin\left(\frac{\theta}{2}\right)|1\rangle$$

$$|\psi\rangle = \begin{pmatrix} \cos\left(\frac{\theta}{2}\right) \\ e^{i\varphi}\sin\left(\frac{\theta}{2}\right) \end{pmatrix}$$

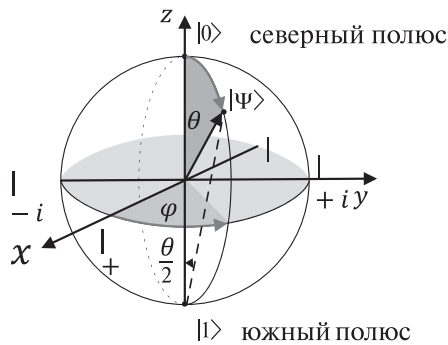

Рис. 4. Кубит на сфере Блоха

Все преобразования над кубитами совершаются унитарными операторами. Эти унитарные преобразования задают вращения кубита.

Оператор поворота на сфере Блоха

Повороты кубитов и их композиции описываются через экспоненты с матрицами Паули, так же как мы видели при разборе спинов (см. с. 66).

Результат композиции — новый кубит на сфере Блоха с расчетными параметрами [9]. Физические принципы позволяют инженерно сконструировать кубит как элементную базу квантового компьютера.

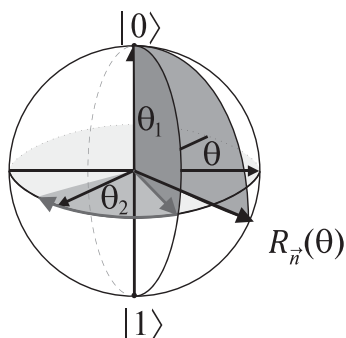

Рис. 5. Новый кубит как результат композиции

Заметим, что фотон, ядерный и электронный спины, сверхпроводники, любая двухуровневая физическая система могут рассматриваться как прототип кубита.

Предложенные математические инструменты в XX в. позволили канонизировать **технику поворотов в пространстве**, заложив тем самым основы множества важных технологических решений. Это системы глобального позиционирования GPS, телекоммуникационные спутниковые системы, микрогирскопия, беспилотные летательные аппараты. Одним из наиболее значимых решений является запуск в конце XX столетия глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС. Все эти технологические решения теперь определяют облик современного общества.

В конце XX в. теория Гамильтона нашла свое продолжение в **алгебре кубита**, квантового логического элемента. Это достижение легло в основу революционной идеи построения квантовых вычислений, которая явилась фактором повышения качества производительных сил, поскольку получила реализацию в серии прототипов квантовых вычислительных устройств — квантовых компьютеров, работающих на новых физических принципах, активно применяемых в последние годы (рис. 6, 7, 8).

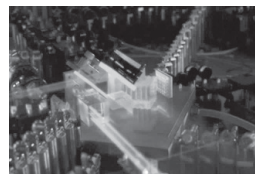

Рис. 6. Фотонный квантовый процессор. Китайский университет науки и технологий JIUSHUNG, 76 qubit, 2020 г.

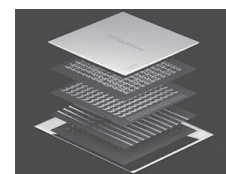

Рис. 7. Квантовый процессор IBM Eagle, 127 qubit, ноябрь 2021 г.

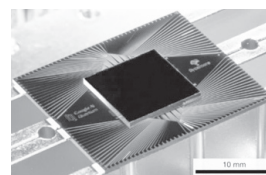

Рис. 8. Квантовый процессор Google SYCAMORE, 53 qubit

Таким образом, можно рассматривать производительные силы как двигатель истории — от представления Демокрита об атоме как первооснове материи, зарождения физики из натурфилософии до создания универсальных законов и выхода системы идей за пределы классической физики в квантовом подходе, — причем сегодня это не только история науки, но и история глобализованного общества. В XXI в. перспектива построения полномасштабного квантового компьютера — это шанс для цивилизации обрести новый способ производства, определяющий жизнедеятельность и образ жизни на более высоком уровне благосостояния человека.

Список литературы и источников

1. **Арнольд В. И.** Геометрия комплексных чисел, кватернионов и спинов. 2-е изд., стер. М.: Изд-во МЦНМО, 2009. 40 с.
2. **Богданова Н. А.** Математика квантовых битов (кубиты) // Битрикс24: онлайн-платформа. [Лаборатория онлайн-контента НИУ МИЭТ]. [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://bo.miet.ru/~W2nAJ> (дата обращения: 10.11.2022).
3. **Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М.** Теоретическая физика: учеб. пособ. для вузов: в 10 т. Т. 3: Квантовая механика. Нерелятивистская теория. 4-е изд., испр. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. 768 с. (Теоретическая физика).
4. **Соснина Т. Н.** Карл Маркс о производительных силах общества (анализ проблемы соотношения производительных сил и предмета труда): монография. Самара: Сам. гос. аэрокосм. ун-т им. акад. С. П. Королева, 1974. 202 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 09.09.1974, № 302 (74).
5. **Фейнман Р. Ф.** Квантовомеханические ЭВМ / пер. Б. Ф. Полковникова под ред. И. И. Мазина // Успехи физических наук. 1986. Т. 149. Вып. 8. С. 671—688. <https://doi.org/10.3367/UFNr.0149.198608c.0671>
6. **Эйнштейн А.** Собрание научных трудов: в 4 т. Т. 1. М.: Наука, 1965. 700 с. (Классики науки).
7. **Hamilton W. R.** On a new species of imaginary quantities, connected with the theory of quaternions // Proceedings of the Royal Irish Academy. 1844. Vol. 2. P. 424—434.

8. **Hankins Th. L.** Sir William Rowan Hamilton. Baltimore; London: Johns Hopkins Univ. Press, 1980. XXI, 474 p.
9. **Kyriillidis An.** Introduction to quantum computing: Bloch sphere // Tasos' Posts [Электронный ресурс]. URL: http://akyriillidis.github.io/notes/quant_post_7 (дата обращения: 10.11.2022)
10. Letters describing the discovery of quaternions // School of Mathematics [Электронный ресурс] / Trinity College Dublin. URL: <https://www.maths.tcd.ie/pub/HistMath/People/Hamilton/Letters/BroomeBridge.html> (дата обращения: 10.11.2022).
11. **Planck M.** Über eine Verbesserung der Wien'schen Spectralgleichung // Verhandlungen der Deutschen Physikalischen Gesellschaft. 1900. Bd. 2. S. 202—204.
12. **Uhlenbeck G. E., Goudsmit S.** Spinning electrons and the structure of spectra // Nature. 1926. Vol. 117. P. 264—265. <https://doi.org/10.1038/117264a0>

References

1. Arnol'd V. I. *Geometry of Complex Numbers, Quaternions and Spins*. 2nd ed., ster. Moscow: Izd-vo MTsNMO, 2009. 40 p. (In Russian).
2. Bogdanova N. A. "Mathematics of Quantum Bits (Qubits)". *Bitriks24: onlayn-platforma*. Laboratoriya onlayn-kontenta NIU MIET, 2021. (In Russian). Web. 10 Nov. 2022. <<https://bo.miet.ru/~W2nAJ>>.
3. Landau L. D., Lifshits E. M. *Quantum Mechanics. Nonrelativistic Theory*. Moscow: Nauka. Gl. red. fiz.-mat. lit., 1989. 768 p. (In Russian). Vol. 3 of *Theoretical Physics: tutorial for universities*. 10 vols. 4th ed. Teoreticheskaya fizika series.
4. Sosnina T. N. *Karl Marx on the Productive Forces of Society. An Analysis of the Problem of the Relationship between the Productive Forces and the Object of Labor*: monograph. Samara: Samara National Research Univ. n. a. acad. S. P. Korolev Publ., 1974. 202 p. (In Russian). Dep. at INION AN SSSR 09 Sep. 1974, No. 302 (74).
5. Feynman R. P. "Quantum Mechanical Computers". *Found. Phys.* 16 (1986): 507—531. <https://doi.org/10.1007/BF01886518>
6. Einstein A. *Relativity: The Special and the General Theory*. 100th anniv. ed. Princeton: Princeton Univ. Press, 2019. 328 p.
7. Hamilton W. R. "On a new Species of Imaginary Quantities Connected with a Theory of Quaternions". *Proceedings of the Royal Irish Academy* 2 (1844): 424—434.

8. Hankins Th. L. *Sir William Rowan Hamilton*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1980. xxi, 474 p.
9. Kyrillidis Anastasios. “Introduction to Quantum Computing: Bloch sphere”. *Tasos’ Posts*. Anastasios ‘Tasos’ Kyrillidis, n. d. Web. 10 Nov. 2022. <http://akyrillidis.github.io/notes/quant_post_7>.
10. “Letters Describing the Discovery of Quaternions”. *School of Mathematics*. Trinity College Dublin, n.d. Web. 10 Nov. 2022. <<https://www.maths.tcd.ie/pub/HistMath/People/Hamilton/Letters/BroomeBridge.html>>.
11. Planck M. „Über eine Verbesserung der Wien’schen Spectralgleichung“. *Verhandlungen der Deutschen Physikalischen Gesellschaft* 2 (1900): 202—204. (In German).
12. Uhlenbeck G. E., Goudsmit S. “Spinning Electrons and the Structure of Spectra”. *Nature* 117 (1926): 264—265. <https://doi.org/10.1038/117264a0>

Информация об авторе

Богданова Надежда Александровна — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент Института физики и прикладной математики, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Nadezhda A. Bogdanova — Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Institute of Physics and Applied Mathematics, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 20.09.2022.

The article was submitted 20.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 70—76.

Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 70—76.

Научная статья

УДК 355.01:32.019.51

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-70-76

Ментальные войны как новый вызов современному миру

Е. П. Борзова¹, А. А. Ковалев²

¹ Санкт-Петербургский реставрационно-строительный институт, г. Санкт-Петербург, Россия

² Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

¹ borzova_01@mail.ru

² kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Обоснован следующий тезис: одной из основных тенденций развития войн XXI в. становятся ментальные войны. Анализируются теоретические и практические стороны данного явления. Делается вывод, что ментальные войны представляют собой новый вызов как международной, так и национальной безопасности. Утверждается, что национальный менталитет, самоидентичность и самосознание народа являются объектами взаимного агрессивного воздействия со стороны противников в войнах современности. Отмечается, что агрессивная политика государств в сфере ментальных войн разобщает нации, каждая из которых стремится к добрососедству с другими нациями и государствами при сохранении собственной идентичности.

Ключевые слова: менталитет, ментальная война, информационно-психологическая безопасность, общество, человек, противостояние

Для цитирования: Борзова Е. П., Ковалев А. А. Ментальные войны как новый вызов современному миру // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 70—76. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-70-76>

Original article

Mental warfare as a new challenge to the modern world

E. P. Borzova¹, A. A. Kovalev²

¹ St. Petersburg Restoration and Construction Institute, St. Petersburg, Russia

² Northwest Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

© Борзова Е. П., Ковалев А. А.

¹ borzova_01@mail.ru

² kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. In this work, the following thesis is substantiated: mental wars are becoming one of the main trends in the development of wars of the 21st century. The theoretical and practical aspects of this phenomenon are analyzed. It has been concluded that mental wars represent a new challenge to both international and national security. It is argued that the national mentality, self-identity and self-consciousness of the people are objects of mutual aggressive influence on the part of opponents in the wars of modernity. It is noted that the aggressive policy of states in the field of mental wars divides nations, each of which strives for good neighborliness with other nations and states while preserving its own identity.

Keywords: mentality, information and psychological security, society, man, warfare, confrontation

For citation: Borzova E. P., Kovalev A. A. “Mental Warfare as a New Challenge to the Modern World”. *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 70—76. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-70-76>

Введение

Понятие ментальной войны вошло в аппарат современной науки сравнительно недавно; с 2020 г. термин «ментальная война» начали активно обсуждать и в российском научном сообществе. Особенно бурный характер обсуждение приобрело после того, как советник главы Минобороны России А. М. Ильницкий в интервью журналу «Арсенал Отечества» сообщил, что «Запад во главе с США начал против России ментальную войну, последствия которой проявятся не сразу» (приводится по: [3, с. 25]).

Война — это конфликт между политическими субъектами в форме вооруженного противоборства. Ментальная война — это такое противоборство, где нападающей стороной используется ментальное оружие — новый инструмент насилия над человеком; при этом объектом поражения является: в человеке — его душевный склад, образ мышления, духовные установки, убеждения, мировоззрение, а в обществе — национальное сознание, одним из компонентов которого является национальный менталитет.

В последнее время тема ментальных войн приобретает особую значимость для социальной науки. Среди отечественных исследователей данного направления можно выделить таких авторов, как И. Н. Караваяев, Ю. А. Никитин, Е. А. Поправко, М. В. Салтыкова, — они изучают теорию и эволюцию ментальных войн в современном мире. Ментальные войны в контексте борьбы идей и смыслов, идеологического противостояния в зарубежной науке исследуются такими учеными, как А. Баруди, Дж. Уилт, М. Л. Хаас, Р. Шифтер, М. Юань, Р. Янсонс и др.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы раскрыть сущность ментальных войн современности и показать их значимость в вопросах межгосударственного и межнационального противостояния. Задачи, которые мы решали в исследовании, связаны с рассмотрением ментальных войн с теоретической и эмпирической сторон, анализом инструментов ментального противоборства, а также направлений обеспечения защиты от ментальной агрессии.

Методология исследования базируется на концепции ментальной войны,

основоположником которой стал автор теории «тотальной войны» Э. Людендорф [13, с. 87]. Он одним из первых в своих исследованиях изучал явление, которое назвал тотальной войной. По мнению исследователя, нарушение так называемой душевной закрытости народа (национального менталитета, согласно представлениям XXI в.) способно разрушить монолитную идейную целостность всей нации.

Ментальная война направлена на уничтожение идентичности и исторической памяти противника с целью навязать внешнее управление им. Мы полагаем, что в США ведутся разработки средств ведения ментальной войны с Россией [14]. Причины начала ментальной войны Запада во главе с США против России заключаются в том, что наша страна противится продолжению колониальной политики в мире, установлению глобального проекта нового миропорядка, в рамках которого государство должно быть «приватизировано» (т. е. перейти во внешнее управление) наднациональными корпорациями, а частная собственность, семья, государство должны быть упразднены и заменены широкими программами имплементации эксизма, экологизма, трансгуманизма. Такого рода проекты будущего в западном мире исследуются, строятся, обсуждаются и уже приводятся в действие [10; 17; 18; 6; 9]. Вместе с тем Россия с ее исторической миссией и великой культурой может восприниматься акторами глобального перелома мира как помеха в реализации их замыслов. Важно отметить, что сегодня гегемонистским устремлениям некоторых стран начинают противостоять и новые игроки «глобальной шахматной доски» (З. Бжезинский): в частности, государства Ближнего Востока [12; 15].

Результаты

Национальный менталитет воплощает в себе фундаментальный уровень общественного и индивидуального сознания, который состоит из сознательного и подсознательного способов восприятия мира. Национальный менталитет отражает духовные

установки, интеллектуальные, умственные предрасположенности социума и его отдельных представителей, позволяет воспринимать окружающую действительность и управлять поступками, поведением, тенденциями социального развития с позиций особых ментальных установок. Главными компонентами менталитета являются присущие нации ценности, культурные особенности, склад ума (образ мышления), мировоззрение.

Сущность ментальной войны заключается в оказании противником недружественного влияния на менталитет нации. Главной *целью* ментальной войны становится изменение элементов сознания и менталитета народа, считающегося противником.

Одно из важных свойств ментальной войны — наличие долгосрочной стратегии. В своей недавней статье «Актуальная повестка ментальной войны» А. М. Ильницкий пишет: «Идет *ментальная война*, направленная на информационное поле, сферу чувств, эмоций, настроений с целью оккупации нашего духовного пространства. В рамках ментальной войны выделяются три уровня реализации:

- Тактический — информационные кампании (дни, недели, месяцы);
- Оперативный — когнитивные операции (недели, месяцы, год);
- Стратегический — ментальная война (годы, десятилетия)» [2, с. 5].

Объектами ментальной войны могут быть не только национальный менталитет, но и самосознание отдельной личности. Ментальная война, объектом поражения в которой является личность, нацелена на ментальное информационное поле индивида, т. е. на сферу чувств, эмоций, настроений, увлечений, предрасположенностей, потребностей, зависимостей, поведения и духовных запросов личности.

Инструментами разрушительного влияния на личность и нацию выступают, в первую очередь, манипуляции информацией. В качестве технологий ментального влияния используются специальные операции формальной логики, сводящие полемику к казуистическим практикам [1; 7].

Информационное влияние на менталитет (особенно молодежи) осуществляется и при помощи пропаганды антиценностей: прагматизма, конформизма, индивидуализма и консьюмеризма. Россия, со своими традиционными ценностями, со своей убежденностью в необходимости выполнения исторической миссии сохранения общечеловеческих антропных идеалов для всего мира, действительно не вписывается в новый проект мироустройства и пытается противостоять осуществлению губительных для человечества мировых проектов и бездуховного, неразумного, антигуманного миропорядка. Антропологическая угроза осуществления новых проектов заключается в том, что новая фаза развития человечества предполагает изменение антропологической сущности человека: стремление человека к жизни в гармонии с природой заменяется желанием покорить и искусственно преобразовать все сущее. В этом стремлении человечество развивает биотехнологии, генную инженерию, цифровые технологии, искусственный интеллект, робототехнику, — иногда не отдавая себе отчет, что эра «совершенного человека» может стать завершающей стадией эволюции человечества. В связи с этим особым направлением ментальной войны против России является девальвация, в частности, таких традиционно важных для россиян ценностей, как единство и солидарность; интернационализм и терпимость; дружелюбие, щедрость, гостеприимство, стремление к справедливости, правде, любовь к отечеству, патриотизм, презрение к предательству и готовность к героизму, подвигу.

Одним из методов ведения ментальной войны является также подмена одних научных фактов другими, в частности, в области истории. В этом отношении историческое знание служит и объектом, и оружием (инструментом) ментальной войны [5; 16]: знание своей истории, формирующее патриотическое историческое сознание нации, помогает ей успешно противостоять сопернику в борьбе за национальное сознание и менталитет — главные объекты ментальных войн.

Особым методом ведения ментальной войны является и информационный гипноз — внушение определенных идей, направленных на борьбу с некоторыми чертами национального менталитета, мешающими достижению целей противника. Он осуществляется посредством информационных атак на традиционные институты, сохраняющие традиционные духовные ценности.

Технологический арсенал ментальной войны включает в себя следующие виды технологий:

- *информационные технологии* (манипуляции содержанием информации и информационными потоками);
- *когнитивные технологии* (давление на чувственный и теоретический уровень познания);
- *психоэмоциональные технологии* (психологическое давление на аудиторию, манипуляция эмоциями, такими как стыд, совесть, страх, ненависть и пр.);
- *духовные технологии* (воздействие на волю, веру, иррациональный уровень и т. п.).

Все инструменты и средства ментальной войны, как правило, применяются комплексно: в эпоху цифровизации в рамках ментальной войны разрабатываются и реализуются целые информационные кампании, включающие поля новостей, базы знаний, подборки художественных фильмов, телешоу, — нацеленные на изменение ментальной сферы соперника.

Ментальная война, как отмечает И. Н. Караваев, является относительно новым типом военного противоборства и отличается следующими характеристиками, осложняющими действия как нападающей, так и обороняющейся стороны:

- ментальные войны ведутся с нарастающей интенсивностью;
- имеют всеохватывающий и нарастающий характер поражения;
- оружие ментального поражения воздействует на сознание наций: будучи инерционным, сознание, однажды пораженное заблуждением, порождает такие заблуждения и убеждения, которые в дальнейшем оказываются исключительно стойкими [4, с. 64—65].

Таким образом, ментальная война предполагает приложение серьезных усилий как со стороны нападающего, так и со стороны обороняющегося.

В качестве ментального агрессора в настоящем исследовании рассматриваются США, спецслужбы которых в последнее время проводят массированную информационно-технологическую атаку на ментальную сферу российской нации через овладение умами, волей, мировоззрением отдельных граждан и всего общества с целью повредить ее культурный код и искоренить ее духовные скрепы.

Объектами поражения в ментальной войне против России являются лидер государства, т. е. Президент РФ В. В. Путин, в его лице — институт президентства в целом, Русская православная церковь, Вооруженные силы РФ, все силовые структуры и ведомства, а также молодежь как наиболее восприимчивая и ментально неустойчивая социальная группа. На них в первую очередь направлено дискредитирующее информационное оружие. США в этой войне действуют в соответствии с идеями Лео Штрауса [11], который считал, что обществом и миром необходимо править с помощью «благородной лжи» и «конструктивного хаоса».

Россия активно противостоит внешнему врагу на ментальном поле, осуществляя оборону в соответствии с императивами и приоритетами, сформулированными в новой редакции «Стратегии национальной безопасности РФ» [8].

Заключение

Современный мир столкнулся с новым вызовом международной безопасности — ментальными войнами. Несмотря на то, что об этом явлении заговорили еще в начале прошлого столетия, именно XXI в. вывел ментальные войны на новый рубеж опасности благодаря сочетанию с современным высочайшим уровнем развития техники и технологий.

Противник стремится завладеть умами людей, поэтому противодействовать таким

атакам необходимо с помощью мер, которые помогут нивелировать ментальную агрессию внутреннего и внешнего врагов. Единые слаженные действия в данном направлении способны создать условия для установления и сохранения ментальной безопасности в современной России. Таким образом, успех в ментальной войне — это обеспечение информационно-психолого-ментальной безопасности внутри государства.

Одно из направлений обеспечения такого рода безопасности — создание в России информационно-коммуникационных платформ, производящих и продвигающих консервативно-патриотический контент, имеющих в своем арсенале все современные информационные продукты, форматы и коммуникационные технологии — ТВ, «Стрим-ТВ», специализированные социальные сервисы и сети ТГ-каналов, а также традиционные средства массовой информации (печатные издания, радио и др.).

Список литературы и источников

1. **Бабаев А., Нурбекян Э.** Происхождение теории «Окно Овертона» // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral» [Электронный ресурс]. 2018. № 2. С. 18—21. URL: <https://e-integral.ru/wp-content/uploads/2019/01/Nomer-2-2018-Arhiv.pdf> (дата обращения: 27.10.2022).
2. **Ильницкий А. М.** Актуальная повестка ментальной войны // Арсенал Отечества. 2022. № 4 (60). С. 4—9.
3. **Ильницкий А. М.** Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19—33. EDN TDSKIX.
4. **Караваяев И. Н.** Концепция ментальной войны: сущность, содержание, роль и место в учении о войне и армии // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2021. № 4 (26). С. 62—67. EDN RVHVRN.
5. **Кравчук В. Р.** История — наука побеждать в ментальной войне // Вестник адъюнкта: электрон. науч. журн. 2021. № 3. URL: <https://vestnik-adyunkta.ru/images/2021/3/Kravchuk-2021-3.pdf> (дата обращения: 27.10.2022).

6. **Ларина Е.** Общество доступа или экзизм // Завтра.Ру: Блоги и сообщества [Электронный ресурс] / Редакция газеты «Завтра». 29.01.2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/obshestvo_dostupa_ili_eksizm (дата обращения: 28.10.2022).
7. **Никитин Ю. А., Поправко Е. А.** Ментальные войны XX — XXI вв.: терминология, основные стратегии, практика применения // Вестник адъюнкта: электрон. науч. журн. 2021. № 3 (13). URL: <https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/311-mentalnye-voyny-khkh-xxi-vv-terminologiya-osnovnye-strategii-praktika-primeneniya> (дата обращения: 27.10.2022).
8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 27.10.2022).
9. **Чернов В. А.** Экосистемные изменения структуры социально-экономических отношений // Мир новой экономики. 2022. Т. 16. № 3. С. 113—124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-3-113-124>
10. **Шваб К.** Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: Эксмо, 2021. 207 с.: ил., портр. (Top business awards).
11. **Штраус Л.** О тирании. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 328 с. (Профессорская библиотека. Классики политической философии).
12. **Haas M. L.** The Clash of Ideologies: Middle Eastern Politics and American Security. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. 320 p.
13. **Ludendorff E.** Der totale Krieg. München: Ludendorffs Verlag, 1935. 130 S.
14. **McCulloch C., Watts S.** Evaluating the Effectiveness of Public Communication Campaigns and Their Implications for Strategic Competition with Russia. Santa Monica: RAND Corp., 2021. 20 p. <https://doi.org/10.7249/RR-A412-2>
15. **Mendelsohn B.** al Qaeda and global governance: When ideology clashes with political expediency // Terrorism and Political Violence. 2014. Vol. 26. Iss. 3. P. 470—487. <https://doi.org/10.1080/09546553.2012.732629>
16. **Nygren A.** Struggle over meanings: Reconstruction of indigenous mythology, cultural identity, and social representation // Ethnohistory. 1998. Vol. 45. No. 1. P. 31—63. <https://doi.org/10.2307/483171>
17. **Schwab K., Malleret T.** COVID-19: The Great Reset. Zürich: ISBN Agentur Schweiz, 2020. 280 p. (The Great Reset).
18. **Zuboff S.** The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Public Affairs, 2019. 704 p.

References

1. Babaev A., Nurbekyan E. “Origins of ‘Overton Window’ Theory”. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh nauk i tekhnologiy “Integral” = International Journal of Applied Sciences and Technology Integral* 2 (2018): 18—21. (In Russian). Web. 27 Oct. 2022. <<https://e-integral.ru/wp-content/uploads/2019/01/Nomer-2-2018-Arhiv.pdf>>.
2. Ilitsky A. M. “Actionable Agenda of Mental War”. *Arsenal Otechestva* 4 (60) (2022): 4—9. (In Russian).
3. Ilitsky Andrei. “Mental Warfare in Russia”. *Voennaya mysl'* 8 (2021): 19—33. (In Russian). EDN TDSKIX.
4. Karavaev Igor N. “The Concept of Mental War: Essence, Content, Role and Place in the Doctrine of War and the Army”. *Gumanitarnyy vestnik Voennoy akademii raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya = Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Rocket Troops* 4 (26) (2021): 62—67. (In Russian). EDN RVHVRH.
5. Kravchuk Valeriy R. “History as the Science of Winning in Mental War”. *Vestnik ad'yunkta* 3 (13) (2021): n. pag. (In Russian). Web. 27 Oct. 2022. <<https://vestnik-adyunkta.ru/images/2021/3/Kravchuk-2021-3.pdf>>.
6. Larina E. “Access Society or Exism”. *Zavtra.Ru: Blogi i soobshchestva*. 29 Jan. 2020. (In Russian). Web. 28 Oct. 2022. <https://zavtra.ru/blogs/obshestvo_dostupa_ili_eksizm>.
7. Nikitin Yuri A., Popravko Elena A. “The Mental Wars in the XX — XXI Centuries: Terminology, Basic Strategies, Application Practice”. *Vestnik ad'yunkta* 3 (13) (2021): n. pag. (In Russian). Web. 27 Oct. 2022. <<https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/311-mentalnye-voyny-khkh-xxi-vv-terminologiya-osnovnye-strategii-praktika-primeneniya>>.
8. “National Security Strategy of the Russian Federation, approved by RF Presidential Decree of July 02, 2021 No. 400”. *KonsultantPlyus*. N. d. (In Russian). Web. 27 Oct. 2022. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/>.

9. Chernov Vladimir A. "Ecosystem Changes in the Structure of Socio-Economic Relations". *Mir novoy ekonomiki = The World of New Economy* 16.3 (2022): 113—124. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-3-113-124>
10. Schwab Klaus. *The Fourth Industrial Revolution*. New York: Crown Business, 2017. 192 p.
11. Strauss Leo. *What is Political Philosophy? And Other Studies*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988. 315 p.
12. Haas Mark L. *The Clash of Ideologies: Middle Eastern Politics and American Security*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. 320 p.
13. Ludendorff E. *Der totale Krieg*. München: Ludendorffs Verlag, 1935. 130 S. (In German).
14. McCulloch Caitlin, Watts Stephen. *Evaluating the Effectiveness of Public Communication Campaigns and Their Implications for Strategic Competition with Russia*. Santa Monica: RAND Corp., 2021. 20 p. <https://doi.org/10.7249/RR-A412-2>
15. Mendelsohn Barak. "al Qaeda and Global Governance: When Ideology Clashes with Political Expediency". *Terrorism and Political Violence* 26.3 (2014): 470—487. <https://doi.org/10.1080/09546553.2012.732629>
16. Nygren A. "Struggle over Meanings: Reconstruction of Indigenous Mythology, Cultural Identity, and Social Representation". *Ethnohistory* 45.1 (1998): 31—63. <https://doi.org/10.2307/483171>
17. Schwab Klaus, Malleret Thierry. *COVID-19: The Great Reset*. Zürich: ISBN Agentur Schweiz, 2020. 280 p. The Great Reset.
18. Zuboff Shoshana. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs, 2019. 704 p.

Информация об авторах

Борзова Елена Петровна — доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе, Санкт-Петербургский реставрационно-строительный институт (Россия, 190020, г. Санкт-Петербург, ул. Лифляндская, д. 2—4).

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43).

Information about the authors

Elena P. Borzova — Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Research, St. Petersburg Restoration and Construction Institute (Russia, 190020, St. Petersburg, Liflandskaya st., 2—4).

Andrey A. Kovalev — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Northwest Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation (Russia, 199178, St. Petersburg, Sredny ave. V. O., 57/43).

Статья поступила в редакцию 29.10.2022.

The article was submitted 29.10.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 77–82.
Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 77–82.
Научная статья

УДК 140.8:81.1: 81'221.24
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-77-82

Категория телесности в современной лингвофилософии

Л. В. Борисова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

nohas@yandex.ru

Аннотация. Анализируется роль телесности в современной лингвофилософии. В работе дан краткий анализ категорий телесности в звучащих языках в когнитивной и постмодернистской транскрипции. Сравниваются категории телесности в звучащих и жестовых языках с точки зрения иконической и языковой картин мира. Рассматривается роль корпореального пространства в жестовых языках как языкового компонента. Затронута тема языковых игр Л. Витгенштейна как лингвофилософская теория языка и деятельности.

Ключевые слова: лингвофилософия, телесность, жестовое пространство, постмодернизм, когнитивизм, звучащие языки, жестовые языки, русский жестовый язык, РЖЯ, корпореальное пространство, картина мира, теория языковых игр

Для цитирования: Борисова Л. В. Категория телесности в современной лингвофилософии // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 77–82. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-77-82>

Original article

Category of corporeality in modern linguaphilosophy

L. V. Borisova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

nohas@yandex.ru

Abstract. The author focuses on the role of corporeality in modern linguaphilosophy. The paper gives a brief analysis of categories of corporeality in sound languages in cognitive and postmodern transcription. Categories of corporeality in sound and sign languages are compared from the point of view of the iconic and linguistic pictures of the world. The role of the corporeal space as a language component in sign languages has been revealed. The author touches the theme of L. Wittgenstein's language games as a linguaphilosophical theory of language and activity.

© Борисова Л. В.

Keywords: linguaphilosophy, corporeality, sign space, postmodernism, cognitivism, sound languages, sign languages, Russian sign language, corporeal space, world picture, language games theory

For citation: Borisova L. V. "Category of Corporeality in Modern Linguaphilosophy". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 77–82. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-77-82>

Исследования телесности в современной российской и зарубежной философской литературе весьма далеки от классической философской традиции, концептуальный стержень которой составляет уникальное Я, лишенное пространственных и временных характеристик. Неклассическая и постнеклассическая философия, особенно в их постмодернистской интерпретации, говорят сегодня, например, о «теле без образа», телесности, не имеющей ничего общего ни с физическим телом, ни с его образом.

В современной когнитивной науке также утверждается «корпоральный поворот», или «поворот к телу». Однако в рамках лингвофилософии, например, Э. Кассирера, тело человека признается первичной сеткой координат, части которого составляют основу как для пространственных, так и временных обозначений [3].

При очевидном различии в подходах к феномену телесности, обозначенных выше, постмодернизм и когнитивизм не предусматривают перехода категории телесности на план биологии и физиологии, ограничиваясь «телом текста» в первом и анализом концептосферы текста во втором случае.

Однако необходимо отметить, что на современном этапе постмодернизм, рассматривающий мир преимущественно как текст, приравнивает интенцию к направленному вовне желанию, имплицитно (или же сознательно) возвращаясь к неклассическим идеям фрейдизма (неофрейдизма).

Иконическая картина мира (образ мира), формируемая нейронной сетью мозга, всегда антропоцентрична, так как выстраивается во времени и пространстве

относительно тела человека. Она структурирована семантическими фреймовыми сетями, состоящими из гештальтных фреймов (лексико-семантических полей) — базовых структурных единиц памяти.

Языковая, или индексально-знаковая, модель мира структурируется вербальными фреймовыми сетями. В отличие от иконической, она может быть сформирована в рамках как антропоцентризма, так и системоцентризма, а также постмодернистской концепции «ризомы» — кластерного сознания и фрагментарного восприятия мира.

Подобно разговорным, жестовые языки и соответствующие языковые модели мира этих языков, структурирующие различные когнитивные стили носителей языка, эволюционировали естественным образом. Формирование нейронной сети мозга ребенка, связанное с формированием его картины мира, обусловлено не только его актуальным окружением, конкретной природной средой обитания, но и культурным языковым кодом, в том числе его информационным и процедурным компонентами.

Корпорально ориентированные жесты в жестовых языках служат для передачи информации вовне, а инструментом передачи этой информации является человеческое тело, имеющее высокий статус в антропоцентрической парадигме. Пространство знака в жестовом языке — антропоцентрично и находится в корреляции с иконической картиной мира глухих. Таким образом, иконическая и языковая картины мира носителя жестового языка в некоторой степени диффузны, поскольку не имеют четких границ. Тело, включая

его части (руки, пальцы), в данном случае выступает как инструментом овнешнения образов сознания, так и точкой отсчета начала коммуникации, ее протекания и завершения. Все жесты манифестируются относительно тела актора во времени и пространстве. Жестовым пространством (signing space), на уровнях которого происходит общение, считается пространство перед актором, непосредственно связанное с его телом, т. е. корпоральное личное пространство, где верхняя граница проходит немного выше головы (up space), а нижняя — чуть ниже талии (down space). Нейтральное (жестовое) пространство (zero, neutral space) определяется как пространство фронтальной плоскости, в котором жест выполняется без контакта руки с телом [1, с. 38].

Иначе говоря, любая верхняя часть тела носителя жестового языка может быть задействована в языковой деятельности — так же как, например, в американском языке жестов, где выражения лица представляют собой способы выражения грамматических функций.

Корпоральная ориентация, оперируя понятиями верх/низ, левое/правое, впереди/сзади, также может изменять смысл высказывания в жестовых языках, особенно в случаях, имеющих отношение к когнитивной метафоре.

Например, при выполнении жеста СВОБОДА руки показывающего словно держат некую нить или цепь, разрывая которую они будто освобождаются (расходятся), напоминая при этом крылья птиц. Здесь реализуется метафора «свобода — это освобождение от оков» и «свобода — птица».

Жест УНИЖЕНИЕ, с одной стороны, отражает морфологическую структуру слова, поскольку одна рука находится под другой (низ), с другой стороны — метафорически изображает давление, оказываемое одним человеком на другого: ладонь правой руки как бы давит на большой палец левой руки, направляя ее вниз.

В английском жестовом языке положительные концепты, такие как *здоровье*,

счастье и др., находятся сверху относительно ориентации пространства, а плохие — *болезнь, печаль, смерть* — внизу. Так и в русском жестовом языке (РЖЯ) примером дихотомии верх/низ может служить жест СМЕРТЬ. Начинаясь в нейтральном жестовом пространстве, жест резко уходит вниз, показывая, как и в звучащих языках, что верх — хорошо, низ — плохо. Однако в отличие от русского звучащего языка, смерть не противопоставляется жизни: жест ЖИЗНЬ показан в нейтральном жестовом пространстве, так как именно в нем в основном дактилируется всё, что связано с жизнью [1, с. 40].

В качестве простых примеров метафоры в жестовых языках можно привести жесты ПРОШЛОЕ, ВЧЕРА, БУДУЩЕЕ, ЗАВТРА. Такие метафоры относятся к ориентационным, поскольку соотносят понятие о времени с местоположением в пространстве. Так, ПРОШЛОЕ и ВЧЕРА показываются при помощи поворота или взмаха руки назад, тогда как БУДУЩЕЕ имеет ориентацию вперед.

В целях более глубокого анализа жестовых языков обратимся к исследованиям американской культуры глухих и слабослышащих (“Deaf and hard of hearing” culture), ведущимся на протяжении уже более полувека. Понятия deaf и hard of hearing в рамках данной культуры в значительной степени антагонистичны. Термин «слабослышащий» (hard of hearing) внутри сообщества нередко используется в весьма негативном ключе: это тоже глухой (deaf), но с маленькой буквы — «маленький d» (little d). Обозначение «глухой» (little d) относится к людям, потерявшим слух. Тогда как «Глухие» (big D) относится к людям, которые вовлечены в культуру глухих и разделяют ценности, поведение и язык этой культуры.

Картина мира Глухих (big D), структурированная преимущественно двумя модальностями восприятия, разительно отличается от четырехмодальных картин мира слышащих, слабослышащих и детей глухих взрослых — Children of Deaf Adults, или CODAs [4].

Нейронная сеть мозга слышащего ребенка, рожденного в семье глухих родителей, изначально формирует двойственную картину мира билингва. Он — классический носитель жестового языка, с одной стороны, и носитель звучащего языка, например русского — с другой. Он прекрасно умеет говорить и думать на русском звучащем языке (своем родном), а также, при необходимости, на любом другом (испанском, английском) звучащем языке. И при этом, с легкостью переходя на жестовый язык, показывать («декламировать») художественные произведения (к примеру, отрывок из стихотворения В. Маяковского) на жестовом языке как натив (native).

В данном случае речь не идет, например, о семилингвизме (semilingualism) — некоем депривационном варианте билингвизма, когда говорящий на двух и более языках имеет разную и неполную языковую компетенцию, — а скорее о полилингвизме в полном смысле этого слова (в более частотном варианте употребления — мультилингвизме).

Подобное различие, на наш взгляд, обусловлено разными картинами мира глухих и слабослышащих. Языковая картина мира слабослышащих (little d), потерявших слух, изначально формировалась на основе четырех модальностей восприятия: визуальной, аудиальной, кинетической и дигитальной. В отличие от картины мира слышащих и слабослышащих, языковая картина мира Глухих (big D) формируется на основе визуально-кинетической модели восприятия, что создает принципиально иную картину мира и иную культуру в целом. С детства глухой носитель жестового языка, рожденный в семье глухих родителей (big D), учится воспринимать пальцы и руки как органы тела и одновременно как «пальцевые знаки», т. е. жесты, служащие материальными компонентами для овнешнения образов сознания в жестовых языках.

По этой причине не существует «универсального» языка жестов, понятного для всех сообществ глухих людей. Например,

британский и американский языки жестов совершенно не похожи между собой: носители этих языков не смогут понять друг друга без помощи переводчика. Вышесказанное лежит также в основе различий звучащих и жестовых языков.

Языки жестов усваиваются и развиваются так же, как и разговорные языки, к тому же, выполняют те же коммуникативные функции. Однако они делают это совершенно разными способами.

В процессе коммуникации традиционная для звучащих языков трансформация гештальтных фреймов в вербальные и наоборот является производной от синергетической модели порождения и восприятия дискурса как проекции концептуального фрейма.

Логично предположить, что в жестовых языках (ЖЯ) концептуальный фрейм выполняет те же функции, что и в звучащих языках. Однако вопрос о том, чем в действительности является его проекция именно в жестовом языке, остается открытым. Термин «жестовый дискурс» используется сегодня как дефиниция понятия (и даже целого комплекса смыслов), еще не исследованного в достаточной степени.

Современные лингвофилософские и собственно лингвистические изыскания в области изучения жестовых языков в значительной степени ориентированы на глухих (little d) — людей с четырехмодальным восприятием мира и соответствующей картиной мира, структурированной этими модальностями. Перцептивные аспекты картины мира Глухих (big D), конечно, не являются большой проблемой при освоении слышащими жестового языка, однако затрудняют достижение более полного взаимопонимания в процессе коммуникации с носителями ЖЯ.

С методологической точки зрения, релевантной, на наш взгляд, представляется лингвофилософская теория языковых игр Л. Витгенштейна. Он, хотя и не ставил целью изучение жестовых языков, однако затронул некоторые связанные с этой

проблематикой аспекты в работе «Философские исследования» [2], посвященной изучению естественных языков. В данном труде Витгенштейн подверг критике свою раннюю пикторальную теорию языка и продолжил исследования в направлении языковых игр и теории семейных сходств, анализируя проблемы соотношения языка и действительности, когда язык понимается в иконическом смысле.

Сегодня в мире насчитывается более 140 зарегистрированных живых жестовых языков. Они представляют собой полноценные сложные естественные языки, обладающие своей грамматикой, лексикой, диалектами и др.

Сопоставление картин мира — спроецированных миров разных языков — одна из важнейших задач, которую решают исследователи в области языковой коммуникации. Категория телесности в жестовых языках представляется основой лингвистической системы этих языков, базовым компонентом речевой деятельности.

Различие картин мира, по нашему мнению, является одним из естественных коммуникативных барьеров в межкультурной коммуникации слышащих, слабослышащих (little d) и глухих (big D), а также CODAs — слышащих детей глухих родителей. Теория языковых игр Л. Витгенштейна, на наш взгляд, дающая коммуникативное обоснование взаимосвязи языка и действительности, может внести весомый вклад в изучение жестовых языков, ослабив коммуникативные барьеры.

Список литературы и источников

1. **Борисова Л. В.** Пространство в жестовых языках как лингвофилософская категория // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2017. № 2 (14). С. 37—41.
2. **Витгенштейн Л.** Философские исследования // ЛитРес [Электронный ресурс].

02.11.2018. URL: <https://www.litres.ru/ludvig-vitgenshteyn/filosofskie-issledovaniya/chitat-onlayn/> (дата обращения: 17.11.2022).

3. **Кассирер Э.** Философия символических форм. Т. 1: Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 271 с. (Книга света).
4. **Jay M.** Deaf culture essentials // Start ASL [Электронный ресурс]. Upd.: Feb. 15, 2021. URL: <https://www.startasl.com/deaf-culture/> (дата обращения: 17.11.2022).

References

1. Borisova L. V. "Space in Sign Languages as Linguaphilosophical Category". *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 2 (14) (2017): 37—41. (In Russian).
2. Wittgensteing L., Anscombe G. E. M. et al., transl. *Philosophische Untersuchungen* = *Philosophical Investigations*. Ed. P. M. S. Hacker. 4th ed., rev. Wiley, 2010. 592 p.
3. Cassirer Ernst. *Language*. New Haven: Yale Univ. Press, 1955. 328 p. Vol. 1 of *The Philosophy of Symbolic Forms*.
4. Jay Michelle. "Deaf Culture Essentials". Upd.: Feb. 15, 2021. *Start ASL*. 17 Nov. 2022. <<https://www.startasl.com/deaf-culture/>>.

Библиография

1. Сурдосервер : Ваш помощник в изучении языка жестов : сайт / Лаборатория № 17 ИПУ РАН. Москва, 2009—2022. URL: <http://www.surdoserver.ru/> (дата обращения: 17.11.2022). Текст : электронный.
2. Философские идеи Людвиг Витгенштейна : [сб. ст.] / Рос. акад. наук. Ин-т философии ; отв. ред. М. С. Козлова. Москва : ИФ РАН, 1996. 168, [1] с. ISBN 5-201-01902-1. Текст : непосредственный.

Bibliography

1. Laboratory No. 17 of RAS Institute of Control Sciences. *Surdoserver*. Moscow, 2009—2022. Web. 17 Nov. 2022. <<http://www.surdoserver.ru/>>. (In Russian).
2. Kozlova M. S., publ. ed. *Philosophical Ideas of Ludwig Wittgenstein*, collected papers. Moscow, Institute of Philosophy of RAS, 1996. 168, [1] p. (In Russian).

**Информация
об авторе**

Борисова Лариса Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент Института лингвистического и педагогического образования, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Larisa V. Borisova — Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Associate Professor at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 28.10.2022.

The article was submitted 28.10.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 83—89.
Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 83—89.
Научная статья

УДК 165.12
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-83-89

Философские основания компьютерной лингвистики

Н. В. Даниелян

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

vend22@yandex.ru

Аннотация. Компьютерная лингвистика рассмотрена как ключевой компонент при создании искусственных интеллектуальных систем. Выдвинута гипотеза, что искусственные интеллектуальные системы способны полностью изменить классические представления о субъект-объектном взаимодействии. Показано, как посредством компьютерной лингвистики совершается переход от субъект-объектного взаимодействия к субъект-субъектному, поскольку стирается грань между естественным и искусственным интеллектом. Обоснована идея, что компьютерная лингвистика приобретает характер социальной технологии, так как в своей основе содержит со-вмещение познающего субъекта, средств познания и познаваемого объекта в едином цикле.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, искусственный интеллект, субъект, объект, познание, социальная технология, языковое значение

Для цитирования: Даниелян Н. В. Философские основания компьютерной лингвистики // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 83—89. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-83-89>

Original article

Philosophical foundations of computer linguistics

N. V. Danielyan

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

vend22@yandex.ru

Abstract. Computational linguistics is considered as a key component in the creation of artificial intelligent systems. The hypothesis is put forward that artificial intelligent systems are able to completely change the classical ideas about subject-object interaction. It is shown how the transition from subject-object interaction to subject-subject interaction takes place through computational linguistics, since the line between natural and artificial intelligence is blurred. The idea is substantiated that computational linguistics acquires the character of a social technology, since it basically contains a combination of a cognizing subject, means of cognition and a cognizable object in a single cycle.

© Даниелян Н. В.

Keywords: computer linguistics, artificial intelligence, subject, object, cognition, social technology, linguistic meaning

For citation: Danielyan N. V. "Philosophical Foundations of Computer Linguistics". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 83—89. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-83-89>

Компьютерная лингвистика — довольно новая и активно развивающаяся область, особенно на фоне быстрого прогресса «приложений искусственного интеллекта» и дополненной реальности, совершенствования андроидов, развития систем машинного перевода и человеко-машинных интерфейсов и т. д. Определяя предмет компьютерной лингвистики, можно предположить, что в своей основе он содержит компьютерную адаптацию естественного языка, т. е. в области ее применения «компьютер выступает в роли субъекта восприятия лингвистики» [3, с. 4]. Соответственно, специалисты и исследователи в области компьютерной лингвистики уделяют значительное внимание воспроизведению искусственной системы субъективной репрезентации знаний и обработки информации, поступающей из разных источников.

Во многих технических университетах мира сегодня реализуются программы подготовки специалистов в области создания искусственного интеллекта (ИИ). Все они посвящены ответу на впервые поднятый А. Тьюрингом вопрос о возможности реализации «машинного мышления». Сегодня эта проблема актуализируется на фоне развития технологий моделирования человеческого разума. Вдумаемся в сам термин — «искусственный интеллект». Поскольку человек-ученый: инженер, разработчик, технолог, психолог, лингвист и т. д., — собирается создать аналог интеллекта человека, предполагается, что этот аналог будет обладать неким «сознанием» и «мышлением», т. е. способностью дублировать когнитивные процессы, происходящие в человеческом мозге.

Сегодня существуют две версии теории искусственного интеллекта. «Сторонники слабой версии теории ИИ считают, что соответствующим образом запрограммированный

компьютер может только моделировать мыслительные акты человека, в то время как сторонники сильной версии допускают, что запрограммированные компьютерные устройства действительно мыслят и в силу этого могут находиться в соответствующих когнитивных состояниях» [11, с. 669]. Последнее утверждение крайне спорно, так как предполагает наделение компьютеризированного устройства способностью мыслить: с философской точки зрения, это будет означать расширение субъектной области до сферы ИИ, т. е. неживого.

Вместе с тем при современных темпах развития био- и нанотехнологий слабая версия ИИ вполне реализуема. Эксперименты с нанороботами служат подтверждением наличия оснований для такого оптимизма. Нанороботы могут вводиться в нейроны, благодаря чему ученые исследуют, каким образом понятия и суждения формируются в человеческом мозге. Далее полученная информация поступает в компьютер, и ее обработка позволяет «моделировать» мыслительный акт субъекта, т. е. человека, а также «продолжать» этот акт. При таком подходе мозг человека может напрямую обмениваться информацией с компьютером, обладающим нейроинтерфейсом [9]. Таким образом, внешним вычислительным устройством постепенно оказывается не только компьютер, но и мозг, т. е. речь начинает идти не о субъект-объектном, а субъект-субъектном взаимодействии, что в то же время продвигает нас по пути принятия и реализации сильной версии ИИ.

На следующем этапе ИИ (изначально разработанный и запрограммированный инженерами) перестает быть полностью подконтрольным своим создателям, так как этот интеллект воспроизводит модели мышления человеческого существа. Возникает

закономерный вопрос: следует ли его создавать, так как после его появления мир полностью изменится и под угрозой окажутся сущность и существование самого человека? Вероятно, намного разумнее остановиться на использовании приложений к андроидам, которые уже сегодня помогают человеку в разных сферах деятельности (они представляют собой материализацию слабой версии ИИ и продвигаются на рынок в качестве «приложений искусственного интеллекта»).

Сегодня компьютерная лингвистика позволяет вступить на путь создания искусственных интеллектуальных систем и довольно быстро продвигаться по нему. Среди ее текущих задач выделяют следующие: «...создание человеко-машинных интерфейсов с устным вводом / выводом информации; речевое управление компьютером и другими техническими устройствами <...>; организация информационно-справочной службы, позволяющей получать и выдавать различную информацию из базы данных в условиях, когда вопрос задается голосом <...>; создание устройств для приема и озвучивания различных сообщений <...>; многоязычный устный ввод / вывод речевой информации с автоматическим переводом» [8, с. 515—516] и другие.

Посредством компьютерной лингвистики решаются такие сложные задачи, как машинный перевод, а также более простые: создание информационно-поисковых систем, обработка массивов текстов по ключевым словам. Так, В. М. Алпатов отмечает, что «наряду с прикладными направлениями, сложившимися в рамках формальной лингвистики, большое место в последние десятилетия занимают и направления работ, связанные с функционализмом. Среди них надо особо выделить корпусную лингвистику» [2, с. 84]. С начала 2000-х гг. создается Национальный корпус русского языка, который постоянно пополняется. К началу второго десятилетия XXI в. созданы корпуса и большинства других языков мира. Они служат разным целям, например, статистическим. При группировании по времени создания текстов они могут предоставить пользователю информацию

об исторических изменениях, произошедших в языке за определенный исторический отрезок, что является важным компонентом при построении компьютерных моделей, воспроизводящих акты мышления.

В свете рассмотренных достижений и перспектив в области создания интеллектуальных искусственных систем хотелось бы отметить, что здесь возникает проблема взаимоотношений человека и машины в части правильности распределения функций между ними. Н. Винер как основатель кибернетики полагал: «Отдайте человеку — человеческое, а вычислительной машине — машинное. В этом и должна, по-видимому, заключаться разумная линия поведения при организации совместных действий людей и машин» [4, с. 212].

Трудно предположить, в какой степени человечество будет прислушиваться к этому призыву в будущем, так как сегодня компьютерные технологии все более глубоко проникают во все сферы человеческой деятельности, т. е. носят все более социальный характер. С этой целью рассмотрим, как дополненная реальность (AR) уже используется в образовании. В основании технологии AR находится голография, основанная на создании трехмерного изображения. При наведении устройства на объект, имеющий соответствующую метку, например QR-код, на его экране появляется трехмерное изображение объекта, с которым пользователь может проводить манипуляции, вращая и рассматривая с разных сторон. Данная технология имеет огромный потенциал для сферы образования, так как позволяет наглядно представлять и иллюстрировать материал для обучающихся. Так, студенту нет необходимости читать объемную сопроводительную литературу к какому-либо устройству или процессу, поскольку он может получить его изображение с текстовыми пояснениями. Очевидно, что данная технология в качестве необходимого элемента содержит обработку текстовых данных, т. е. лингвистическую составляющую. К прорывным технологиям в области применения ИКТ-технологий в сфере перевода относятся приложения, которые позволяют при

наведении телефона на текст получить его перевод на множество выбранных языков¹.

Все эти примеры — яркое свидетельство того, что компьютерная лингвистика все больше приобретает характер социальной технологии, так как в своей основе содержит совмещение познающего субъекта, средств познания и познаваемого объекта в едином цикле вследствие отсутствия необходимости в посреднике между пользователем и компьютером. Взаимодействие человека с компьютером протекает таким образом, что само человеческое действие не является чем-то внешним по отношению к субъектам, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний. Язык выступает средством такого взаимодействия, являясь циклической системой, так как способен воссоздавать себя. Согласно У. Найссеру, язык «ложится» на некую «предуготовленную схему», которую ученый называет «форматом»: «Информация, заполняющая формат в какой-то момент циклического процесса, становится частью формата в следующий момент, определяя то, как будет приниматься дальнейшая информация» [12, с. 75]. Наличие такого рода «формата» может пониматься как свидетельство самоорганизации познавательного процесса и его гибкой приспособляемости к новой языковой ситуации, благодаря способности опираться на предшествующий опыт.

Из данных рассуждений следует, что компьютерная лингвистика тесно связана с когнитивной лингвистикой, нацеленной на изучение языковых значений [13, с. 36]. Однако под воздействием ИИ область когнитивного смещается, поскольку субъектом познания может быть ИИ (неживое). Как результат, в современной эпистемологии наблюдается расшатывание устойчивых когнитивных структур и логических оснований познавательного процесса субъекта, сложившихся в ходе его

эволюционного развития в предыдущие исторические эпохи. Это требует нового подхода к рассмотрению познавательного процесса. Так, чилийские нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела в концепции ауто-поэтических систем предлагают исходить из следующей позиции: поскольку мозг человека является операционально-замкнутой, самовоспроизводящейся системой, то «каждый акт познания рождает некий мир» [10, с. 26]. Таким образом, как отмечалось нами ранее, «рационально возможен только сконструированный наблюдателем мир» [5, с. 59], поскольку проблема познания начинает определяться когнитивными операциями систем наблюдения.

Таким образом, происходит трансформация и наших научных представлений о субъекте познания: мы обнаруживаем и отслеживаем преобразование индивидуального эпистемологического Я в коллективного субъекта, т. е. его превращение в некий социальный конструкт, порождаемый процессом коммуникации. Мы начинаем рассматривать субъекта в качестве неотъемлемой части комплексов, сформированных под воздействием современных социотехнических систем (что характерно для систем с ИИ). Соответственно, актуальность приобретает понимание субъекта как «детектора, или фиксатора, различных аспектов реальности» [1, с. 115].

Акторно-сетевой подход служит ярким примером данного направления мысли в теории познания. Он утверждает, что с развитием технологий происходит «растворение» субъективности в потоке объективного. Это нивелирует познавательные возможности субъекта, который начинает приобретать коллективный характер, до границ его «распределенности» в социуме. Можно предположить также, что при переходе в сферу ИИ область субъективного сужается до виртуального. Эти процессы в современном мире стимулируются, помимо прочего, машинным обучением роботов, созданных с применением искусственных нейронных сетей, которые одновременно реализуют такую функцию мышления человека, как переработка значительного объема

¹ Пример работы приложения WordLens Translator (в режиме реального времени показывающего перевод надписи на экране) приводят Н. Н. Зильберман и В. А. Сербин в статье «Возможности использования приложений дополненной реальности в образовании» [7, с. 29].

одновременно поступающей на вход когнитивной информации с сохранением результата в виде паттерна (безличного знания), распределяемого сетью и используемого системой при дальнейшем функционировании. С. А. Диане не без оснований полагает: «Переход на новый качественный уровень позволит сместить акцент исследований в интеллектуальной робототехнике от решения частных прикладных задач к построению универсальных информационно-управляющих систем. База знаний подобных систем должна основываться на семантической модели внешней среды, включающей информацию о типах, характеристиках и взаимосвязях между объектами, обнаруженными как в рамках текущей технологической операции, так и в масштабе всего опыта, накопленного системой» [6, с. 319]. Таким образом, в этом новом виде социального взаимодействия (взаимодействия, которое мы начинаем рассматривать как социальное) действует «распределенный субъект», так как границы его размыты и все роботы, подключенные к сети, могут воспользоваться знаниями из базы данных.

К. К. Боярский отмечает, что бывает два типа знаний:

- 1) «Знание, что» — совокупность утверждений о чем-либо (например: кувшин — сосуд для хранения жидкости, обычно из стекла);
- 2) «Знание, как» — знание о последовательности операций, которые следует выполнить (например, знание алгоритма действий по использованию устройства) [3, с. 5].

Система оперирует с репрезентациями знаний, используя различные коды, соответствующие системе знаков и значений, которые человек выражает в виде речевого акта. Предпосылкой к подобному пониманию возможности выражения результата когниции в виде системы знаков можно считать идеи логицизма, основанные на чистых формах мышления без привлечения их содержания [14].

Все эти рассуждения приводят нас к пониманию того, какие элементы методологической базы лингвистических наук были

взяты за основу развития компьютерной лингвистики. Их можно проследить по дисциплинам, включенным в учебные планы лингвистических специальностей отечественных и зарубежных вузов. В качестве базовых в них включены такие предметы, как «Методы лингвистического анализа», «Корпусная лингвистика», «Когнитивно-дискурсивные исследования», «Функциональные модели в естественном языке» и другие, — все они формируют лингвистические компетенции обучающихся, основываясь на таких структурах знаний, как «фрейм», «сценарий», «план», «дискурс». Для создания систем ИИ также важно построение и изучение текста как продукта дискурсивного мышления с целью когнитивного моделирования дискурса. Таким образом, система начинает «мыслить» языковыми структурами, приближенными к эпистемологическому субъекту, т. е. все более приобретает черты социальной технологии.

Студенты изучают методологию построения корпусов текстов, семантические технологии, машинный перевод, овладевают технологиями для реализации компьютерного зрения и многими другими инструментами, что позволяет им после окончания вуза претендовать на широкий спектр вакансий в различных компаниях, связанных с эффективной разработкой программных средств и информационных проектов в области создания приложений, основанных на технологии ИИ. Очевидно, что существует и технический аспект системы подготовки таких специалистов. Понимание этого вызывает необходимость введения в учебные планы дисциплин инженерной области знаний: предметов, освоив которые студенты овладеют математическими основаниями компьютерной лингвистики, информационными технологиями и языками программирования, машинным обучением, основанным на представлении знаний посредством знаковых систем, анализом и визуализацией текстовых данных и др.

Подводя итоги данной статьи, хотелось бы отметить, что компьютерная лингвистика — быстро меняющаяся область. Она

сопряжена со всем предыдущим теоретическим и практическим опытом, накопленным лингвистикой, и с современными технологическими достижениями. Она развивается на стыке естественных и гуманитарных наук, во многом задавая траекторию и определяя перспективы дальнейших трансформаций дискурса человека и компьютера и их совмещения в познавательном цикле. Как установлено в данной статье, в основе компьютерной лингвистики — слияние познающего субъекта, средств познания и познаваемого объекта в едином целом, и научная рефлексия этого совмещения открывает новую главу в понимании познавательных процессов как естественной, так, очевидно, и искусственной природы. В отечественном философском дискурсе данное научное направление пока развивается недостаточно интенсивно, однако можно полагать, что оно будет привлекать внимание все большего числа ученых по мере роста влияния ИИ на социальное «мироустройство».

Список литературы и источников

1. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.
2. Алпатов В. М. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина non-фикшн, 2018. 253 с. (Б-ка ПостНауки).
3. Боярский К. К. Введение в компьютерную лингвистику. СПб.: НИУ ИТМО, 2013. 72 с.
4. Винер Н. Кибернетика и общество; Творец и робот. М.: Тайдекс Ко, 2003. 248 с.
5. Даниелян Н. В. Научная рациональность и конструктивизм. М.: МИЭТ, 2014. 100 с.
6. Диане С. А. К. Обучение и социальная интеграция автономных роботов на основе применения современных когнитивных технологий // Философия и социология техники в XXI веке: к 70-летию В. Г. Горохова / под общ. ред. И. Ю. Алексеевой, А. А. Костиновой, А. Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2018. С. 316—321.
7. Зильберман Н. Н., Сербин В. А. Возможности использования приложений дополненной реальности в образовании // Открытое и дистанционное образование. 2014. № 4 (56). С. 28—33.
8. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.
9. Ллойд С., Энджи Дж. Сингулярный компьютер // В мире науки. 2005. № 2. С. 33—42.
10. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: биологические корни человеческого понимания / пер.: Ю. А. Данилов. 2-е изд., доп. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. 320 с.
11. Меркулов И. П. Мышление с точки зрения компьютерной эпистемологии // Субъект, познание, деятельность. М.: Канон+: Реабилитация, 2002. С. 664—683.
12. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ.: В. В. Лучков. М.: Прогресс, 1981. 230 с. (Обществ. науки за рубежом).
13. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 392 с.
14. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сб. трудов / пер. с нем.: Б. В. Бирюков. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.

References

1. Agazzi E. *Scientific Objectivity and Its Contexts*. Cham: Springer, 2014. xvii, 482 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-04660-0>
2. Alpatov V. M. *Language Studies: from Aristotle to Computer Linguistics*. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2018. 253 p. (In Russian). Series B-ka PostNauki.
3. Boyarskiy K. K. *Introduction to Computer Linguistics*. St. Petersburg: ITMO Univ., 2013. 72 p. (In Russian).
4. Wiener Norbert. *The Human Use of Human Being. Cybernetics and Society*. N. p.: Da Capo Press, 1988. 199 p.
5. Danielyan N. V. *Scientific Rationality and Constructivism*. Moscow: MIET, 2014. 100 p. (In Russian).
6. Diane S. A. K. "Autonomous Robots Learning and Social Integration on the Basis of Modern Cognitive Technologies". *Filosofiya i sociologiya tekhniki v XXI veke: k 70-letiyu V. G. Gorokhova*. Gen. eds: I. Yu. Alekseeva, A. A. Kostikova, A. F. Yakovleva. Moscow: Akvilon, 2018. 316—321. (In Russian).
7. Zilberman N. N., Serbin V. A. "Augmented Reality Applications Possibilities in Education". *Otkrytoye i distantsionnoye obrazovaniye = Open and Distance Education* 4 (56) (2014): 28—33. (In Russian).
8. Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *General Phonetics*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001. 592 p. (In Russian).

9. Lloyd S., NG Y. J. "Black Hole Computers". *Scientific American* 291.5 (2004): n. pag. Web. 15 Nov. 2022. (In Russian). <<https://www.scientificamerican.com/article/black-hole-computers/>>
10. Maturana H. R., Varela F. *Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding*. Boulder, CO: Shambhala Publ., 1992. 269 p.
11. Merkulov I. P. "Thinking in Regard to Computer Epistemology". *Sub"ekt, poznaniye, deyatel'nost'*. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya, 2002. 664—683. (In Russian).
12. Neisser U. *Cognition and Reality. Principles and Implications of Cognitive Psychology*. San Francisco: W. H. Freeman and Co., 1976. xvi, 230 p.
13. Skrebtsova T. G. *Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches*. Moscow: Izd. dom YaSK, 2018. 392 p. (In Russian).
14. Frege G., Biryukov B. V., transl. *Logic and Logical Semantic*, a collection. Moscow: Aspekt Press, 2000. 512 p. (In Russian).

Информация об авторе

Даниелян Наира Владимировна — доктор философских наук, доцент, профессор Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1).

Information about the author

Naira V. Danielyan — Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Professor of the Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian Sciences, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 10.09.2022.

The article was submitted 10.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 90—100.
Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 90—100.
Научная статья

УДК 1(09)
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-90-100

Антропологический идеал в историко-философской ретроспективе (отечественный опыт)

Я. И. Джалю

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

kaf-filosof@mgou.ru

Аннотация. Анализируется путь становления антропологического идеала в русской культуре XI — XVIII вв. в рамках христианской парадигмы. Сформулированы модусы антропологической заданности (идеала) в древнерусской культуре: персонализм, целостность, свобода и ответственность, смирение, интерперсонализм. Установлено, что последующий ход развития отечественной культуры, претерпевшей различные политические и социокультурные влияния (как внешние, так и внутренние), обозначил амбивалентность антропологической проблематики: не только ее трансформацию в рамках базовой христианской антропологической парадигмы, но и постепенное формирование признаков научно-философской антропологической парадигмы.

Ключевые слова: антропологический идеал, персонализм, интерперсонализм, целостность, свобода, ответственность, смирение

Для цитирования: Джалю Я. И. Антропологический идеал в историко-философской ретроспективе (отечественный опыт) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 90—100. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-90-100>

Original article

Anthropological ideal in the historical and philosophical retrospective (Russian local experience)

Ya. I. Dzhalyu

Moscow Region State University, Moscow, Russian Federation

kaf-filosof@mgou.ru

Abstract. The path of the formation of the anthropological ideal in Russian culture of the 11th—18th centuries is analyzed within the Christian paradigm. The modes of anthropological predestination (ideal) in ancient Russian culture are formulated: personalism, integrity, freedom and

© Джалю Я. И.

responsibility, humility, interpersonalism. However, it has been established that the subsequent course of development of Russian culture, which has undergone various political and socio-cultural influences (both external and internal), marked the ambivalence of anthropological problems, not only its transformation within the framework of the basic Christian anthropological paradigm, but also the gradual formation of signs of a scientific and philosophical anthropological paradigm.

Keywords: anthropological ideal, personalism, interpersonalism, integrity, freedom, responsibility, humility

For citation: Dzhalyu Ya. I. "Anthropological Ideal in the Historical and Philosophical Retrospective (Russian Local Experience)". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 90—100. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-90-100>

Русская духовная культура с самого начала задавала высокую «антропологическую планку» в своем понимании человека: вначале, в рамках языческой культуры, она понимала человека как «малый космос», затем, в рамках культуры христианско-православной, — как «малого бога». Хотя в языческой интерпретации человек обладал доминирующей, тотальной телесностью и материализованной, «заземленной» душой, все же его нерасторжимая связь с природой не перекрывала путь к воспитанию ценностей коллективизма, жертвенности и гуманности, что на протяжении веков формировало уникальную славянскую культуру с ее своеобразными представлениями о гармонии мироздания. В дальнейшем процесс христианизации не просто внес коррективы в антропо-социальные процессы, но кардинально изменил ценностно-смысловую траекторию отечественной культуры. Это, впрочем, не ставит под сомнение определенное сходство мировоззренческих систем — язычества и христианства — хотя бы в том, что они позиционируют человека как доминанту в системе ценностей.

Именно христианизация Руси придала импульс процессу зарождения того, что сегодня принято называть «антропологическим кодом» [13, с. 130, 144], — это основополагающая идея, антропологическая модель, воспроизводящаяся на протяжении многовековой отечественной истории духовной культуры. Христианская антропологическая парадигма фактически на тысячелетие (с XI до начала XX вв.) становится

интеллектуальным образцом, антропологической матрицей, духовной константой, определяющей смысловые ориентиры для выстраивания внутреннего мира человека.

На этапе русского средневековья в представлениях об идеале человека возникли ярко выраженные ноты спиритуализма, что явилось своеобразным восприятием византийской традиции, особым образом вживленной в организм отечественной духовной культуры. Впрочем, этот тезис дискутируется в современной литературе, поскольку ряд исследователей не принимают всерьез идею того, что древнерусская культура безусловно переняла византийскую традицию, и полагают, что лишь небольшая часть византийского наследия была вплетена в отечественный культурный код [2]. Эта точка зрения основывается на том, что ее сторонники признают в самой византийской культуре уникальное философско-богословское раздвоение, обусловленное специфическим отношением, с одной стороны — к античному философскому, а с другой — к религиозно-христианскому наследию. В зависимости от степени восприятия рационально-философского и христианско-мистического элементов византийское культурное наследие (а именно его трактовку человека) эти исследователи представляют в виде двух подходов — «гуманистического» и «аскетического» [2; 9].

Рельефно проявленный в сочинениях Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова «гуманистический» подход, в полной мере следуя истинам откровения,

все же предполагал синтез христианской мистики с философской рациональностью (прежде всего — с учениями Платона и Аристотеля). «Аскетический» подход явно прослеживается у Симеона Нового Богослова, Григория Паламы, Григория Синаита и других подвижников. Они отвергали саму возможность подобного синтеза, поскольку полагали: христианство («богословно-истинную истину») неприемлемо смешивать с умозрительными («самоизмышленными») конструкциями философов-язычников. Антропологический идеал, таким образом, получал интерпретацию в зависимости от практикуемого подхода. У «гуманистов» человек предстает хотя и весьма противоречивым, но все же единством духа и плоти, которые в равной степени составляют творение Божие. Кроме того, в их рассуждениях о структуре телесности, — состоящей из воды, земли, огня и воздуха, — явно прослеживается влияние стихийного материализма греков, что само по себе может рассматриваться как движение в сторону философско-научной антропологии.

«Аскетический» подход трактовал человека как квинтэссенцию духа, поскольку возможность духовного преображения видел в нем уже при его жизни. Молитвенная практика исихазма как путь приобщения к божественным энергиям — яркий пример спиритуалистического понимания человека.

Впрочем, справедливости ради отметим, что и «гуманисты», и «аскеты» находились в общем теоретическом поле христоцентризма и так или иначе воспринимали человека как область схождения двух миров — божественного и природного. Те и другие характеризовали телесность как темницу («тягостное узилище») для души — см., например, изречение Василия Великого: «Для поспешающего к горней жизни пребывание с телом тяжелее всякого наказания и всякой темницы» (цит. по: [9, с. 68]). Не случайно он был поборником аскетизма (а именно строгого поста и воздержания), а Григорий Богослов рассматривал истинную жизнь как «...умирание для этого мира, в котором невозможна полнота Богоподобия» (цит. по:

[9, с. 101]). Именно поэтому деление свято-отеческой традиции на «гуманистическое» и «аскетическое» направления (когда граница проходит по взглядам тех или иных ее представителей на антропологический идеал) следует считать весьма условным.

Тем не менее можно вполне согласиться с исследователями, которые доказывают, что именно к «аскетическому» направлению преимущественно принадлежали греческие миссионеры, участвовавшие в становлении национальной русской церкви, — и подтверждают свои слова прежде всего их теоретической неискоренностью (например, исследователи говорят о митрополитах Никифоре, Георгии, Леонтии, об игумене Феодосии Греке и др.) (см.: [8]). Эти греческие миссионеры в большей степени погружались в сотериологическую проблематику и связанные с ней обрядово-бытовые вопросы, а богословско-каноническое теоретизирование отодвигали на второй план. Именно потому переведенные на славянский язык церковно-дидактические тексты, которые они подготавливали для вновь обращенного в христианство народа, в полной мере отвечали приоритетам и целям практикуемого ими подхода и во многом обусловили тематическую предзаданность сочинений их древнерусских последователей (митрополитов Иллариона, Климента Смолятича, епископа Луки Жидяты, игумена Феодосия Печерского и др.), хотя именно эта предзаданность наиболее соответствовала интеллектуальному уровню древнерусской культуры того периода (см.: [8, с. 22]). Вспоминается эпизод из апокрифической литературы: когда князь Владимир выбрал как раз «византийский» вариант христианства, весомым аргументом для него стал эмоциональный подъем (пережитый членами русской делегации и порожденный обрядовой частью церковного богослужения), который усилился из-за того, что князь и его советники оказались не готовы воспринять богословское и философское содержание «византийского» варианта христианства во всей глубине.

Древнерусская богословская мысль вместе с ментальными схемами «аскетов»

унаследовала и соответствующее отношение к античной философии: изучать ее многие века считалось не просто излишним, но и опасным занятием. Философствование на Руси вызывало отторжение на интуитивном уровне; его само по себе, вне связи с богословием, подозревали в том, что оно служит источником еретических взглядов. Так, Кирилл Туровский называл еретиков «философами и книжниками злохитрыми, изрыгающими хуления», а позже в прописях церковно-приходских школ философию отождествляли с неугодными Богу науками. Юношество наставляли, например, следующим образом: «Братия, не высокоумствуйте! Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех. Учуся книгам благодатного закона, как бы можно было мою грешную душу очистить от грехов» (см.: [1, с. 139]). Именно поэтому древнерусским книжникам было недоступно, в том числе, византийское восприятие: Иисус Христос — Логос, Воплотившееся Слово, София Премудрость Божия. Кроме того, именно поэтому Премудрость Божию довольно скоро отождествили с Богородицей, что, в свою очередь, позже породило многие неканонические трактовки догматов — см. труды русских религиозных философов XIX — XX вв. (например, сочинения С. Н. Булгакова, касающиеся софиологии).

Модусы антропологической заданности

Знакомство с древнерусской литературой не позволяет отыскать в ней сколько-нибудь оригинальную философскую мысль, но изредка наводит лишь на «золотые зерна народной и духовной мудрости» [6, с. 10]. Впрочем, в Древней Руси отсутствие «умственных вдохновений» с лихвой возмещали «духовными озарениями». К «тайнам божеским и человеческим» на Руси приобщались символически, интуитивно и художественно: эти искания воплотились в образах иконописи (ее называли «умозрением в красках»), в церковной архитектуре

и литературном творчестве. Поэтому иконографы, книжники, храмовые архитекторы воспринимали иконопись и книгописание как одинаково допустимые способы постижения Бога — и при этом следовали по пути, проторенному для них греческими аскетам.

Учитывая то, как именно христианскую традицию восприняло русское общество, а также ее изначально внешний, не имманентный этому обществу характер, можно сформулировать следующие модусы антропологической заданности (идеала) в древнерусской культуре.

Персонализм

Этот модус не следует путать с античным антропоцентризмом: скорее его следует понимать как *alter ego христоцентризма*, наложившегося на антропологические ориентации древнерусской языческой культуры. Не случайно современные исследователи определяют христианское мировоззрение как шаг в сторону «теоцентрического персонализма» [11, с. 16]. Именно в христианстве человек (творение Божие, во имя спасения которого Бог принес в жертву своего Сына) был воспринят как автономный и бесценный субъект бытия: такое положение определило развитие русской философско-богословской мысли, оно не утратило значения даже под влиянием негативных политических обстоятельств — феодальной раздробленности, установления крепостного права и т. д.

Христианский персонализм как личностное понимание Бога и его отношений с человеком заложен в библейской истории о творении Адама — метафизического создания, образа и подобия Творца. В иерархии живых существ человек был наделен статусом субъекта, высшей ценности мироздания и — неизбежно — главного действующего лица в мировых процессах. По примеру византийских учителей, древнерусские книжники восприняли этот библейский эпизод в качестве апологии человека как творения и апологии Бога как Творца. Данная апология для древнерусских

книжников продолжилась темой Иисуса Христа как Сына Божьего, посланного Богом-Отцом в мир для того, чтобы Он принес себя в жертву ради искупления человеческих грехов. Этот тезис представлялся древнерусским книжникам еще более драматичным, так как они осознавали, что греховен прародитель Христа — Адам, изгнанный из райской обители за нарушение божественных предписаний и вместе со всеми потомками обреченный на страдания. Но благодаря жертве Христа перед людьми забрезжила возможность вернуть метафизический статус, присущий Адаму во времена его сотворения, а позже утраченный. Иисус Христос как Богочеловек, сочетая в себе человеческую и божественную природу, представлял для них абсолютный нравственный императив, пример духовного подвига и совершенства, сверяясь с которым христианин должен устремиться к духовному перерождению и «облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4:24).

Нет никаких сомнений в том, что персонализм (один из системообразующих модусов антропологического идеала христианства) повлиял на становление и развитие всей древнерусской культуры как «культуры личностного типа» [13, с. 186—203]. Правда, парадоксальным образом понятие «личность» для определения человека как субъекта деятельности в Древней Руси не употреблялось. Как цитирует О. А. Устинов, «...его отдаленными аналогами были понятия “собство” (однокоренное с “свобством” — “свободой”) и “ипостась” как слова, выделявшие частное из общего с указанием на индивидуальность. Слова “человек” (“взрослый муж”), “человецы”, “люди” (“граждане”) такой персоналистской семантики в себе еще не несли» ([8, с. 26]; подробнее см.: [5, с. 105—112, 139—150]). Однако эта понятийная неопределенность компенсировалась интуитивными прозрениями формирующегося личностного сознания, свободным самовыражением в различных жанрах, стилях и способах книжного творчества, в молитвах и песнопениях.

Целостность

Древнерусская книжная культура, развиваясь в русле византийско-православной антропологии, в полной мере восприняла и мистико-аскетическую трактовку душевно-телесной организации человека как еще один вариант прочтения идеи *христоцентризма*. Рассматривая человека как образ и подобие Божье (хотя и созданное из праха земного, но с боговдохновенной душой — нематериальной бессмертной субстанцией), отечественные книжники, как и византийские аскеты, пытались найти в человеке оптимальное соотношение душевного и телесного.

Душевно-телесная целостность как антропологическая мечта, как библейская заданность обосновывалась так: человек сотворен как единый, неделимый организм, для которого в полной мере доступна религиозная жизнь; источник греха — «низины плоти», а не «вершины духа»; в человеческой природе образ Бога проявляется именно в телесности, которая не только выражает его связь с природным (материальным) миром, но и служит источником его познавательной и творческой деятельности.

Персоналистическая и моралистическая направленность отечественной средневековой богословско-философской книжной культуры определили вектор развития целостной личности: он оказался устремлен к обожению (т. е. к преображению не только души, но и тела), которое приобрело характер всеобщей социальной цели. Сбалансированное восприятие телесности, отношение к ней не как к аллегории из Святого Писания, а как к реальному началу, через которое Бог проявляет Себя в природном мире, свидетельствовало о том, что русская книжная культура творчески восприняла идеи символического реализма (см.: [1]). Антропологический идеал русских книжников выгодно выделялся глубиной и содержательностью на фоне поверхностной античной калокагатии: это представление о прекрасном (название которого буквально означает «красивый телом, добрый душой») так и осталось в пределах природного

бытия. В христианстве душу не поглощал в полной мере ни природный мир, ни божественный, — ее продолжали считать неотъемлемой частью материально-духовной системы, целостной и гармонично выстроенной.

«Тело» же, по мысли христианских мыслителей, вступало в диалектическое противоречие не с «душой», а с «духом», а «душа», в свою очередь, противопоставлялась «плоти». Переводные тексты греческих авторов из «Изборника» 1073 г. (см.: [3]) повествовали о том, что душа и плоть составляют тело и, как результат, — *одушевленную плоть*. Сочинение Иоанна Златоуста «Поучения о мытаре и фарисее» послужило для отечественных переводчиков (и дальнейших интерпретаторов) основой антропологической концепции, поскольку центральной мыслью этого труда стала антиномия плоти и души — а телесность, напротив, оказалась реабилитирована; правда, автор не снял с нее печать несовершенства, изъянов и пороков, но всю их тяжесть переложил на «плоть» как таковую. Такая транспозиция успешно решала теоретическую богословскую проблему «зла», привнесенного в человеческую природу: теперь было заявлено, что источник зла — не сама телесность, а «испорченность» плоти, возникшая в результате грехопадения. Это позволило, в свою очередь, объявить истинной причиной зла и греха неверно направленную человеческую волю — а вовсе не материю. Следовательно, целостный человек, с точки зрения средневековых мыслителей, должен был задаваться целью не столько освободить душу от всего плотского, сколько очистить плоть от греховности в процессе «одуховления».

Свобода и ответственность

«Свободу» в широком смысле, как правило, понимали более узко — как «свободу воли» (по выражению Афанасия Холмогорского — как «самовластие»): свободу трактовали как наиболее значимый божественный дар человеку, как дар, сделавший его образом и подобием Бога («малым Богом»).

Это понятие означало, что человек может самостоятельно выбирать между добром и злом — как на уровне личного бытия, так и в общественной жизни с ее правовыми кодексами и регламентациями.

Средневековая книжная культура впервые попыталась теоретически осмыслить свободу в «Изборнике» 1073 г. (см.: [3]) — и свела ее, в конечном итоге, к проблеме человека. Амартологический, эсхатологический и этический ракурсы этой темы придали ей многоплановость и глубину. За основу была взята богословская концепция «Божьего попущения», в которой зло объяснялось тем, что Бог намеренно допускает возможность испытать силу любви человека к Нему, демонстрирует Свое Божественное могущество, таким способом выявляет среди людей тех, кто заслужил бессмертие, так побуждает выполнять предначертанные Им нравственные нормы. Ответственность за зло в этой концепции перекладывалась на плечи человека, для которого свобода воли превращалась в груз вины за то, что он «погубляет своя пути». Также говорится, что «человек самовластен есть о своем спасе и погыбели» [3, с. 165].

Таким образом, становится очевидным, что антропологическая модель русского средневековья выстраивалась исключительно в рамках концептуального богословия, — и в эту эпоху христианская доктрина о свободе была максимально защищена от «вольного» философствования. Только в XVIII в. тема свободы и ответственности как принципиальных оснований личности зазвучала (хотя и слабо) в светских философских интерпретациях — правда, в тонах квиетизма и пиетизма. Этот тезис подтверждается философским наследием Г. С. Сковороды, который в любом проявлении человеческой воли видел «ад» и «яд», как будто не замечая различий между свободой воли к обожению и свободой к греху. Он без колебаний называл человека, пользующегося даром свободы воли, врагом воли Божьей. Оттого и идеал человека у Сковороды никак не связан со свободой творчества, но лишь покорно следует «тайным законам нашего духа».

Смирение

В соответствии с христианским верованием, считалось, что главная цель человеческой жизни — путем постоянного нравственного совершенствования достичь богоподобия. Внешнюю же самореализацию оценивали как гордыню и препятствие для спасения души. Напротив, очищение от грехов мыслители видели только в трудах, испытаниях, в смирении перед Божьей волей. Такой подход имел не только антропологический, но и социальный мотив: проблема общественных («земных») преобразований уходила на второй план, приоритет же приобретали «небесные» смыслы. Лишь в XVIII в. европейские просветительские идеи начали влиять на формирование нового политического фона, постепенно сдвигая смыслы в сторону общественной активности.

Смирение как один из самых ярких элементов формируемого антропологического кода в рамках христианской парадигмы стало для философов определяющим, когда они осознавали и конструировали смысл жизни. В рамках христианского антропологического кода все бытие человека было подчинено главной цели — спасению души и приобщению к сонму праведников на небесах, и именно к этому сводилось понимание высшего личного счастья. Человек, осознавший свою греховность и немощь, мог надеяться, что достигнет Царства Небесного, только если будет посещать храм, молиться, каяться и причащаться, трудиться, совершать паломничества, читать церковные книги, поститься, т. е. станет проявлять добродетели и благочестие. В этом контексте смерть следовало воспринимать как своего рода освобождение от испытаний и страданий, как желанный переход в мир иной. Монашеское подвижничество становилось синонимом подлинного счастья и примером для подражания, а в богословских кругах активно популяризировали кенозис (буквально — самоуничтожение): его трактовали как отречение от собственной воли и как жертвенность во имя других. Изначально книжники, рассуждая о Боге, именно кенозисом считали Его

добровольное самоограничение; но впоследствии ту же категорию стали применять и к человеку — когда говорили о его самоотречении ради Христа.

Смирение перед испытаниями и страданиями, иссушающими тело, но укрепляющими душу, сделалось ментальной установкой русской духовности: так проявлялась ее сопричастность страданиям распятого Христа. По мнению В. Ф. Чесноковой (К. Касьяновой), «...терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу другого, других, мира вообще — это принципиальная ценность, без этого нет *личности*, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения» [4, с. 125]. В конечном итоге, именно смирение стало основным качеством, необходимым человеку для того, чтобы достичь единения с Богом — синергии. Грех, повредив природу человека, сделал ее непроницаемой для сострадания другим, потому что разделил людей на замкнутые в себе личности, но синергия как взаимная направленность двух волей — Божественной и человеческой — устраняет разделенность: так действуют самоотречение, смирение и любовь.

Интерперсонализм

Этимология этого понятия связана с приставкой интер- (от лат. *inter* — между, среди, взаимно), что в совокупности с бытием личности вводит нас в сферы межличностного пространства. Инерция традиции и междисциплинарное использование понятия «интерперсонализм» настойчиво подвигают нас искать более простые и привычные смысловые замены: например, «коллективизм» и «общинность». Однако ни одна из замен не может в полной мере заместить означенное понятие, хотя, между тем, каждая частично пересекается с ним. В большей степени (но не полностью) интерперсонализму соответствует (как дедуктивное *alter ego*) понятие *универсализма*: это этическое мирозерцание, отвергающее индивидуальное счастье, когда оно не солидарно с окружающим бытием. Интерперсонализм

(относящийся к универсализму уже индуктивно) предполагает, что уникальность индивидуального может быть раскрыта при посредстве социальных связей.

Взаимоотношения личности и общества

Проблемы взаимоотношений личности и общества решались так: между ними, тем или иным образом соотнося часть и целое, искали такую точку равновесия, где успех целого предполагал бы успех частного, — что полностью соответствует духу восточнославянских коллективистских традиций, органично вплетенных в соборную традицию христианства. Этот баланс должна была обеспечивать монаршая власть, которую рассматривали с точки зрения того, как она способствует представительству общественных интересов — и как ее саму юридические и религиозные рамки ограничивают в полномочиях. На фоне усиления власти монарха в XV — XVI вв. идеал социальной гармонии на практике стали подменять квазиколлективизмом — полным подчинением отдельного человека обществу, которое делегировало монарху абсолютную власть.

Древнерусские книжники уделяли особое внимание проблеме соотношения личности и общества. С одной стороны, они активно поощряли самость («Я», «собство»), а ее понимали как естественную и законную трансляцию человеком своих взглядов и мнений. В то же время понятия «Я» и «Мы» для древнерусских книжников неразрывно сочетались друг с другом: право одного человека не могло противоречить праву других людей и всегда было ограничено обязанностями. Общественное устройство жизни (а именно доминирование общества над личностью) было той твердой основой, без которой не мыслилось никакое личностное развитие. Однако это доминирование не предполагало, что нужно будет отрицать или нивелировать значение личности, а тем более низводить ее до уровня обезличенной социальной функции. Именно это и позволяет говорить о модусе интерперсонализма,

свойственном и отечественной культуре вообще, и формированию в ней антропологического идеала — в частности, принципиально противоположного западному индивидуализму. В представлениях отечественных книжников религиозной основой интерперсонализма как идеала социальных отношений должен был стать Триадологический догмат, олицетворявший единство в любви: «...Троица казалась им идеальной моделью *преодоления как индивидуализма, так и универсализма*, единством в многообразии и на основании этого — моделью интерперсональных отношений между Я, Ты, Он(а), Мы и Вы» [12, с. 152].

На основе интерперсонализма решались и вопросы государственного устройства, при котором самовластие правителя воспринималось как основа общественного согласия, органично выстроенного единства — «одиначества», «заединщины», взаимного доверия и (в хорошем смысле слова) круговой поруки. Если же правитель, наоборот, пренебрегал данной функцией, цементирующей общество, такое поведение грозило ему делигитимацией на основе вечевого решения. Именно поэтому византийская автократическая модель не вписывалась в «договорные» отношения древнерусского средневековья, при которых деятельность правителя строго оценивали народ, церковь и, в конечном итоге, — Бог.

Вместе с тем в процессе укрепления русской государственности (т. е. в XIV — XVI вв.) интерперсоналистические мотивы в отношениях правителя и народа стали звучать все реже и слабее. Сначала в русскую государственность проникли элементы византийского права, узаконившего пытки и смертную казнь, а после освобождения от Ига все отчетливей стали проявляться восточноазиатские черты неличностного типа культуры. На смену «Русской Правде» (она запрещала смертную казнь как противное христианству деяние) пришла законодательная система, сформировавшаяся под влиянием «Великой Ясы» Чингисхана (она была жесткой, карательной — и легитимировала смертную казнь в качестве наказания за тяжелые правонарушения).

Монголо-татарские социально-политические практики повлияли на русскую социальную культуру так: в ней возникла и постепенно укрепилась тенденция отказываться от личностно ориентированного, взаимно-доверительного интерперсонализма в пользу рельефно выраженной автократии Царя, обладающего властью (как великим божественным даром), а также правом распоряжаться судьбой и жизнью подданных. Власть политической элиты превратилась в абсолютную, не ограниченную интересами и правами подданных монархию, а идея свободы воли отдельной личности (т. е. идея «самовластия») окрасилась в темные, греховные тона. Теперь свободу воли в официальном философском дискурсе стали понимать не как признак образа Божия в человеке, но как источник зла и греха, а отступление от монаршей воли — не просто как бунт, но как отпадение от христианской истины. Таким образом, идея самодержавия (царского самовластия) в этот период значительно потеснила идею свободной личности (самовластия отдельного человека).

Немало оправданий и подтверждений этих социальных тенденций мы находим в библиистике того времени. Так, в Посланиях Ивана IV Грозного есть такие слова, подкрепленные ссылкой на Пятикнижие Моисея: «...уже первому человеку Адаму, созданному самовластным и могучим, Бог дал заповедь — не есть плодов с одного дерева, и когда он нарушил эту заповедь, как сурово был он наказан! Вот первая неволя и бесчестие: от света ко тьме, от славы к одежде из шкур, от покоя к добыванию хлеба трудом, от нетления в истление, от жизни к смерти. <...> Видишь теперь, брат, что никогда не было свободы и что твое письмо далеко отстоит от истины? А это ли, брат, хорошая свобода воли, что твои паны сделали тебя мошенником и посоветовали тебе приложить руку к таким нелепицам?» [7, с. 419—420]. Богоотступничество своих противников Иван Грозный считал причиной гибели не только их душ, но и всего государства, поэтому наказание, исходившее от царя, заплутавшие христиане должны были воспринимать как очищение от

грехов. А рабство и обеспечивавшую его репрессивную политику, напротив, следовало считать богоугодными. В этот период был индоктринирован порядок общественных взаимоотношений, не совместимый со свободной самореализацией личности, — соответственно, централизация и абсолютизация власти стали существенно влиять на все сферы социальной жизни.

В то же время, по справедливому замечанию исследователей, «...древнерусская мысль сопротивлялась авторитарным нововведениям. Инерционно воспроизводились элементы прежнего понимания христианской организации власти: государь должен воплощать служение истине, кротости и правде... С критикой деспотии <...> выступали Ф. И. Карпов, И. С. Пересветов, Максим Грек, Юрий Крижанич» (см.: [8, с. 38]). Протестную по отношению к абсолютизму позицию занимал и князь А. М. Курбский: в своей переписке с Иваном Грозным он рассуждал о том, что противоестественно подавлять свободную человеческую природу. Однако, несмотря на обилие антимонархических сочинений (в том числе и религиозных), к прежнему идеалу интерперсонализма как государственной уставки так и не вернулись. Дисбаланс отношений власти и подданных обусловил и дисбаланс отношений личности и общества, трансформируя их в квазиинтерперсонализм и квазиколлективизм.

Уже в XVII — XVIII вв. русская культура перешла к новой антропологической модели: это стало результатом того, что в нее активно внедрились идеи и ценности европейского рационализма и гуманизма. Из-за фундаментальных изменений в политике и церковных реформ традиции восточно-христианского гносиса («введения») отошли на второй план и в официальной церковной практике постепенно уступили место рациональному мышлению. На смену парадигме «духовности» («философии сердца») пришла парадигма «разумности» («философия ума»). В то же время несогласные с этим замещением мистики-аскеты (и другие религиозные деятели) продолжили хранить прототипу веры в монастырских кельях, скитах

и пустынях (см., например, изречение Ивана Вишенского: «Ты же, простой, неученый и смиренный Русине, простого и нехитрого Евангелия крепко держи, в нем же живот вечный тебе сокровенно есть» (цит. по: [10, с. 38])).

Отмена некоторых привычных запретов повлекла за собой и общую реабилитацию телесного начала, пересмотр радикальных представлений о «греховной плоти» и оправдание (хотя и с нравоучительными оговорками) внешней красоты. Религиозный дискурс гармонии «внешнего» и «внутреннего», становившийся привычным, в русской философии постепенно стала вытеснять идея двойственности, подвигавшая мыслителей к тому, чтобы в своих рассуждениях склоняться в одну или другую сторону. Одни, следуя традициям средневековой схоластики, превозносили разум как единственный достойный способ богопознания. Другие (например, масоны) практиковали мистический индивидуализм: для них христианство было сверхвременной и сверхисторической универсальной религией, имеющей сугубо индивидуальное летоисчисление, началом которого служил день «вселения Христа в сердце».

Представления об антропологическом идеале формировались в противоречивых, сложных отношениях как с западной философией, так и с западной теологической традицией: с одной стороны, очевидно их идейно-теоретическое влияние, с другой — под воздействием византийского аскетизма их отторгали на глубинном, интуитивном уровне. А много позже, в 30-е гг. XIX в., к дискуссиям о необходимости формирования целостной, гармоничной личности в единстве веры и разума, души и тела, личного и социального подключилась светская религиозно-философская мысль и особенно — в ее славянофильской интерпретации.

Выводы

Таким образом, поиски антропологического идеала в русской культуре XI — XVIII вв. в целом осуществлялись в рамках

христианской парадигмы, которая в первые века после крещения Руси задавала высокие ценностные ориентиры осмысления феноменов природы человека, соотношения души и тела, свободы и ответственности, соотношения личного и общественного, способа политического устройства. Однако последующий ход развития отечественной культуры, претерпевавшей различные политические и социокультурные влияния (как внешние, так и внутренние), обозначил амбивалентность антропологической проблематики, ее трансформацию в рамках базовой христианской антропологической парадигмы, а также постепенное формирование признаков научно-философской антропологической парадигмы.

Список литературы и источников

1. **Бондарева Я. В.** Методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 322 с.
2. **Живов В. М.** Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предистории русской культуры / В. М. Живов. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73—115.
3. Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание: в 2 т. М.: Книга, 1983. Т. 1. 534 с.
4. **Касьянова К. (Чеснокова В. Ф.)** О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с.
5. **Колесов В. В.** Мир человека в слове Древней Руси. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 312 с.
6. **Левицкий С. А.** Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996. 496 с. (История философии в памятниках).
7. Послание Сигизмунду II Августу от имени И. Д. Бельского (1567) / пер. Я. С. Лурье // Послания Ивана Грозного / подгот. текста: Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц; ред. изд-ва Е. Б. Томсинская. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 417—422.
8. **Устинов О. А.** Антропологические парадигмы в русской культуре и философии X — начала XX веков: историко-философский анализ. М.: Триумф, 2022. 148 с.

9. **Флоровский Г. В.** Восточные отцы IV-го века: Изъ чтений в Православномъ богословскомъ институте въ Парижѣ. Парижъ, 1931 // Восточные отцы IV — VIII веков / Г. В. Флоровский. Репр. издание. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. С. 7—242.
10. **Флоровский Г. В.** Пути русского богословия / предисл.: И. Мейендорф. Киев: Христиан.-благотвор. ассоц. «Путь к истине», 1991. 599, [1] с.
11. **Хоружий С. С.** Диптих безмолвия: Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. М.: Центр психологии и психотерапии, 1991. 137 с.
12. **Цвален Р. М.** Тринитарная концепция личности у Николая Бердяева и Сергея Булгакова / пер. с нем.: А. С. Цыганков // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 151—159.
13. **Черная Л. А.** Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008. 464 с. (Studia historica).
8. Ustinov O. A. *Anthropological Paradigms in Russian Culture and Philosophy in the 10th — Early 20th Centuries: Historical and Philosophical Analysis*. Moscow: Triumph, 2022. 148 p. (In Russian).
9. Florovsky G. V. “Oriental Church Fathers of the 4th Century: From readings at the Orthodox Theological Institute in Paris”. Paris, 1931. Rpt. in Florovsky G. V. *Oriental Church Fathers of the 4–8th Centuries*. [Sergiev Posad]: Holy Trinity Sergiev Lavra, 1999. 7—242. (In Russian).
10. Florovsky G. V. *Ways of Russian Theology*. Meyendorf I., foreword. Kiyev: Khristianskaya blagotvoritel'naya prosvetitel'skaya assotsiatsiya “Put' k istine”, 1991. 599, [1] p. (In Russian).
11. Khoruzhiy S. S. *Diptych of Silence: The Ascetic Teaching on Man in Theological and Philosophical Illumination*. Tsentr psikhologii i psikhoterapii. Moscow: MPG U Publ., 1991. 137 p. (In Russian).
12. Zwahlen R. M. „Die trinitarische Konzeption der Person bei Nikolaj Berdjajev und Sergej Bulgakov“. Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie. von SYNEIDOS. *Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte*. Haardt A., Plotnikov N., Hgs. Band 2. Münster: LIT, 2011. S. 53—60. (In German). 5 Bände.
13. Chernaya L. A. *The Anthropological Code of the Old Russian Culture*. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2008. 464 p. (In Russian). Studia historica.

References

1. Bondareva Ya. V. *Methodological Foundations of Russian Religious Philosophy: Historical and Philosophical Analysis*, monograph. Moscow: MRSPU Publ., 2011. 322 p. (In Russian).
2. Zhivov V. M. “Peculiarities of the Reception of Byzantine Culture in Ancient Russia”. Zhivov V. M. *Investigations in the Field of History and Prehistory of Russian Culture*. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. 73—115. (In Russian).
3. *The Izbornik of Svyatoslav of 1073 year*. Facs. ed. Moscow: Kniga, 1983. Vol. 1. 534 p. (In Russian). 2 vols.
4. Kasyanova K. [Chesnokova V. F.]. *On the Russian National Character*. Moscow: Institut natsional'noy modeli ekonomiki, 1994. 267 p. (In Russian).
5. Kolesov V. V. *The World of Human in the Word of Ancient Russia*. Leningrad: Leningrad University Publ., 1986. 312 p. (In Russian).
6. Levitsky S. A. *Essays on the History of Russian Philosophy*. Moscow: Kanon, 1996. 496 p. (In Russian). Istoriya filosofii v pamyatnikakh.
7. “Epistle to Sigismund II August from I. D. Bel'skiy (1567)”. Lurie Ja. S., transl. *Ivan Grozny's Epistles*. Likhachev D. S., Lurie Ja. S., prep. eds; Lurie Ja. S., transl., comment.; Adrianova-Peretz V. P., Tomsinskaya E. B., eds. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 417—422. (In Russian).

Информация об авторе

Джалю Яна Игоревна — аспирантка кафедры философии Института развития образования, Московский государственный областной университет (Россия, 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24).

Information about the author

Yana I. Dzhalyu — PhD Student at Department of Philosophy of Institute for the Development of Education, Moscow State Regional University (Russia, 141014, Moscow oblast, Mytischy, Very Voloshinoy st., 24).

Статья поступила в редакцию 17.12.2022.

The article was submitted 17.12.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 101—110.
Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 101—110.
Научная статья

УДК 1:316.7 + 621.3:069
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-101-110

**Музей электроники
как центральный элемент возрождения
уникального социокультурного пространства
Зеленограда**

М. В. Добрынина¹, Т. В. Растимешина²

¹⁻² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

² *rast-v2012@yandex.ru*

Аннотация. В статье обоснована необходимость создания в Зеленограде Музея электроники. Отмечено противоречие между уникальностью Зеленограда как социокультурного и научно-технического феномена — и отсутствием достойной презентации этой уникальности. Высказана гипотеза о том, что город Зеленоград и его жители нуждаются в музее как в placemaking-проекте для того, чтобы воссоздать сообщество (комьюнити) жителей Зеленограда — «города инженеров» — на базе единой социокультурной идентичности. Представлена версия концепции будущего музея.

Ключевые слова: музей электроники, электронная промышленность, наукоград, технополис, социокультурная идентичность, комьюнити, placemaking-проект

Для цитирования: Добрынина М. В., Растимешина Т. В. Музей электроники как центральный элемент возрождения уникального социокультурного пространства Зеленограда // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 101—110. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-101-110>

Original article

**Museum of electronics
as the central element
of the revival of the unique socio-cultural space
of Zelenograd**

M. V. Dobrynina¹, T. V. Rastimeshina²

¹⁻² *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

² *rast-v2012@yandex.ru*

© Добрынина М. В., Растимешина Т. В.

Abstract. The article presents the rationale for the need to create a Museum of Electronics in Zelenograd. It is noted that there is a contradiction between the uniqueness of Zelenograd as a socio-cultural and scientific-technical project and the lack of a decent presentation of this uniqueness. It is hypothesized that the city of Zelenograd and its inhabitants need a museum as a placemaking project to recreate the community of the residents of Zelenograd — the “city of engineers” — on the basis of a common socio-cultural identity. The draft concept of the future museum is presented.

Keywords: electronics museum, science city, technopolis, socio-cultural identity, community, placemaking project

For citation: Dobrynina M. V., Rastimeshina T. V. “Museum of Electronics as the Central Element of the Revival of the Unique Socio-Cultural Space of Zelenograd”. *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 101—110. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-101-110>

Введение

В России нет музея электроники.
Но он должен быть, и только в Зеленограде!

Из интервью с жителями города

Зеленоград — первый и самый известный наукоград СССР и современной России. Это единственный в России и в Европе аналог Кремниевой долины США. Зеленоград и МИЭТ спроектированы и существуют как единый и уникальный в своем роде городской организм, полностью ориентированный на то, чтобы обеспечить СССР (сейчас — России) одно из лидирующих мест в мире в стратегически значимых наукоёмких направлениях — электронике и вычислительной технике.

Зеленоград и его сердце — МИЭТ — уникальные по своему замыслу и идеологии проектные решения для создания *утопического города-сада, города будущего*. Кроме того, МИЭТ — не только один из лучших технических университетов России, но и *единственный ведущий вуз страны*, готовящий специалистов в области электроники и нанoeлектроники. Однако, будучи по всем параметрам уникальным центром электроники, *Зеленоград и МИЭТ* тем не менее не имеют современного пространства, в котором посетитель мог бы познакомиться с электроникой как отраслью науки и производства,

с ее историей, становлением, удачами, прорывами, современным состоянием и др. Более того, *такого музея нет* ни в одном городе России.

Таким образом, *налицо противоречие между особенностью и уникальностью города Зеленограда и МИЭТ — и отсутствием достойной презентации этой уникальности*.

На наш взгляд, именно МИЭТ при поддержке руководящих ведомств и ведущих предприятий отрасли должен организовать работу по проектированию и созданию Музея электроники в единственной в своем роде точке страны и Европы — в Зеленограде.

Музей электроники как placemaking-проект воссоздания уникального сообщества инженеров

Зеленоград — один из крупнейших административных округов Москвы, уникальный город инженеров, однако его культурное пространство разрежено: в городе относительно немного выставочных и театральных площадок и музеев; Зеленоград удален от Москвы и ее культурных пространств, его жители испытывают культурную изоляцию; город остро нуждается в музее, который можно было бы посоветовать гостям как интересную культурную площадку. Таким образом, потребность в самоидентификации,

в ощущении себя особенными у сообщества жителей Зеленограда существует, но удовлетворена она не в полной мере: горожанам нужна точка социокультурного притяжения и активного соучастия в общественной и культурной жизни.

Термин *creative placemaking* («творение мест») появился в начале XXI в., он означает нечто большее, чем проектирование особой экономической зоны или оформление благоустроенной территории [15; 16]. *Creative placekeeping* (базовый элемент *placemaking*) — это переосмысление общих пространств природной и культурной среды, осуществляемое через конструирование новых культурных смыслов этой среды и направленное на адаптацию пространства к изменяющимся условиям и потребностям жителей местности таким образом, чтобы раскрывать и чтить общие воспоминания, одухотворяющие эту среду, и конструировать новые общие планы и возможности, на воплощение которых вдохновляет среда.

Данное понятие (*placekeeping*) отражает стремления проектной *placemaking*-группы: создать (воссоздать) сообщество жителей территории (комьюнити граждан) на базе общей социокультурной идентичности общины, а также привлечь внимание к тому, что культура, искусство, общая история играют жизненно важную роль в оформлении социальности, в планировании развития сообщества — и могут помочь местным жителям решить проблемы самоидентификации и построить или укрепить горизонтальные связи в комьюнити. «Идеи самоидентификации в современном мультикультурном мире, в рамках дихотомии “глобальное — локальное”, важны не только как пространство культурного самоопределения жителей/горожан, но, прежде всего, для формулирования общей идеологии и направлений развития территории и как “рычаг”, основная тенденция социально-политического и экономического развития “места”. Об актуальности дискурса идентичности для современного города и территории в целом свидетельствуют также получившие широкое распространение в последние годы проекты дизайн-кодов

среды, разработки брендов городов и территориальных образований» [5, с. 180].

Сегодня много говорят о проблеме воссоздания национальной идентичности, однако многие ученые признают, что малая идентичность ничуть не менее, а даже более важна. Потребность сообщества в осознании своей самости и поиски идентичности в современной ситуации развития огромных урбанистических пространств, где спальные районы оказываются «типовыми» и похожими друг на друга, становятся важными направлениями и целью развития городов, сельских и городских сообществ [1; 2; 6; 7; 12] — и даже смысловой «призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [7, с. 176].

В концепции *placemaking* город рассматривается «...как своеобразная лаборатория идентичности, где происходят непрерывные процессы порождения, сохранения, мутаций и “собираания” идентичностей. Будучи сложным организмом, погруженным в мультикультурное взаимодействие и транскультурные тренды, а также в региональные традиции и современные инновационные процессы, город служит объектом исследования идентичности и представляет собой многослойную и неоднородную реальность изысканий и опытов с проявлением существующих идентичностей, созданием новых идеалов и превращением их в дизайн-коды места» [5, с. 181].

Творческое созидание культурного пространства подразумевает многие аспекты развития территории и комьюнити: различные проекты или направления проектов могут быть нацелены на воплощение, материализацию в культурных объектах различных целей и ценностей (включая реставрацию исторического центра города, создание новой туристической или экономической инфраструктуры, краеведение и возрождение памяти о людях и событиях, охрану окружающей среды, предпринимательство, продвижение территории как экономического проекта, общественную безопасность, жилищное строительство, расширение транспортного сообщения и (или) поддержку

существующего, сохранение исторического наследия, образование, социальную инклюзию, акцентирование самобытности сообщества и т. д.), а также любой их комбинации при любых приоритетах. Разнообразие целей и направлений *placemaking* заложено в идейных предпосылках этой концепции: каждое местное сообщество уникально, как и его история, возможности, мечты, ресурсы, решения и стратегии.

Таким образом, создание музея может стать центральным направлением усилий по воссозданию и возрождению на новой основе Зеленограда как специфического культурного сообщества — уникального города-сада, население которого также уникально и являет собой комьюнити ученых, инженеров и студентов. В этом отношении социокультурную роль будущего городского Музея электроники как *placemaking-проекта* сложно переоценить.

Концепция Музея электроники в Зеленограде

Цель и задачи создания музея

Музей должен стать элементом проводимой Правительством РФ работы по оформлению национальной и местной идентичностей, частью системы просвещения, образования и развития науки, центром хранения и популяризации целостной совокупности знаний об электронике, МИЭТ и Зеленограде. Его особенностью будет наглядное представление путей развития российской электроники в контексте мирового научно-технического и социального прогресса.

Техническая оснащенность объекта должна соответствовать новейшим достижениям и требованиям мировой музейной практики. Учитывая научно-технический профиль будущего музея и возможность комплектования фондов новыми стендами, интерактивными экспонатами, образцами техники, в пространственное решение музея следует заложить возможности для того,

чтобы в будущем совершенствовать экспозицию и само музейное пространство.

Перспективная же задача развития проекта — создание современного музейного центра, способного привлечь все категории посетителей не только уникальной коллекцией, но и яркими событиями: фестивалями, конференциями, семинарами и др.

Принципы создания музея

Руководящие принципы *placemaking*-проекта музея направлены на достижение баланса между сохранением памяти о прошлом и созданием социокультурного пространства для адаптации и конструирования изменяющегося будущего. Первый принцип: Зеленоград и МИЭТ — уникальное единство, своего рода социокультурная экосистема, в которой и сама целостность, и многие составляющие ее объекты требуют бережного сохранения в качестве исторического и культурного наследия. Второе: в городе должны быть места, предназначенные для творчества и проектирования будущего. Музей может стать пространством, сочленяющим первое и второе.

Задачи музея

- Организация информационно-коммуникационного и культурного пространства, позволяющего вовлекать широкую аудиторию разных возрастных категорий в коммуникативные процессы различной интенсивности и направленности.
- Создание культурной площадки для проведения профориентационной, просветительской и воспитательной работы с применением наглядных, а также других новейших технических средств.
- Консолидация и хранение информации и данных об истории МИЭТ, Зеленограда, о развитии электроники и вычислительной техники как отраслей науки и производства.

- Формирование публичного современного многопрофильного (научного, культурного, образовательного центра) технической направленности.

Целевые аудитории музея

Экспозиция музея рассчитана на различные *целевые аудитории*, среди которых есть:

1. Жители и гости города. В настоящее время в крупных городах России (в первую очередь, в столицах) растет запрос образованного населения разных возрастных категорий (среди которых молодежь, семейные пары с детьми, пожилые люди) на формирование и освоение культурных кодов и идентичностей, на участие в культурных событиях (выставках, творческих встречах) и проектах. Сегодня еще многие жители технополиса инженеров в силах откликнуться на призыв сформировать фонды музея — и могут поделиться фото- и видеоматериалами, книгами, воспоминаниями. Они готовы активно воспринять идею создания музея и с энтузиазмом участвуют в проекте.
2. Дети школьного и дошкольного возраста, студенты, потенциальные абитуриенты. Музей может стать центром профорientации и реализации дополнительных образовательных программ, популяризации науки и научно-технического просвещения. На этом уровне интересны будут коллаборации с другими вузами, научными центрами и предприятиями Москвы, Санкт-Петербурга, иных городов, просвещающими детей и молодежь и популяризирующими науку среди них.
3. Специалисты, выпускники МИЭТ. Музей может стать центром организации научных и научно-практических конференций, встреч выпускников, коллег, местом проведения брифингов и пресс-конференций для специалистов.
4. Представители прессы.

5. VIP-персоны: руководители отрасли, высокопоставленные гости, иностранные делегации.

Использование музейного пространства

Многоуровневая ориентированность музея предполагает: в нем не только будет устроено музейное хранилище, не только будет представлена на обозрение основная музейная экспозиция, но одновременно с этим будет организовано многофункциональное пространство — живое, подвижное, интерактивное, в котором также могут проводиться:

- Конференции для специалистов, в том числе международного уровня.
- Образовательные мероприятия для школьников и других целевых аудиторий — лекции, мастер-классы, экскурсии, семинары, вебинары и др.
- Выставки и фестивали.
- Конкурсные мероприятия НТТМ (Творчество Юных, РИТМ МИЭТ), а также олимпиады школьников и др.
- Научные и научно-практические конференции, встречи специалистов, симпозиумы.
- Переговоры.
- Пресс-конференции, брифинги и др.

Организация музейного пространства

Наиболее выигрышным с эстетической точки зрения и логически оправданным представляется тематико-хронологический принцип построения экспозиции. Этот принцип должен быть учтен в пространственно-художественном решении музейного комплекса: различные помещения могут иметь различные дизайн-стилистические решения — в частности, пространство кафе может быть оформлено в стиле конструкторской лаборатории 60-х. Экспонаты, отображающие достижения и события указанных периодов, должны быть размещены таким образом, чтобы посетители легко угадывали, на какие тематические зоны разграничена экспозиция. Дизайн-решения кафе, открытых площадок, входной зоны должны быть частью общей концепции.

Для создания музейного пространства необходимо разработать архитектурно-художественный проект, учитывающий объемы, специфику и идеологию нового музейного пространства, выполнить проектно-изыскательские работы и составить проектно-сметную документацию.

Поскольку характер музея предполагает его многоцелевое использование (для реализации профориентационной, образовательной, просветительской, представительской функций учреждения), требуется спроектировать специализированные помещения:

- лекционный зал (подходящий, в том числе, для кинопоказа);
- научно-технический архив-библиотеку;
- конференц-зал;
- экспериментальные лаборатории (допускающие занятия проектной деятельностью, проведение мастер-классов);
- помещения, имитирующие производственные пространства (с дополненной реальностью);
- VIP-комнаты.

Экспозиция должна быть интегрирована с устройствами дополненной реальности, которые позволят с помощью адаптированной компьютерной графики представлять экспонаты в динамике. Навигационная система музея должна включать как традиционные визуальные элементы, так и дополнительные (такие возможности предоставляют современные мультимедийные технологии).

При создании проекта музея предлагается учитывать типовые решения, реализованные в Музее гидроэнергетики (Углич) и Музее металлургии (Череповец).

Основные кластеры экспозиционного пространства

1. История развития электроники

Мне приснился страшный сон: что нет Зеленограда и нет его гермозоны.

Жорес Алферов

Блок 1. История электроники как отрасли науки и промышленного производства.

1) 40-е—50-е гг. XX в. — Вторая мировая война (радары, магнетроны); транзисторы; исследования в области физики полупроводников.

2) 60-е гг. — период появления первых компьютеров и новых технологий, примененных в создании сложных вычислительных машин. Особое внимание следует уделить глобальной «гонке» мировых супердержав и военных блоков в области физики полупроводников:

- исследования полупроводниковых кристаллов и приборов на их основе;
- первые транзисторы и силовые приборы на германии;
- интегральная схема;
- изучение свойств и возможностей получения кристаллов с заданными свойствами и др.

3) 60-е—70-е гг. — становление электроники как стратегически значимой отрасли промышленности и производства.

Блок 2. Основные стратегические задачи, которые государство ставило перед новой отраслью — электронной промышленностью. История создания научных центров и научных лабораторий, производственных мощностей. Министерство электронной промышленности СССР и его деятельность. Ученые и политики, внесшие заметный вклад в развитие отрасли.

Блок 3. Основные качественные итоги развития науки и электронной промышленности в стране: рост количества и качества разработок и их роль в народном хозяйстве страны и в глобальной науке и производстве. Зеленоград и МИЭТ как центры, длительное время обеспечивающие конкурентоспособность страны в области электроники. Современное состояние российской электроники.

2. «Город — будет! Саду — цвести!»

История проектирования, строительства и развития Зеленограда как уникального экспериментального проекта целостного пространства технического наукограда, его

конструктивные, технологические, архитектурные особенности [11; 13; 8; 3; 4; 10; 9; 14].

Еще на стадии проектирования Зеленоград был инновационным проектом технопарка будущего. Его особенности заключались:

- в крупном престижном университете государственного значения (он служил центром притяжения талантливой молодежи со всей страны);
- в широкой парковой зеленой зоне;
- в организации городского пространства вокруг постоянного «ядра технополиса», инновационного по своей форме и содержанию;
- в комфортных сервисных и жилых зонах;
- в уникальных архитектурно-пространственных решениях.

В настоящее время «ядро» города определяется в пространстве МИЭТ — архитектурный комплекс НИИМП и Научного центра (так называемые «Ключки и шайба») — пруд Ангстрем — архитектурный комплекс дворца культуры и мэрии — Парк Победы: все объекты образуют единое пространство, при этом каждый являет собой уникальный архитектурно-ландшафтный проект.

В экспозиции должны быть отражены и другие аспекты уникальности замысла и воплощения экспериментального города-технополиса:

- *Политическая концепция, идея и идеология наукограда* — первого в СССР и единственного в стране города электроники. Идеи Филиппа Староса, Иосифа Берга, руководителей советского государства, концепция советской Кремниевой долины и ее преломление в проекте «Зеленоград».
- *Художественная концепция*. Отражения заслуживает уникальность Зеленограда и МИЭТ как единой городской экосистемы, которая является частичным воплощением архитектурного ландшафтного проекта утопического города-сада.
- *Социальный проект коммунистической утопии «города инженеров»* как зоны особого социального комфорта.

- *Особенности проектирования, строительства и развития МИЭТ* как единственного в стране вуза в области электроники и ядра научно-производственного кластера.

3. Люди, судьбы:

пантеон отечественной электроники. История отечественной электроники в лицах

Судьбы основоположников отрасли, ученых, руководителей государства, строителей Зеленограда, архитекторов, скульпторов, первых абитуриентов и выпускников МИЭТ и др.

В этой части экспозиции уместным будет использовать фонды фото- и видеоматериалов, рассказов, воспоминаний, мемуаров. Одним из первых социальных инициатив в рамках проекта «творения места» должен стать сбор историй тех, кто жил, работал и учился в Зеленограде — и чья жизнь связана с электроникой и вычислительной техникой. Совместное конструирование воспоминаний крайне важно для того, чтобы взрастить и культивировать существующий дух места.

4. Электронные технологии и оборудование. Производственные циклы

В этой части экспозиции необходимо наглядно представить посетителям суть электроники как особой отрасли науки и техники, создающей и эксплуатирующей электронные приборы.

Блок 1. Технология получения элементов электроники. Эта часть экспозиции может быть реализована в стереозале как виртуальная экскурсия по современным лабораториям и производственным площадкам.

Блок 2. Основные отрасли электроники.

Блок 3. Основные электронные приборы.

Блок 4. Электронные приборы в современном мире.

Выводы

На наш взгляд, партнерство МИЭТ, предприятий отрасли, государственных ведомств, общественных организаций, студенческого актива МИЭТ, активистов из числа жителей Зеленограда, ассоциаций архитекторов, дизайнеров, художников, историков-краеведов, искусствоведов, нацеленное на проектирование и создание Музея электроники, может дать синергетический социокультурный *placemaking-эффект*, проявляющий себя в следующем:

- Музейное пространство станет одним из культурных центров, пространством, где воспроизводится групповая идентичность комьюнити инженеров, ученых и студентов.
- Научные, образовательные и культурные мероприятия будут способствовать формированию нового имиджа Зеленограда и укрепят его позиции как крупнейшего в Европе наукограда, центра развития электроники.
- Музей сыграет важную роль в социокультурном благоустройстве и повысит привлекательность города и МИЭТ для жизни, для проведения досуга, для получения высшего образования.
- Идея музея образует в социокультурном сотрудничестве МИЭТ, предприятий, городского сообщества новые подуровни:
  - организационно-административный;
  - развлекательно-просветительский;
  - научный;
  - архитектурно-художественный;
  - маркетинговый;
  - экономический.
- Привлечение краеведов, художников, архитекторов к развитию проекта реализует концепцию «вовлечения» и образует основу для оформления музея как нового центра общественной солидарности.
- Для различных категорий потребителей музей может стать новой точкой потребления услуг, среди которых: развлечения, общественное питание, досуг.

Список литературы и источников

1. **Анисимова А. А., Ечевская О. Г.** Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с. // Сибирская Заимка: история Сибири в научных публикациях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaimka.ru/anisimova-echevskaya-identity/> (дата обращения: 20.10.2022.).
2. **Бауман З.** Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. **Вильковский М. Б.** Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.
4. **Глазычев В. Л.** Социология архитектуры — какая и для чего? // Зодчество: сборник / Союз архитекторов СССР. 1978. № 2 (21). С. 25—29.
5. Город — лаборатория идентичности / О. Е. Железняк, М. В. Корелина, С. В. Мурашова, Э. Эртур // Известия вузов. Информационное строительство. Недвижимость. 2018. Т. 8. № 3 (26). С. 179—197. <http://dx.doi.org/10.21285/2227-2917-2018-3-179-197>
6. **Железняк О. Е.** Идентичность: парадигма культуры и профессиональное пространство // Проект Байкал. 2014. № 42. С. 112—119.
7. **Лэндри Ч.** Креативный город: пер. с англ. М.: Классика-XXI, 2011. 399 с.
8. **Марков А. П., Бирженюк Г. М.** Основы социокультурного проектирования: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУП, 1998. 361 с.
9. **Понукалина О. В.** Социальная экология городского пространства // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего: Материалы межд. науч.-практ. конф. (15—17 апреля 2003 г., Саратов) / под ред. Т. П. Фокиной. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. С. 59—63.
10. **Соняк Е. В.** Факторы формирования современной жилой среды // Актуальные проблемы архитектуры и дизайна : [материалы Всерос. студен. науч. конф. (Екатеринбург, 2008) : прил. к № 22 журн. «Архитектон», 2008]. 2008. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz22_pril/42/template_article-ar=K41-60-k58.htm (дата обращения: 24.10.2022).
11. Социокультурное проектирование: учеб.-метод. пособие / сост. Е. М. Берестова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 51 с.

12. Суховская Д. Н. Философские проблемы функционирования поселений и их креативных пространств в условиях урбанизированного социума в XXI веке // Молодой ученый: международный научный журнал [Электронный ресурс]. 2015. № 7 (87). С. 713—717. URL: <https://www.moluch.ru/archive/87/pdf/> (дата обращения: 21.10.2022).
13. Ярмош Т. С., Михайлова И. Д. Социокультурное ландшафтное проектирование // Вестник ПНИПУ. Строительство и архитектура. 2018. Т. 9. № 4. С. 5—16.
14. Ярмош Т. С., Михина О. В. Социокультурные принципы проектирования жилой среды // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова: научно-теоретический журнал. 2014. № 5. С. 254—258.
15. Placemaking Leadership Council Inaugural Meeting // Project for Public Spaces: website. URL: <https://www.pps.org/article/placemaking-leadership-council-inaugural-meeting> (дата обращения: 20.10.2022).
16. Places in The Making: How Placemaking Builds Places and Communities / S. Silberberg, K. Lorah, R. Disbrow, A. Muessig. Boston, MA: Massachusetts Institute of Technology, 2013. 72 p.
7. Landry Charles. *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. Earthscan Publications Ltd., 2000. 300 p.
8. Markov A. P., Birzhenyuk G. M. *Fundamentals of Sociocultural Design*, textbook. Saint-Petersburg: SPBUHSS Publ., 1998. 361 p. (In Russian).
9. Ponukalina O. V. "Social Ecology of Urban Space". Fokina T. P., ed. *Goroda regiona: kul'turno-simvolicheskoye nasledie kak gumanitarnyy resurs budushchego: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (15—17 aprelya 2003 g., Saratov)*. Saratov: Saratov State University Publ., 2003. 229 p. (In Russian).
10. Sonyak E. V. "Factors of Formation of Modern Residential Environment". Suppl. issue of *Arkhitekton: izvestiya vuzov: setevoy nauchno-teoreticheskiy zhurnal* = *Architecton: Proceedings of Higher Education: web-based electronic journal* 22 (2008). (In Russian). Available at: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz22_pril/42/template_article-ar=K41-60-k58.htm (accessed: 24 Oct. 2022).
11. Berestova E. M., comp. *Sociocultural Design: Educational and Methodological Manual*. Izhevsk: Udmurt State University Publ., 2012. 51 p. (In Russian).
12. Sukhovskaya D. N. "Philosophical Problems of Functioning of Settlements and their Creative Spaces in an Urbanized Society in the 21st Century". *Molodoy uchenyy: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal* 7 (87) (2015): 713—717. (In Russian). Available at: <https://www.moluch.ru/archive/87/pdf/> (accessed: 21 Oct. 2022).
13. Yarmosh T. S., Mikhailova I. D. "The Socio-Cultural Landscape Design". *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Stroitel'stvo i arkhitektura* = *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Construction and Architecture* 9.4 (2018): 5—16. (In Russian).
14. Yarmosh T. S., Mikhina O. V. "Socio-Cultural Principles of Designing the Living Environment". *Vestnik BGTU im. V. G. Shukhova: nauchno-teoreticheskiy zhurnal* = *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov* 5 (2014): 254—258. (In Russian).
15. "Placemaking Leadership Council Inaugural Meeting". *Project for Public Spaces*. 20 Oct. 2022. <<https://www.pps.org/article/placemaking-leadership-council-inaugural-meeting>>.
16. Silberberg S., Lorah K., Disbrow R., Muessig A. *Places in The Making: How Placemaking Builds Places and Communities*. Boston, MA: Massachusetts Institute of Technology, 2013. 72 p.

References

1. Anisimova A. A., Echevskaya O. G. *Siberian identity: Preconditions of Formation, Contexts of Actualization*, monograph. Novosibirsk: NSU Publ., 2012. 176 p. (In Russian). Available at: <http://www.zaimka.ru/anisimova-echevskaya-identity/> (accessed: 20 Oct. 2022).
2. Bauman Zygmunt. *The Individualized Society*. Polity, 2001. 272 p.
3. Vil'kovskiy M. B. *Sociology of Architecture*. Moscow: Fond "Russkiy Avangard", 2010. 592 p. (In Russian).
4. Glazychev V. L. "Sociology of Architecture — what is it and for what purpose does it exist?" *Architecture: collection*, by Union of Architects of the USSR. Moscow: Stroyizdat, 2 (21) 1978: 25—29. (In Russian).
5. Zheleznyak O. E., Korelina M. V., Murashova S. V., Erdur Emre. "The City as the Laboratory of Identity". *Izvestiya vuzov. Investicii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost' = Proceedings of Universities. Investment. Construction. Real estate* 8.3 (2018): 179—197. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.21285/2227-2917-2018-3-179-197>
6. Zheleznyak O. E. "Identity: Cultural Paradigm and Professional Space". *Proyekt Baykal = Project Baikal* 42 (2014): 112—119. (In Russian).

**Информация
об авторах**

Добрынина Мария Владимировна — кандидат политических наук, проректор по молодежной политике и воспитательной работе, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1).

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1).

Information about the authors

Maria V. Dobrynina — Cand. Sci. (Polit.), Vice-Rector for Youth Policy and Educational Work, Assoc. Prof. at the Department of Economics, Management and Finance, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., editor-in-chief at the academic journal “Economic and Social Research”, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 30.09.2022.

The article was submitted 30.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 111—116.

Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 111—116.

Научная статья

УДК 304.42 + 101.1:316

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-111-116

Глобализация и культурно-историческая традиция: проблемы и противоречия

М. С. Кальней

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

marina.kalnej@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются противоречия между проектом глобализации и культурно-исторической традицией. Развитие проекта глобализации тесно связано с философской мыслью Просвещения, когда распад феодальной системы породил национальное государство. При этом предлагались различные проекты взаимодействия политической модели национального государства и исторически сложившейся национальной и политической традиции. Глобализация основана на концепции, согласно которой конструкт либерального государства придет к доминированию над национальной культурно-исторической традицией. Противоречие этого взгляда связано с тем, что сам либеральный конструкт сложился на основе своей культурной и политической традиции — и сейчас это затрудняет его существование в глобальном масштабе и на базе иных социокультурных реалий.

Ключевые слова: глобализация, национальное государство, культурно-историческая традиция, идентичность, цивилизация, общность, политические институты

Для цитирования: Кальней М. С. Глобализация и культурно-историческая традиция: проблемы и противоречия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 111—116. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-111-116>

Original article

Globalization and tradition: problems and contradictions

M. S. Kal'ney

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

marina.kalnej@yandex.ru

© Кальней М. С.

Abstract. The author considers the contradiction between globalization project and cultural and historical tradition. Globalization project development is closely linked to philosophy of the Enlightenment when feudal system breakup gave birth to national state. There were given different projects of interaction between national state political model and historically formed national and political tradition. Globalization is based on a concept supposing that the liberal state construct would dominate over national cultural and historical tradition. The contradiction of this approach is due to the fact that liberal construct itself was formed on the base of its own cultural and political tradition, and now that hampers its existence on a global scale and on the base of different social and cultural practice.

Keywords: globalization, national state, cultural and historical tradition, identity, civilization, integrity, political institutions

For citation: Kal'ney M. S. "Globalization and Tradition: Problems and Contradictions". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 111—116. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-111-116>

Одна из актуальных проблем текущей социокультурной ситуации — противоречия, связанные с глобализацией. До недавнего времени казалось, что общемировая тенденция экономического, социально-политического и культурного развития указывает на стирание национальных границ и на движение в сторону единого общемирового сообщества. Однако события последних лет выявили ряд противоречий, связанных с национальными экономическими интересами — и с социокультурными различиями, которые ставят под вопрос переход к общемировой форме социальной организации. В связи с этим необходимо рассмотреть происхождение и развитие концепции перехода к единой форме социальной организации.

Общеизвестно, что проблему национального и общенационального единства впервые подвергли всестороннему анализу в философской традиции Просвещения. При распаде феодальной системы в Европе стал актуальным вопрос о новых формах социальной организации. Концепции общественного договора, утверждающие верховенство народного суверенитета, логически обосновали идею нации-государства. Совокупность национального и политического конструктов заставила обратиться к проблеме создания политической нации, в том числе в общеевропейском (или общемировом) масштабе.

К примеру, И. Кант в сочинении «К вечному миру» рассматривал возможность

создания общемировой федерации государств: «Можно показать осуществимость (объективную реальность) этой идеи федерации, которая должна постепенно охватить все государства и привести таким образом к вечному миру. Если бы по воле судеб какой-либо могучий и просвещенный народ имел возможность образовать республику (которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру), то такая республика служила бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней, чтобы в соответствии с идеей международного права обеспечить таким образом свою свободу, и с помощью многих таких присоединений все шире и шире раздвигались бы границы союза» [4].

Иными словами, образцом государственного устройства здесь признается республика, созданная и охраняемая общим волеизъявлением граждан. Разработанные на рациональной основе законы такого государства исключают возможность вести завоевательные войны (типичные для феодальных государств) — и, наоборот, ограничивают внутреннее насилие в отношениях между гражданами, что позволяет создать наиболее мирное и процветающее сообщество. С течением времени к этому сообществу примыкают другие государства, что и служит базой для создания общемировой федерации, основанной на единых законах и принципах управления.

Сходным образом американский социолог Ф. Фукуяма противопоставляет исторический и постисторический миры. В этом последнем объединение рынков и производств создаст объединение государств, тогда как в мире историческом сохранение национального государства как центра политической идентификации станет фактором постоянных конфликтов (см.: [11, с. 416—417]).

Иначе говоря, здесь ставится вопрос о вненациональном объединении государств, где базовым принципом объединения будет не этническая, религиозная или культурная идентичность, а политический конструкт, обеспечивающий наивысший уровень безопасности, свободы и процветания. Одной из тенденций развития постиндустриального общества считается распад национального государства. Ряд исследователей предполагают, что национальное государство заменят наднациональные образования, где отомрет этническая идентичность.

К примеру, согласно Э. Тоффлеру, глобализация производства и глобализация экономических связей исключат для отдельной нации возможность эффективно и независимо управлять своей экономикой: управление потребует международной координации экономической деятельности. Современные проблемы станут глобальными, т. е. для их решения необходима будет международная координация, а она также вынудит исполнителей создать наднациональные центры принятия решений. Наконец, глобальный характер коммуникаций сформирует планетарное сознание, для которого национальная идентичность перестанет иметь существенное значение (см.: [9, с. 510—520]).

Сходную тенденцию отмечает А. А. Зиновьев: «В рамках западных стран (“национальных государств”) сформировались своего рода “надстройки” над компонентами их социальной организации — сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология и т. д. Из их взаимодействия образовались “надстроечные” объединения наднационального и межнационального масштаба, а также объединения, охватывающие весь западный мир, скажем, — глобальное сверхобщество» [2, с. 451].

Иными словами, развитие постиндустриальной цивилизации ставит человечество перед необходимостью создать наднациональные центры управления — как более эффективные в сравнении с национальным государством. В силу этих же причин развивается новый тип самоидентификации. При подобной самоидентификации этническая и религиозная составляющие переходят в сферу частной жизни индивида, его досуговой деятельности. Определяющим же фактором идентичности становится то, что индивид основывает ее на вненациональных политических институтах, а также на охраняемой и гарантируемой ими системе ценностей.

Как пример того, когда подобный опыт оказался успешен, исследователи традиционно рассматривают общество США: оно стало «плавающим котлом», где мигранты сохраняли этническую и религиозную идентичность на уровне своей частной жизни. Но для их интеграции в социум возникало необходимое условие: они должны были принять идентичность на базе государственных институтов, установленных всеобщим волеизъявлением граждан. Примером такого же рода успеха считается Европейская интеграция, где национальные общности, включая общности мигрантов, объединились на базе общеевропейской идентичности, а этнические различия рассматриваются как относящиеся к сфере частной жизни индивида.

Пример формирования такой самоидентификации приводит либеральный публицист А. П. Никонов: «Наиболее продвинутые граждане, непосредственно имеющие дело с глобальным миром, ищут новой идентификации вверху, на планетарном уровне. Они не отождествляют себя с какой-то конкретной нацией или национальностью» [7, с. 206—207]. Продвинутыми гражданами подобного рода принято считать «креативный класс» — с такими его свойствами, как мобильность, открытость, толерантность. Все эти качества позволяют принимать идентичность другого наравне с собственной, рассматривать глобальный мир как среду профессиональной самореализации (не зависящей от обстоятельств

этнического происхождения), менять установки и стереотипы. Эти же качества гарантируют как общий успех экономики постиндустриального общества, так и личный успех представителей креативного класса, создающих и развивающих эту экономику. Само существование и пример подобного успеха послужат для каждой отдельно взятой страны стимулом, побуждающим присоединиться к глобальному информационному обществу.

Именно так рассматривает будущее креативного класса американский экономист Р. Флорида: «Креативный класс обладает достаточной властью, талантом и численностью, для того чтобы сыграть большую роль в преобразовании мира. Его представители (по существу, всё общество) имеют возможность превратить свою склонность к самоанализу и переоценке ценностей в реальную деятельность, направленную на более масштабное обновление и трансформацию социума» [10, с. 24].

Таким образом, он трактует глобализацию не только как процесс создания наднациональных центров управления экономикой и политикой. По его мнению, глобальные процессы также включают в себя трансформацию социальных установок, стандартов поведения, ценностных ориентаций. Все эти факторы, определяющие идентичность личности, теряют непосредственную связь с этническим происхождением и превращаются в предмет личного выбора индивида. Это позволило бы исследователям, их аудитории и самим участникам социально-политических процессов сделать вывод об отмирании фактора национальных интересов в политической и экономической сфере, а также об отмирании фактора национальной идентичности в сфере социокультурной.

Казалось бы, именно на эту тенденцию указывали социально-политические процессы, происходившие после распада Советского Союза. Они свидетельствовали о неизбежности глобализации на базе политической модели и мировоззренческих установок либеральной западной цивилизации. Однако противоречия такого подхода

отмечает российский философ А. С. Панарин: «Трагический для мировой истории парадокс Запада состоит в сочетании принципов плюрализма и консенсуса применительно к соперничеству гражданских интересов, воплощаемых различными партиями, и удивительной нетерпимости в отношении других, незападных культур, перед которыми Запад открывает только одну перспективу — исчезновение и ассимиляция с западной» [8, с. 220].

Для лучшего понимания этого парадокса следует обратить внимание на то, что сам по себе конструкт национального государства, сформировавшийся с распадом феодальной системы, объединял в себе этническую и политическую составляющие. Национальное государство структурировало исторически сложившуюся на данной территории общность. Эта общность могла сформироваться как носительница единого языка, мировоззренческих установок, стандартов поведения, которые она продвигала в виде «общественного договора» и «гражданской религии», а их сохранение контролировала через созданные общенациональным волеизъявлением политические институты. Существование на одной территории нескольких национальных общностей означало в таком случае их равное представительство в политических институтах государства: это гарантировало бы всем этническим общностям, что им будут предоставлены равные гражданские права.

В связи с этим заслуживает внимания то различие между *народным* и *национальным*, которое Н. А. Бердяев проводил в сочинении «О рабстве и свободе человека»: «Народ стремится выразить себя в образах, он создает обычаи и стиль. Нация же стремится выразить себя в государственном могуществе, она создает формы власти» [1, с. 196]. Иными словами, здесь Бердяев отождествлял народное с исторически сложившимися формами культуры и межличностного взаимодействия. Национальное же он связывал с политическими институтами, организованными в результате социальных преобразований.

Однако наиболее существенно здесь то, что и социокультурный, этнический,

и государственно-политические элементы в равной степени относятся к той сфере символического бытия, которая структурирует бытие человека. Особенности этой сферы раскрывает С. Г. Кара-Мурза в работе «Манипуляция сознанием»: «Символы — отложившиеся в сознании образы (призраки) вещей, явлений, человеческих отношений, общественных институтов, которые приобретают *метафорический* смысл, выходящий за рамки физического существования тех объектов, из которых выделился, эманировал символ» [6, с. 319—320].

Как особую форму сохранения и передачи символов исследователь рассматривает историческую память: «В этой памяти заложены сведения и символы, которые соединяют людей в общество и обеспечивают наличие в нем общего языка и устойчивых каналов общения» [6, с. 313—314].

Иначе говоря, в процессе межличностного взаимодействия развиваются и формируются универсалии культуры, которые находят свое отражение как в национальном менталитете, национальной культурно-исторической традиции, так и в политических институтах, действующих на данной территории. Если *культурно-историческая традиция* зачастую складывается стихийно (когда сообщество отвечает на возникшие перед ним исторические вызовы), то *политические институты* люди конструируют на базе социально-политической теории как продукта теоретического размышления.

В этом и заключается основное противоречие в концепции глобализма. Либеральная модель сформировалась на базе западноевропейской *политической* культуры, отражающей в себе и *общую* культурную модель Западной Европы. Это указывает на противоречия, связанные не только с жизнеспособностью либерализма для незападных культур, но и с общим отрывом политической модели от национальной культурной традиции. Представление о том, что единая политическая модель может существовать вне национальной и культурной традиции, противоречит тому, что политическая модель сама по

себе формируется на базе политической культуры как части национальной культурной традиции.

В связи с этим заслуживает внимания утверждение Н. М. Карамзина: «Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя» [5, с. 5].

Иными словами, личность формируется в рамках национальной и культурной традиции, частью которой оказывается также и политическая система. Попытки сконструировать политическую систему в отрыве от национально-культурной традиции порождают свою социокультурную традицию, которая формирует свой национальный менталитет. Именно этим и характеризуется раскол между правым (консервативным) и леволиберальным мировоззрением, который в текущей социальной реальности проявляется как основное противоречие. В свою очередь, леволиберальное мировоззрение с его отрицанием традиции (в том числе национальной) ради базовых принципов политической модели (свободы, демократии, толерантности) обнаруживает в себе собственное противоречие, отмеченное И. А. Ильиным: «...народ, потерявший *оседлость жилья, крепость семьи и уважение к труду*, становится беспочвенным и политически несостоятельным; он приближается к римскому плебсу эпохи цезаризма» [3, с. 169]. Иными словами, общность, существующая вне социокультурной традиции, не имеет средств и возможностей для ее передачи и закрепления, что и затрудняет сохранение самой общности — либо требует создания социокультурной традиции и механизмов ее закрепления.

Таким образом, политическая модель существует в неразрывной связи с политической культурой как частью общей социокультурной традиции. Представления о возможности вытеснения национально-этнического элемента политическим конструктом противоречат тому, что сами

политические институты существуют в рамках социокультурной традиции и в них же упорядочивают межличностные взаимодействия. Это можно рассматривать как одну из причин того, что проект глобализации еще в прошлом предполагал создание единой общности на базе единой политической модели. Фактически же такой проект обернулся обострением межэтнических противоречий и социально-политическим расколом в западноевропейском сообществе.

Список литературы и источников

1. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 316 с.
2. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. 528 с.
3. Ильин И. А. Наши задачи. [Вып.] 59: Основы демократии // Собр. соч.: в 10 т. / И. А. Ильин. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 168—171.
4. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане (1784) / пер. И. А. Шапиро // К вечному миру: философско-исторические и политические сочинения: сборник / И. Кант. Алматы, 1999. С. 27—49.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2012. 1024 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 440 с.
7. Никонов А. П. Судьба цивилизатора: теория и практика гибели империй. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2006. 256 с.
8. Панарин А. С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.
9. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.
10. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые создают будущее / пер. с англ. Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
11. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2004. 588 с.
2. Zinov'yev A. A. *Understanding Factor*. Moscow: Algoritm; Eksmo, 2006. 528 p. (In Russian).
3. Ilyin I. A. "Our Challenges. [Iss.] 59: Foundations of Democracy". Moscow: Russkaya kniga, 1993. 168—171. Vol. 2, book 1 of *Sobraniye sochineniy of Il'in I. A.* 10 vols.
4. Kant I. "Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht". *Immanuel Kant's Sämtliche Werke*, in chronologischer Reihenfolge. Hrsg. von G. Hartenstein. Bd. 3. Leipzig: Leopold Voss, 1867. 8 Bd.
5. Karamzin N. M. *Russian State History*. Moscow: Eksmo, 2012. 1024 p. (In Russian).
6. Kara-Murza S. G. *Mind Manipulation*. Moscow: Algoritm, 2000. 440 p. (In Russian).
7. Nikonov A. P. *Civilizator's Fate: Theory and Practice of Empires' Ruin*. Moscow: Izd-vo NTs ENAS, 2006. 256 p. (In Russian).
8. Panarin A. S. *Iron Curtain Truth*. Moscow: Algoritm, 2006. 336 p. (In Russian).
9. Toffler A. *The Third Wave*. New York, NYC: Bantam Books, 1990. 540 p.
10. Florida R. *The Rise of the Creative Class. Revisited* [ed.]. New York, NYC: Basic Books, 2014. 512 p.
11. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, NYC: Free Press, 1992. 418 p.

Информация об авторе

Кальней Марина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1).

Information about the author

Marina S. Kal'ney — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor at Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

References

1. Berdyayev N. A. *On Human Servitude and Freedom*. Moscow: AST; Khranitel', 2006. 316 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 02.11.2022.

The article was submitted 02.11.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 117—126.
Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 117—126.
Научная статья

УДК 141
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-117-126

Проблема знания и понимания в цифровую эпоху

Н. П. Кнэхт

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

nataknekht@gmail.com

Аннотация. Рассматривается цифровизация образования в аспекте становления цифровой философии. Текстцентричность философии определяет неотделимость знания от понимания, которое автор представляет как процесс рекурсивного движения, предполагающий работу не только на семантическом уровне, но и на историко-психологическом. Показано, что человеческое сознание не является компьютерной системой и что синтаксическое оперирование символами не является подлинным пониманием. Опираясь на новый тип историко-эпистемологической рефлексии о переводе, автор пытается доказать, что нынешнее развитие автопереводчиков, реализованных на нейросетях, не устраняет человека. Анализируя суждения некоторых исследователей о том, что цифровые технологии обеспечивают «квантованность философского дискурса», называя это «цифровой революцией» в философии, автор выражает сомнение в возможности как цифровизации философии, так и целесообразности использования «цифровой метафизики» в преподавании. Основные аргументы против превращения философии в «единый технологический комплекс» автор пытается найти, обращаясь к дискуссиям вокруг вычислительной теории сознания и проблем знания и понимания.

Ключевые слова: цифровые гуманитарные науки, цифровая философия, вычислительная теория сознания, знание, понимание

Для цитирования: Кнэхт Н. П. Проблема знания и понимания в цифровую эпоху // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 117—126. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-117-126>

Original article

The problem of knowledge and understanding in the digital age

N. P. Knekht

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

nataknekht@gmail.com

© Кнэхт Н. П.

Abstract. The author considers the digitalization of education in the aspect of rise of a digital philosophy. The textocentricity of philosophy determines the inseparability of knowledge from understanding, which the author presents as a process of recursive movement, involving work not only at the semantic level but also at the historical and psychological level. The author shows that human consciousness is not a computer system, and that syntactic operation of symbols is not a genuine understanding. Relying on a new type of historical and epistemological reflection on translation, the author tries to prove that the current development of self-translators implemented on neural networks does not eliminate a person. Analyzing the opinions of some researchers that digital technologies provide “quantization of philosophical discourse”, calling it a “digital revolution” in philosophy, the author expresses doubt about the possibility of both digitization of philosophy and the expediency of using “digital metaphysics” in teaching. The author tries to find the main arguments against the transformation of philosophy into a “single technological complex” by referring to the discussions around the computational theory of consciousness and the problem of knowledge and understanding.

Keywords: digital humanities, digital philosophy, computational theory of consciousness, knowledge, understanding

For citation: Knekht N. P. “The Problem of Knowledge and Understanding in the Digital Age”. *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 117–126. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-117-126>

Последнее десятилетие ознаменовалось не только экспансией цифровизации — проникновением цифровых технологий во все сферы жизни, развитием и исследованием цифровых медиа, созданием новой области исследований *critical code studies*, но и философским осмыслением того, что связано с цифровым миром. Истоки так называемой новой цифровой философии пытаются найти в идеях французских ученых Жильбера Симондона и Бернара Стиглера. Симондон стремился к созданию «феноменологии машин» [16, с. 94–105; 17, с. 93–114], Стиглер — современный исследователь в области цифровых технологий [10; 18]. На стыке традиционных гуманитарных наук (истории, лингвистики, социологии, археологии и др.) и компьютерных наук появляются цифровые гуманитарные науки, которые, опираясь на компьютерные инструменты, активно используют новые возможности поиска и визуализации материала, анализа данных, применения математической статистики. Специалисты в области цифровых технологий, интеллектуальных систем в гуманитарной сфере даже говорят о магистральной линии развития цифровых гуманитарных наук в направлении перехода

от гуманизма к гуманитаристике — From Humanism to the Humanities [14, с. 73–81]. И считают это закономерным процессом, отражающим общую тенденцию, связанную с глобальным изменением, который приносит *computational turn* — вычислительный поворот.

В отечественной литературе появляются работы, посвященные современным моделям развития и особенностям цифровых гуманитарных наук. В этих работах обосновывается неотвратимость дисциплинарной гибридации на основании проникновения информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) в гуманитарную сферу, появление *e-culture* — так называемой электронной культуры, которая не только задает ценностные условия применения ИКТ, но и «способствует сохранению и умножению материальных и духовных благ человека» [2, с. 6–16; 3, с. 14–26]. Сегодня многие университеты включают в учебные программы освоение новых информационных технологий в плане их применения в гуманитарных дисциплинах: использование средств интеллектуального анализа данных, машинного обучения, компьютерной лингвистики. Практически это небольшой блок

гуманитарных предметов, таких как политология, история, социология, где преобладает работа с текстами [13].

Однако все чаще появляются работы, посвященные цифровизации образования, и даже о возможности и целесообразности развития и использования так называемой цифровой метафизики. Авторы этих работ рассуждают о том, что цифровые технологии обеспечивают «квантованность философского дискурса», и называют это «цифровой революцией» в философии: «Цифровые технологии философствования, представленные на уровне искусственных языков, превращают непрерывную историю философии в единый технологический комплекс» [11, с. 113]. Вот некоторые примеры тем, когда название свидетельствует о попытках представления философии в «цифровом формате»:

- «Диалектический материализм в “цифровом формате” (дискретная математическая модель логически-непротиворечивого формально-логического учения о противоречивости материи)»;
- «Криминологический аспект философского творчества Ф. Ницше с точки зрения двузначной алгебры естественного права»;
- «Дискретная математическая модель философии»;
- «Бытие “вещей в себе” И. Канта и обобщающее его “Бытие-в” М. Хайдеггера с точки зрения двузначной алгебры метафизики».

Появляются также работы, в которых обосновывается переход к новой научной картине мира — миру «цифры» и появление в ней «цифро-субъекта». Встает вполне законный вопрос: насколько правомерно применение различных приложений технических возможностей ЭВМ для перевода и анализа первоисточников, в которых поднимаются глубокие философские, мировоззренческие проблемы? В какой степени возможна (и правомерна ли в принципе) цифровизация самой философии, текстов как классической, так и современной философии? Понятно, что речь идет не о технологии CD-сканирования для оцифровки

текстов великих философов прошлого, и не о виртуальном сохранении философских произведений, и даже не о возможностях и трудностях автоматического перевода, например, произведений Канта, Гегеля, Хайдеггера или Адорно на другие европейские или восточные языки. Вопрос в том, поможет ли вычислительный поворот в понимании того, как и почему меняется образ философии в ту или иную эпоху, как рождаются новые подходы к решению «вечных проблем» и появляются новые мыслительные ходы и смыслы в понимании традиционных философских и научных проблем, как философия «работает» в системе культуры? И даже такой вопрос: «как познавательные возможности философии могут быть расширены путем компьютерного моделирования и программирования?» [13, с. 76]. Иначе говоря, нас будет интересовать не философское осмысление проблем глобальной цифровизации, не то, как эта проблема исследуется в философии, а возможности цифровизации содержания самой философии, равно как и ее разделов — логики, этики, эстетики, морали. На наш взгляд, это напрямую связано с эпистемологическими проблемами: с одной стороны, с классической вычислительной теорией сознания, с другой — с проблемой соотношения знания и понимания.

Известный русский философ, исследователь языка М. М. Бахтин писал: «Текст — первичная данность и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [4, с. 292]. Философия является текстоцентричной областью духовного производства, в которой знание неотделимо от понимания. А понимание связано со всевозможными вариантами интерпретаций. Основоположник герменевтики Фридрих Шлейермахер считал, что предметом интерпретации должны быть преимущественно те тексты, которые отделены от исследователя временной дистанцией, тексты другой культуры, погружение в которые таит опасность искаженного толкования. В более широком плане не только историко-философские тексты, но историко-научные содержат два аспекта: в них есть то, что говорится, и то, как говорится, за

которым скрываются намерения автора, его личностно-психологические особенности, исторические, социальные и культурные стереотипы эпохи. Понимание — это *процесс рекурсивного кругового движения*, учитывающий погружение и работу не только на семантическом уровне, но и на историко-психологическом, принимающем во внимание социокультурный контекст (слова и выражения).

Дальнейшее развитие герменевтика получила в трудах Ганса-Георга Гадамера и Поля Рикёра, которые увидели ее задачу не в выработке универсального метода, гарантирующего полное понимание, не в истолковании внутренних переживаний других людей, а в поиске общезначимых смыслов, что наиболее плодотворно (и параллельно) начинает развиваться в философии языка. Этому способствует бурное развитие математической логики, которую стали рассматривать как панацею в решении многих философских и научных проблем. А. С. Грязнов выделил основные подходы в понимании процедуры анализа языка, определившие аналитическую традицию. Г. Фреге и Б. Рассел заложили традицию выявления глубинных структур в суждении о мире, которая базируется на противопоставлении «глубинного» логического анализа языка «поверхностному» грамматическому анализу [7, с. 19]. С исследованиями Дж. Э. Мура связано второе направление, в котором акцент делается на важности естественного языка для прояснения человеческой мысли. Дж. Мур использовал метод перефразировки выражений, имеющих неясный смысл, сохраняя при этом синонимичность слов в тексте. Цель его концептуального анализа — выявить тонкости и нюансы употребления слов и выражений, чтобы добиться большей степени ясности, а в конечном счете и понимания.

Последователи философии позднего Витгенштейна особое внимание отводят контекстам употребления терминов [7, с. 8]. Витгенштейн обратился к коммуникативной стороне языка как виду деятельности человека в ряду других форм нелингвистической

активности. Анализируя функциональную роль слов и выражений, он иначе, чем Фреге и Рассел, проводит различие между «поверхностной» (обычный грамматический синтаксис) и «глубинной» (уровень языковых игр) грамматикой. Для человека языковые игры выступают как «формы жизни», в которых человек пребывает и правилам которых следует, употребляя те или иные выражения. Под *формами жизни* Витгенштейн понимал систему лингвистических и нелингвистических действий, лежащих в основаниях любой культуры, которые подчиняются определенным правилам, конвенционально принятым в сообществе. По Витгенштейну, понимание как способность проявляется в процессе употребления слов и выражений по принятым правилам языковой игры, но не как особая духовная процедура или когнитивное состояние. В последующих своих работах, в частности в «Философских исследованиях», он пишет, что слово может быть понято только в контексте взаимодействия человека с миром других людей, при этом не исключаются внутренние психические состояния личности, включенной в практику некоторой *формы жизни*. Последователи витгенштейновской традиции (например, Питер Уинч) сопрягают свои исследования с результатами современных герменевтиков, показывая отличие процедур понимания от естественно-научного объяснения. Исследования Карла-Отто Апеля свидетельствуют о нарастании интегративных тенденций между аналитиками и герменевтиками.

Кроме этого, во второй половине XX в. на аналитическую традицию в философии начинает воздействовать когнитивная наука. Она находится на стыке когнитивной психологии, лингвистики, *computer science*, теории информации и исследований в области искусственного интеллекта. Опираясь на концептуальные средства аналитической методологии, когнитивная наука трактует человеческое познание наподобие вычислительного процесса. Это чисто сциентистский подход к проблемам сознания, отождествляющий сознание с вычислительной системой, чего не допускала философия психологии Витгенштейна. Однако многие

современные программы искусственного интеллекта (ИИ) находят свое идеологическое обоснование, опираясь на сциентистский подход к решению проблемы знания и понимания, что стимулирует дальнейшие исследования возможностей электронного представления знаний [7, с. 231].

Традиционно считалось, что проблема понимания связана со способами вхождения в текст «чужой» культуры, «чужого» сознания, с герменевтическими процедурами интерпретации текстов, правилами экзегетики при истолковании канонических (сакральных) текстов в эпоху Средневековья. Иначе говоря, считалось, что эта проблема — прерогатива гуманитарных наук, или наук о духе как наук «понимающих», в отличие от естественных наук как наук «объясняющих». Однако если обратиться к истории естествознания и математике, то можно увидеть, что великие математики и физики прошлого столетия — Эдмунд Гуссерль, Анри Пуанкаре, Вернер Карл Гейзенберг — писали о том, что подлинное понимание возникает тогда, когда каждый неопит, вступающий на тропу познания, знакомится с трудами предшественников, во многом интуитивно постигая скрытый за сложными выкладками смысл. Гуссерль в «Началах геометрии» называет такое понимание «реактивацией смысла» [8].

Наука, объясняя нам, как устроено мироздание, расширяет пределы понимания. Переориентация же современной науки на практическую пользу, на результат отодвигает на периферию «понимательную» функцию, необходимую для формирования креативных способностей, включающих продуктивное воображение, интуицию, образность.

Французский математик Анри Пуанкаре, выделяя приемы математического мышления — интуитивный и формально-логический, — замечает преобладание формальных процедур и логики над наглядностью [15]. Однако даже в сложной, высокоформализованной математике, какой является современная, при обращении со сложными математическими объектами интуиция необходима. Герман Вейль, анализируя

программу формализации математики Давида Гильберта, сокрушался, что «аксиомы превратились в формулы, а игра в дедукцию свелась к выводу из аксиом тех или иных формул по правилам, не учитывающим смысла формул» [5, с. 23]. Как известно, в разговоре с немецким математиком Отто Блюменталем суть своего аксиоматического метода Гильберт остроумно сформулировал в известном тезисе: «Надо, чтобы такие слова, как *точка*, *прямая*, *плоскость*, во всех предложениях геометрии можно было заменить, например, словами *стол*, *стул*, *пивная кружка*» [5, с. 237]. В такой оригинальной, образной форме Гильберт предложил развернуть всю систему геометрии, предварительно прописав все знание о первичных объектах и их отношениях в аксиомах. Все остальные вопросы, связанные с наглядностью, истинностью или психологической убедительностью каждой из аксиом, не попадают в фокус внимания.

Вместе с тем важно отметить, что Гильберт не был сторонником радикального формализма. В предисловии к изданию «Наглядная геометрия» 1932 г. он писал: «В математике, как и вообще во всех научных исследованиях, встречаются две тенденции: тенденция к абстракции — она пытается выработать логическую точку зрения на основе различного материала и привести весь этот материал в систематическую связь — и другая тенденция, тенденция к наглядности, которая в противоположность этому стремится к живому пониманию объектов и их внутренних отношений» [6, с. 6]. Ту же проблему, еще не делая различия между пониманием и объяснением, поставил (в отношении к естествознанию) Вернер Карл Гейзенберг, когда пытался ответить на вопрос своего коллеги-физика Вольфганга Паули, насколько он понимает эйнштейновскую теорию относительности. Сама математическая схема, лежащая в основе теории относительности, не вызывала у Гейзенберга трудностей в понимании. Но оставалось непостижимым и вызывало беспокойство понятие времени. Великий физик обращается к вечной философской проблеме понимания времени и считает,

что понятие «понимание» в естествознании надо переопределить и не сводить к объяснению по схеме: почему то или иное явление надо вписать в такой-то закон. Переопределению подлежит такое понятие «понимания», которое сводится к прагматике, к простому навыку оперирования символами. Оно не дает полного понимания, а означает всего лишь «понять головой, но не сердцем» [9, с. 196]. Таким образом, прагматическое умение оперировать символами еще не является пониманием.

На чем же базируется уверенность (со стороны представителей «вычислительного поворота» в гуманитарных науках) в том, что цифровые технологии философствования обеспечат «квантованность философского дискурса», который в результате превзойдет (по качеству и точности) традиционное, или, как они называют, аналоговое философствование? На наш взгляд, такая уверенность основывается на отождествлении (пусть неявном) человеческого сознания с компьютерной системой.

В когнитивной психологии часто прибегают к компьютерной метафоре для демонстрации понимания процесса познания, когда компьютерные операции используют как пояснительную модель. Проводится аналогия между познавательной способностью человека и вычислительной деятельностью искусственного интеллекта (компьютера): способность накапливать информацию называют памятью компьютера, коды программирования — языками. При этом полагают, что компьютерные программы, представляющие собой инструкции по обработке определенных символов, действуют точно так же, как сознание человека. Завязка на компьютерную метафору восходит к вычислительной теории сознания.

В классической вычислительной теории сознания (ВТС) способность оперировать символами осуществляется на формально-синтаксическом уровне. Как известно, ВТС тесно связана с теорией вычислительной машины Алана Тьюринга. Процессор оперирует символами. Имеется также математическая таблица, где определенный символ, в зависимости от состояния, может меняться

на какой-то другой. Несмотря на то что модель упрощенная, она способна охватить все преобразования символов и является идеальной моделью вычисляющего сознания. Сознанию приписывается свойство компьютера, и мышление понимается как оперирование символами по соответствующей программе. Всем известен тест Тьюринга, и если его успешно проходит компьютер, то считается, что он онтологически неотличим от человека. Точно так же тогда можно сказать, что человеческое сознание неотлично от компьютера. В данном случае сознание приравнивается к мышлению, а мышление к вычислению. Это такое мышление, которое осуществляется по алгоритму. При этом не задействуется ни созерцание, ни воображение, ни интуиция, т. е. все присущие человеку особенности восприятия.

Человеческое сознание не является компьютерной системой. Синтаксическое оперирование символами не является подлинным пониманием. Символы не обязаны указывать на что-то вне себя, они самодостаточны и не подвергаются интерпретации. Строки с символами являются комбинациями, полученными по правилам вывода, и не связаны с положением дел в реальном мире. Оперирование символами напоминает математическое доказательство. Человек, чтобы понимать, должен знать, о чем идет речь. Понимание не приравнивается к чистому мышлению, хотя определенные операции с мышлением можно запрограммировать, если речь идет о нейронных сетях. Так, например, при современном развитии автоматических переводчиков Google Translate «знает» много текстов, но никакого понимания смысла этих текстов у него, разумеется, нет. Он переводит по образцам, «обучившись» на множестве разнообразных текстов.

Современный английский философ С. Шенкер говорит о заблуждении специалистов по ИИ, уверенных в успешности при «переводе» с естественного языка на формализованный язык вычислительных машин. Однако перевод с одного естественного языка на другой возможен при условии установления тождества слов

и выражений, когда выполняется витгенштейновский принцип «следования правилу». Формальные алгоритмы машинного языка, пусть даже высокого порядка, нельзя рассматривать в качестве правил языка: действия машин не являются нормативными или интенциональными. Логическая грамматика механических операций — иная (хотя и создана программистом) и не может стать грамматикой людей, сообразной правилам в рамках конкретных форм жизни [7, с. 232]. Способности понимания, убеждения, интенциональности, характерные для человеческого обучения, незаметно приписываются популярным сегодня понятиям «обучающиеся программы», «машинное обучение».

Преобразования, реализуемые на компьютере, вполне могут быть сопоставимы с мышлением, однако их основа остается математической. Только человек обладает привилегией на ментальные состояния, такие как *мышление*, *понимание*, а также *переживание* (например, переживание боли), потому что эти состояния неотделимы от жизни и деятельности. Кроме этого, существуют такие состояния сознания, как *квалиа*, которые невозможно представить в формализованном виде. Их-то и не учитывает ВТС. Понимание состояния, подобного квалиа, связано с переживанием. Кроме того, понимание — слово многозначное. Это особая способность сознания. Для понимания необходима какая-то определенная связь с опытом, со смыслом. Смысл как некая идеальная сущность не сводим к значению, к информации. Следовательно, можно понимать по-разному, по-другому. У людей разный опыт и каждый накладывает понимание на свой опыт. Это предполагает множество форм и способов предъявления понимания. Человеческое понимание связано с рефлексией. Понимание возникает о смысле смысла. Смыслоформирование — это сложный процесс, более сложная когнитивная операция, более высокого уровня, связанная с актом идеации, или эйдетической интуицией, категориальным созерцанием сущности. Понимание требует акта рефлексии.

На наш взгляд, весьма сомнительными и провокативными выглядят тезисы современных философов, пытающихся «загнать» всю историю философии в цифровую модель.

1. «“Вычислительный поворот” в гуманитарных науках и философии — это способ быстрее отреагировать на все более возрастающий запрос от информационной цивилизации на исчисляемую полиэкранность и динамическую визуализацию философской картины мира. “Аналоговые” статические философские картины мира, создававшиеся раньше великими мастерами с помощью их собственных неповторимых интеллектуальных красок, теперь вынужденно должны быть дополнены цифровыми динамическими картинками, которые по силе передачи форм и цветов, смыслов и значений не уступают своим аналоговым предшественникам» [13, с. 83].
2. «Так сложно и трудно обстоит дело с “волей к власти” в традиционной (аналоговой) истории философии. А вот в <...> дискретной математической модели метафизики (как системы) дело с “волей к власти” обстоит предельно просто и легко. Чистые гуманитарии, нагнетающие жуть якобы сверхсложной магической формулой Ф. Ницше, будут, вероятно, крайне удивлены и разочарованы <...> тем, как просто (даже неприлично просто) может быть получена магическая формула гениального Ф. Ницше каким-то посредственным “чайником”. Но таков закон развития человеческой культуры: “информация проясняется и сжимается”. То, что когда-то было результатом наивысшего напряжения человеческого гения, становится домашним заданием для среднего ученика: выполнить самостоятельно в порядке упражнения» [11, с. 115].

Подобного рода рассуждения воспринимаются как курьез не только «чистыми гуманитариями». Апологеты цифровизации образования и в частности цифровизации философии не подозревают, что на современном витке лингвистического поворота,

вслед за проблемами языка, понимания и коммуникации, возникает новый тип историко-эпистемологической рефлексии о переводе и о выработке концептуальных языков. Подходы к переводу различных интеллектуальных документов эпохи, философских текстов — таких, как, например, тексты Ф. Ницше — могут быть разными. Ницше можно рассматривать как писателя, заложившего определенную литературную традицию, а можно как идеолога грядущих геополитических катаклизмов или автора оригинальных непривычных философских текстов. Разные подходы неизбежно будут давать разные результаты. Кроме этого, необходимо учитывать существенное различие первого (ознакомительного) и последующих (ориентированных на подлинник и точную передачу смысла) переводов философских текстов, их место в культуре.

В современных теориях перевода отмечается главная проблема, которая находится на пересечении семантики и прагматики. Переводчик должен удерживать две задачи: с одной стороны, добиваться семантической эквивалентности перевода оригиналу и с другой, учитывать реальную прагматику оригинала, т. е. тот коммуникативный эффект, который производил переводимый оригинальный текст в культуре своего времени. Таким образом, как утверждает Н. С. Автономова: «Рефлексия о переводе дает нам важные эпистемологические прояснения. Она позволяет заметить, что в переводческой практике и в осмыслении перевода нередко улавливается то, что остается незаметным в других познавательных актах: дело в том, что в процессе перевода некоторые важные познавательные приемы впервые получают доступ к вербальному выражению и тем самым переходят в регистр, доступный наблюдению, операционализации и проверке» [1, с. 501]. Тем самым закладываются определенные критерии, позволяющие избежать переводческого произвола. Именно здесь компьютерные программы «машинной проверки» могут оказать помощь в переводческой деятельности.

Кроме этого, переводчик сталкивается с параллельными рядами слов на родном языке и заимствованных терминов, что открывает возможность различать тонкие оттенки смысла. Можно привести пример рецепции латинских терминов в русской философской культуре. Так, например, самобытный отечественный философ Г. С. Батищев видит ценностное различие при использовании, казалось бы, синонимичных слов: *действительность* и *реальность*; *деятельность* и *активность*; *общение* и *коммуникация*. Он обращает внимание на высокий нравственный смысл первых понятий в этих парных связках и на прагматическую рассудочную специфику вторых. Известен и другой, более ранний пример: выдающийся русский философ Вл. С. Соловьев, проводя сравнительный анализ таких слов, как *реальность* и *действительность*, усматривает потенциально-творческое начало в «становящейся действительности», в отличие от «завершенной произведенной реальности». Такое тонкое концептуальное различие, по мнению Соловьева, обогащает познавательные ресурсы языка и, в конечном счете, может влиять на философскую судьбу произведения [1, с. 502].

Таким образом, нынешнее развитие автопереводчиков, реализованных на нейросетях, не устраняет человека, так как самый совершенный компьютер не сможет предвидеть весь набор факторов и обстоятельств, которые учитывает переводчик при выборе нужного эквивалента. «Перевод — это не просто лингвистическая процедура, но этап в становлении духа» [1, с. 492].

Специфика философствования обязательно связана с рефлексией, с пониманием, с опытом, с разнообразными ходами мысли, с исследованием того, как можно мыслить иначе. Выдающийся философ прошлого столетия М. К. Мамардашвили считал, что философствование означает интеллектуальный акт «застывания» в паузе осмысления и понимания мира и себя в нем, который дает универсальное знание, свободное от «повседневной гонки за происходящим» [12].

Список литературы и источников

1. **Автономова Н. С.** Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с. (Humanitas).
2. **Алексеев А. Ю.** Методологические контуры науки об электронной культуре // Вузы культуры и искусств в мировом образовательном пространстве: новые пути наук о культуре: материалы междунар. науч.-практ. конф. (28—29 мая 2009 г.). Ч. 2. М.: МГУКИ, 2009. С. 6—16.
3. **Алексеев А. Ю.** Роль нейрокompьютера в электронной культуре // Нейрокompьютеры: разработка, применение. 2010. № 8. С. 14—26.
4. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с. (Из истории советской эстетики и теории искусства).
5. **Вейль Г.** Математическое мышление: сб.: пер. с англ. и нем. / сост. Ю. А. Данилов. М.: Наука, 1989. 400 с.
6. **Гильберт Д., Кон-Фоссен С.** Наглядная геометрия: пер. с нем. 3-е изд. М.: Наука, 1981. 344 с.
7. **Грязнов А. Ф.** Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. 375 с. (Классика философской мысли).
8. **Гуссерль Э.** Начало геометрии / введ. Ж. Деррида; пер. с фр. и нем. М. Маяцкого. М.: Ad Marginem, 1996. 269 с.
9. **Косилова Е. В.** Философия для студентов математических специальностей: учеб. пособ. М.: Изд-во Московского университета, 2021. 207 с.
10. **Краlechкин Д.** Разум и глупость в цифровую эпоху // Логос. 2013. № 3 (93). С. 178—186.
11. **Лобовиков В. О.** От цифровой фотографии к цифровой философии (цифровые технологии философствования — важное дополнение к аналоговой философской традиции и направление современного дискурса) // Дискурс-Пи: науч.-практ. альманах. 2007. № 1 (7). С. 113—116.
12. **Мамардашвили М. К.** Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
13. **Макулин А. В.** Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере и цифровая философия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 76—86. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.2.76>
14. **Можжаева Г. В., Можжаева-Ренья П. Н., Сербин В. А.** Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного ун-та. 2014. № 389. С. 73—81.
15. **Пуанкаре А.** Интуиция и логика в математике // О науке / Анри Пуанкаре. Ч. 1: Математические науки. М.: Наука, 1983. С. 159—169.
16. **Симондон Ж.** О способе существования технических объектов / сокращ. пер. и коммент.: М. Куртов // Транслит: лит.-крит. альманах. 2011. № 9. С. 94—105.
17. **Симондон Ж.** Суть техничности / пер. Д. Скопина // Синий диван: филос.-теорет. журн. 2013. № 18. С. 93—114.
18. **Стиглер Б.** Дух просвещения в эпоху философской инженерии / пер. с фр.: В. Соловей // Художественный журнал. 2018. № 106. С. 60—69.

References

1. Avtonomova N. S. *Knowledge and Translation. Experience of the Philosophy of Language*. Moscow: ROSSPEN, 2008. 704 p. (In Russian). Humanitas.
2. Alekseyev A. Yu. "Methodological Outline of Science Dealing with Electronic Culture". *Vuzy kul'tury i iskusstv v mirovom obrazovatel'nom prostranstve: novyye puti nauk o kul'ture: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (28—29 maya 2009 g.)*. Part 2. Moscow: Moscow State University of Culture, 2009. 6—16. (In Russian).
3. Alekseyev A. Yu. "The Role of Neurocomputer in Electronic Culture". *Neyrokomp'yutery: razrabotka, primeneniye = Neurocomputers* 8 (2010): 14—26. (In Russian).
4. Bakhtin M. M. *Esthetics of Written Word*. Moscow: Iskusstvo, 1979. 423 p. (In Russian).
5. Weyl Hermann, Danilov Yu. A., comp. *Mathematical Way of Thinking*, collected works. Moscow: Nauka, 1989. 400 p. (In Russian).
6. Gilbert D., Cohn-Vossen S. *Anschauliche Geometrie*. Berlin: Springer, 1932. viii, 312 S. (In German). <https://doi.org/10.1007/978-3-662-36685-1>
7. Gryaznov A. F. *Analytic Philosophy*. Moscow: Vysshaya shkola, 2006. 375 p. (In Russian). Klassika filosofskoy mysli.
8. Husserl Edmund. *L'Origine de la géométrie*. Trad. et introd. par Jacques Derrida. Paris: Presses Universitaires de France, 1962. 219 p. (In French).

9. Kosilova E. V. *Philosophy for Mathematical Students*, study guide. Moscow: Moscow State University Publ., 2021. 207 p. (In Russian).
  10. Kralechkin Dmitriy. "Reason and Stupidity in the Digital Age". *Logos: Russian Journal of Philosophy & Humanities* 3 (93) (2013): 178—186. (In Russian).
  11. Lobovikov V. O. "From Digital Picture to Digital Philosophy (Digital Technologies of Philosophical Thinking — Important Supplement to Analogy Philosophical Tradition and New Direction of the Modern Discourse)". *Diskurs-Pi: nauch.-prakt. al'manakh = Discourse-P: Scientific and Practical Almanac* 1 (7) (2007): 113—116. (In Russian).
  12. Mamardashvili M. K. *The Way I Understand Philosophy*. Moscow: Progress, 1990. 368 p. (In Russian).
  13. Makulin Artem V. "Intellectual Systems within the Humanities and Digital Philosophy". *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences* 2 (2016): 76—86. (In Russian). <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.2.76>
  14. Mozhaeva Galina V., Mozhayeva Renha Polina N., Serbin Vsevolod A. "Digital Humanities: Organizational Forms and Infrastructure Research". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta = Tomsk State University Journal* 389 (2014): 73—81. (In Russian).
  15. Poincaré Henri, Halsted George Bruce, transl. "Intuition and Logic in Mathematics". *The Mathematical Sciences*. Part 1 of *The Foundations of Science*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. 210—222. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107252950>
  16. Simondon Gilbert. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier, 1989. 333 p. (In French).
  17. Simondon G., Skopin D., transl. "The Essence of the Technicity". *Siniy divan: filosof. zhurn.* 18 (2013): 93—114. (In Russian).
  18. Stiegler Bernard. "L'esprit des Lumières à l'époque du philosophical engineering". *Intellectica* 59 (2013): 29—40. (In French).
- Информация об авторе**
- Кнэхт Наталья Петровна** — кандидат философских наук, доцент, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).
- Information about the author**
- Natalia P. Knekht** — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian Sciences, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).
- Статья поступила в редакцию 19.09.2022.
- The article was submitted 19.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 127—132.
Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 127—132.
Научная статья

УДК 35
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-127-132

Информационная политика в сфере военной безопасности в контексте защиты национального менталитета

А. А. Ковалев

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург,
Россия*

kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Показана взаимосвязь таких категорий и феноменов, как «информация», «информационная политика», «военная безопасность», «национальный менталитет», «национальная безопасность». Обосновывается важность информационной политики как одного из направлений обеспечения военной безопасности нации, защиты национального менталитета и информационно-психологической безопасности личности. Отмечается, что стратегически значимым прорывом в обеспечении военной безопасности является переход современного государства на официально провозглашенную и нормативно закреплённую политику защиты национального менталитета.

Ключевые слова: информация, безопасность личности, национальные интересы, национальная безопасность, национальный менталитет

Для цитирования: Ковалев А. А. Информационная политика в сфере военной безопасности в контексте защиты национального менталитета // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 127—132. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-127-132>

Original article

Information policy in the sphere of military security in the context of protecting the national mentality

A. A. Kovalev

*North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia*

kovalev-aa@ranepa.ru

© Ковалев А. А.

Abstract. The interrelation of such categories and phenomena as “information”, “information policy”, “military security”, “national mentality”, “national security” is shown. The importance of information policy as one of the directions of ensuring the military security of the nation, protecting the national mentality and information and psychological security of the individual is substantiated. It is noted that a strategically significant breakthrough in ensuring military security is the transition of a modern state to an officially proclaimed and normatively fixed policy of protecting the national mentality.

Keywords: management, organization, system, complex, function, activity

For citation: Kovalev A. V. “Information Policy in the Sphere of Military Security in the Context of Protecting the National Mentality”. *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 127—132. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-127-132>

Введение

Рассматривая информацию как ресурс для осуществления политико-властных отношений, необходимо констатировать, что она действительно выступает в указанных отношениях структурообразующим элементом. Известно, что социальные, экономические, политические и военные ресурсы являются жизнеобеспечивающими компонентами в формировании и развитии властных отношений. Владение информационными ресурсами позволяет их обладателю пользоваться преимуществами в осуществлении своей властной воли. Практический опыт показывает, что информационный компонент и обеспечение его безопасности — это ключевые факторы, влияющие на стабильность других источников и ресурсов власти. Напротив, недостаточность, неполнота и недостоверность информации, а также неэффективность управления информационными ресурсами практически лишает субъектов власти возможности достигать политических целей.

Целью настоящего исследования является доказательство гипотезы, что защита национального менталитета должна являться ключевым направлением информационной политики в области обеспечения военной безопасности. Задачи исследования: 1) определить место национального менталитета в системе национальной безопасности государства; 2) раскрыть феномен информационной политики в сфере обеспечения военной безопасности;

3) продемонстрировать, что целью информационной политики по защите национального менталитета является обеспечение информационно-психологической безопасности граждан.

В методологическом отношении, настоящее исследование опирается на теорию «общества наблюдения» (П. Бурдьё, О. Дженсен, Т. Ричардсон, Э. Холл), которое может быть определено как «общество, обладающее ресурсом власти над объектом, информацией о котором владеет» [1, с. 147]. Согласно этой теории, информация делает современное общество мобильным, открытым, динамичным и в то же самое время уязвимым по отношению к угрозам информационной войны. Методологическую основу исследования составили также труды отечественных ученых (Г. В. Грачева, А. И. Донцова, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотовой, И. К. Мельника и пр.) в области психологии безопасности, которая, в свою очередь, тесно связана с политической психологией, этнопсихологией, военной психологией [3, с. 205].

Результаты

Современные социальные и политические процессы порождают множество новых угроз. Так, войны современности являются гибридными (главной ареной борьбы в них становится не физическое пространство, а информационно-сетевое поле); они приводят к меньшему числу человеческих жертв,

но, тем не менее, ведут к иным разрушениям и потерям, сокрушая области национального менталитета противников. Гибридные войны приобрели особо разрушительный характер благодаря возможностям современного информационно-коммуникационного пространства. По справедливому суждению М. В. Салтыковой, «информационное насилие над менталитетом и системой духовно-нравственных, культурно-исторических ценностей не имеет никаких ограничений по своему разрушительному воздействию» [9, с. 173]. Национальный менталитет является одной из основных «мишеней» в войнах современности, с другой стороны, национальный менталитет, идентичность и культура в целом становятся потенциальными объектами государственной защиты, обеспечить которую способна эффективная, адекватная сложившимся обстоятельствам информационная политика, реализуемая в рамках общей системы национальной безопасности государства.

В современной России защита национального менталитета провозглашается одним из направлений обеспечения национальной безопасности. Так, в части IV Стратегии национальной безопасности РФ (ред. от 02 июля 2021 г.) «Обеспечение национальной безопасности» приводится и раскрывается перечень стратегических национальных приоритетов, и такой из них, как «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала», стоит на первом месте в этом списке [10]. «Сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан» названы и в числе национальных интересов современной России (ст. 25 части III «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты» Стратегии национальной безопасности РФ).

Поддержание и сохранение духовно-нравственных ценностей, культуры, традиций и т. д. также признается первостепенной задачей обеспечения национальной безопасности России. Важность этого направления государственной политики объясняется расширением масштабов применения

гибридного насилия против народа РФ со стороны недружественных государств. Степень разрушительности гибридных форм насилия для систем безопасности всего мира может быть проиллюстрирована ментальным отдалением двух некогда похожих (по крайней мере, по происхождению) и братских украинского, российского и белорусского народов. При этом важно отметить, что процесс этот начался задолго до кризиса и открытой конфронтации: по мнению исследователей А. С. Братчик и К. П. Курылева, с которым мы солидаризируемся, эти процессы взаимного отдаления имеют глубокие исторические корни, а причиной его явились массированные информационные атаки и манипуляции сознанием народов [2].

Информационная политика в современных условиях приобретает особую актуальность по причине обострившейся внешнеполитической обстановки: в настоящее время мы наблюдаем процесс содержательного слияния информационного и военного направлений политики безопасности [11]. Структурно информационную политику в сфере военной безопасности можно представить как системное единство субъектов, объектов, целей, средств и методов. Объектами информационной политики являются общество, государство, вооруженные силы, технические системы и т. д. В качестве средств выступают каналы массовой информации, социальные сети, ток-шоу, культурно-образовательные мероприятия, нормативно-правовая база и пр. элементы информационного пространства. Субъектами информационной политики в области военной безопасности являются институты власти, которые имеют полномочия в сфере национальной безопасности. Соответственно, под *информационной политикой в сфере военной безопасности* следует понимать совокупность решений и действий субъектов государственной власти, направленных на обеспечение целей и задач военной безопасности государства путем воздействия на объекты данной политики с применением информационных средств и методов.

Важно отметить, что наряду с институтами власти субъектами информационной политики в сфере обеспечения военной безопасности может выступать и гражданское общество. Налаженная связь между властными структурами и обществом формирует взаимоотношения, способствующие социальной, идеологической и ценностной идентичности, политической стабильности, динамичности развития политических процессов. Потеря же влияния гражданского общества на субъекты власти чревата негативными последствиями. Однако в современной России деятельность институтов гражданского общества находится под непрерывным государственным контролем. Так, институты гражданского общества в своей информационной политике с момента принятия поправок в ФЗ от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [8, с. 8] фактически находятся в стадии балансирования «между молотом и наковальней», вынужденные встраиваться в новую систему законодательства и разрабатывать более взвешенную тактику, отказываясь от активного давления на органы власти по причине возможного отнесения к числу иностранных агентов.

Центральной категорией информационной политики и информационной войны является информационно-психологическое воздействие: «Психологическое воздействие оказывается на конкретные сферы психики отдельного человека, групп людей и общественного сознания в целом:

- потребностно-мотивационную (знания, убеждения, ценностные ориентации, влечения, желания);
- интеллектуально-познавательную (ощущения, восприятия, представления, воображение, память и мышление);
- эмоционально-волевую сферу (эмоции, чувства, настроения, волевые процессы);
- коммуникативно-поведенческую (характер и особенности общения, взаимодействия, взаимоотношений, межличностного восприятия)» [7, с. 102].

Иными словами, определенные действия субъекта влияния нацелены на то, чтобы спровоцировать конкретное действие объекта влияния [4, с. 147]. В определенной степени, посредством использования такого рода влияния были организованы все «цветные революции» в истории.

Объектами информационно-психологического воздействия в войнах современности выступают вооруженные силы (личный состав армии) и общество. Безусловно, психика человека отражает содержание информационного поля. Агрессивное информационное воздействие ведет к деформациям психики. Соответственно, успешными могут считаться атаки, в результате которых произошло изменение мировоззрения и ценностных ориентаций военнослужащих и населения государства-противника, подрыв боевого духа армии и флота [5, с. 9]. Это означает, что психическое здоровье человека как системообразующей единицы общества является фундаментальной национальной ценностью современного государства [6]. В данном контексте информационная безопасность может рассматриваться как информационно-психологическая безопасность личности, обеспечиваемая государством.

А в чем же ценность психики отдельно взятого человека для целого государства? Дело в том, что человек является не только носителем индивидуального сознания, в котором воплощается его психологический склад. Человек — это носитель культурного кода, национального менталитета, которые делают совокупность граждан не только социальной группой, а единым народом с особым складом коллективного сознания, характера, истории, судьбы.

Почему национальный менталитет в последние годы стал объектом государственной охраны в нашем государстве? Ответ прост: потому что до тех пор, пока на него не покушались, его принято было считать незыблемым по своей природе явлением, данностью, которая была, есть и будет; превентивных мер защиты к российскому национальному менталитету не применялось, поэтому в настоящее время, в периоды активных информационно-психологических атак, он оказался под угрозой.

Почему важно сохранить национальный менталитет? Он важен в первую очередь для тех государств и народов, которые дорожат своей культурно-исторической самостью и целостностью. Такой является Россия. Именно сохранение национального менталитета позволит нашему государству отстоять свой суверенитет и независимость.

Выводы

Национальный менталитет является важной составной частью системы национальной безопасности современного государства. Этот тезис получил нормативно-правовое, доктринальное закрепление в нашем государстве только в XXI в., и это стоит признать большим достижением в области защиты национальных интересов России на международной арене.

В современных условиях очередного передела сфер влияния в мире и вступления человечества в эпоху цифровизации особую актуальность приобретает информационная политика. Защита личности и ее психологического здоровья является одним из приоритетов обеспечения национальной безопасности современного государства.

Список литературы и источников

1. **Боташева А. К., Абазалиева М. М., Белоконь А. Ю.** Общество наблюдения: психотронное и информационно-психологическое оружие как конструкты политического влияния // Современная наука и инновации. 2020. № 4 (32). С. 147—153. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2020.4.22>
2. **Братчик А. С., Курyleв К. П.** Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 5. С. 450—463. EDN WUKDEJ.
3. **Вишневская В. П.** Значимые аспекты психологической безопасности // Эко-потенциал. 2019. № 1 (25). С. 204—210. EDN VHXHLQ.
4. **Лантев А. А., Сорокоумова С. Н., Юдин О. А.** Психологическое воздействие на личность и ее безопасность: постановка проблемы // Психолого-педагогический поиск. 2021. № 4 (60). С. 144—156. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.60.4.013>

5. **Лубяной В. И., Щербина А. А.** Информационно-психологическое воздействие противника: сущность, история, современность, пути и методы защиты // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. Т. 2. № S (80). С. 93—98. EDN QNYGNJ.
6. **Манжуева О. М., Некрасов С. И., Некрасова Н. А.** Информационно-психологическая безопасность — важнейший аспект безопасности государства // Инновации в гражданской авиации. 2017. Т. 2. № 3. С. 28—34. EDN ZGFZHB.
7. **Манойло А. В.** Государственная информационная политика в особых условиях: монография. М.: Моск. инженер.-физ. ин-т, 2003. 388 с.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (дата обращения: 20.10.2022).
9. **Салтыкова М. В.** Разрушение русской ментальности — концентрическая угроза гибридных войн XXI века // Вестник Московской международной академии. 2018. № 1. С. 162—175. EDN XURIJ.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 19.10.2022).
11. **Фадеев К. В., Борисова И. А.** Политологический анализ реализации информационной политики российского государства в современных внешнеполитических условиях // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 2 (55). С. 196—200. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-2-55-196-200>

References

1. Botasheva Asiyat K., Abazalieva Madina M., Belokon Anna Yu. "Observation Society: Psychotronic and Informational-Psychological Weapons as Constructs of Political Influence". *Sovremennaya nauka i innovatsii = Modern*

- Science and Innovations* 4 (32) (2020): 147—153. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2020.4.22>
2. Bratchik A. S., Kurylev K. P. “The Process of Forming an Anti-Russian Policy in Ukraine: History and Modernity”. *Postsovetkiye issledovaniya = Post-Soviet Research* 5.5 (2022): 450—463. (In Russian). EDN WUKDEJ.
3. Vishnevskaya Valentina P. “Important Aspects of Psychological Security”. *Èko-Potencial* 1 (25) (2019): 204—210. (In Russian). EDN VXHXLQ.
4. Laptev A. A., Sorokoumova S. N., Yudin O. A. “Psychological Impact and Psychological Safety”. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk = Psychological and Pedagogical Search* 4 (60) (2021): 144—156. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.60.4.013>
5. Lubyanyoy V. I., Shcherbina A. A. “Information and Psychological Influence of the Enemy: Essence, History, Modernity, Ways and Methods of Protection”. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* 2.S (80) (2021): 93—98. (In Russian). EDN QNYGNJ.
6. Manzhueva Oksana M., Nekrasov Sergey I., Nekrasova Nina A. “Information and Psychological Security as an Important Aspect of State Security”. *Innovatsii v grazhdanskoy aviatsii* 2.3 (2017): 28—34. (In Russian). EDN ZGFZHB.
7. Manoylo A. V. *Information Policy of the State under Special Conditions*, monograph. Moscow: MEPhI, 2003. 388 p. (In Russian).
8. “On Amendment of Certain Legislative Acts of the Russian Federation with Respect to Regulation of Nonprofit Organizations Acting as Foreign Agent: Federal Law of July 20, 2012 No. 121-FZ (Latest Available Revision)”. *Konsul'tantPlyus*. N. d. (In Russian). Web. 20 Oct. 2022. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/>.
9. Saltykova Marina V. “The Destruction of the Russian Mentality — A Consecutive Threat of Hybrid Wars of the XXI Century”. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii* 1 (2018): 162—175. (In Russian). EDN XURIJ.
10. “National Security Strategy of the Russian Federation, approved by RF Presidential Decree of July 02, 2021 No. 400”. *Konsul'tantPlyus*. N. d. (In Russian). Web. 19 Oct. 2022. <https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/>.
11. Fadeev Kirill V., Borisova Irina A. “Politological Science Analysis of the Implementation of the Information Policy of the Russian State on Modern Foreign Policy Conditions”. *Vestnik BIST (Bashkirkogo instituta sotsial'nykh tekhnologii) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)* 2 (55) (2022): 196—200. (In Russian). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-2-55-196-200>.

Информация об авторе

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43).

Information about the author

Andrey A. Kovalev — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Northwest Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation (Russia, 199178, St. Petersburg, Sredny ave. V.O., 57/43).

Статья поступила в редакцию 20.09.2022.

The article was submitted 20.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 133—140.
Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 133—140.
Научная статья

УДК 101.3
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-133-140

Основные идеи по философии управления в работах А. А. Богданова и Г. П. Щедровицкого

Н. Б. Ломакина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

krisyankin@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является выделение элементов философии управления в трудах А. А. Богданова и Г. П. Щедровицкого. Проведен анализ текстов указанных философов, выявлены их основные идеи относительно таких категорий, как управление и система. По мнению автора статьи, оба философа имеют сходные взгляды на понятие системы — они идут не от материала, а от функции, деятельности, механизма. Перечислены признаки, по которым можно сделать вывод о том, что философские взгляды Богданова и Щедровицкого имеют общие черты.

Ключевые слова: управление, организация, система, комплекс, функция, деятельность

Для цитирования: Ломакина Н. Б. Основные идеи по философии управления в работах А. А. Богданова и Г. П. Щедровицкого // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 133—140. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-133-140>

Original article

The main ideas on the philosophy of management in the works of Alexander Bogdanov and Georgy Shchedrovitsky

N. B. Lomakina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

krisyankin@yandex.ru

Abstract. The purpose of this work is to highlight the elements of management philosophy in the works of Alexander Bogdanov and Georgy Shchedrovitsky. The analysis of the texts of these philosophers is carried out, their main ideas concerning such categories as management and system are revealed. In the author's opinion, both philosophers have similar views on the concept of a system, as they come not from the material, but from the function, activity, mechanism. The signs by which it can be concluded that the philosophical views of Bogdanov and Shchedrovitsky have common features have been listed.

© Ломакина Н. Б.

Keywords: management, organization, system, complex, function, activity

For citation: Lomakina N. B. “The Main Ideas on the Philosophy of Management in the Works of Alexander Bogdanov and Georgy Shchedrovitsky”. *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 133—140. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-133-140>

Александра Александровича Богданова и Геннадия Петровича Щедровицкого можно отнести к плеяде наиболее ярких и самобытных русских философов XX в., исследовавших проблемы философии управления.

Богданов был уникальным ученым-энциклопедистом, занимавшимся не только философией, но и экономикой, биологией, медициной и литературским трудом. Он предвосхитил развитие общесистемных подходов в науке, внес весомый вклад в развитие экономики, социологии, культурологии, лингвистики, педагогики. Его идеи значительно опережали свое время и продолжают обогащать развитие таких отраслей знания, как кибернетика и биохакинг, а некоторые теоретические вопросы, поставленные в его работах, и по сей день не могут быть решены учеными.

Сосредоточимся на управленческой концепции ученого. На наш взгляд, особенный интерес представляют его идеи о рациональности как особой характеристике процесса управления. Особый подход Богданова к управлению, состоявший в том, чтобы не решать отдельные задачи, а создавать решения для целых массивов обобщенных задач, был исключительно оригинальным и инновационным. Ученый предлагал классифицировать возможные управленческие задачи и выработать стандартные решения для каждого их класса, чтобы оформить и протестировать на эффективность управленческие алгоритмы, на которые будет опираться вся система управленческих отношений. Сам Богданов говорил об этом следующее: «Но, спросят нас, какая польза в этой универсализации? Что прибавляет к реальному содержанию задач, что убавляет в трудностях решения, если мы поняли, что все они — организационные? Отвечаю: обобщенно-осознанная их постановка дает обобщенно-сознательный подход к ним; это первый этап выработки всеобщих методов их решения» [2, с. 49].

Богданов предложил унифицировать и сам алгоритм постановки задач: практически отождествляя обобщение и упрощение, он выдвинул гипотезу, что обобщение повышает возможность и вероятность эффективного решения проблем. Он показывал, что, удаляя усложняющие моменты, сводя к минимальному числу повторяющиеся элементы, теоретик может на первом этапе решить проблему в целом. Затем, добавив конкретные переменные, можно вернуться к решению частной проблемы: «Так мы приходим к вопросу об универсально-обобщенной постановке задач. Это и есть наша постановка» [2, с. 46—47].

Инновационные управленческие идеи были изложены А. Богдановым в его фундаментальном труде «Тектология. Всеобщая организационная наука», вышедшем в двух частях в 1913 г. В предисловии к немецкому изданию «Тектологии» Богданов писал, что совершенно любую задачу следует рассматривать как организационную, потому что она складывается из определенной суммы элементов («данных»), а ее постановка «зависит от того, что наличная комбинация этих элементов не удовлетворяет то лицо или коллектив, который выступает в этот момент как субъект управления. “Решение” сводится к новому сочетанию элементов, которое “соответствует потребности” решающего, его “целям”, принимается им как “целесообразное”. Понятия же “соответствие”, “целесообразность” всецело организационные, а это значит, выражающие некоторые повышенные, усовершенствованные соотношения, подобные тем, какие характеризуют организмы и организации, соотношение “более организационное”, с точки зрения субъекта, чем то, какое имелось раньше» [2, с. 48].

Сам термин «тектология» также был введен Богдановым. Ученый полагал, что специализация и разделение труда неизбежно

ведут к сужению общечеловеческого взгляда на предмет до узкопрофессиональных рамок. Однако по всем трем главным направлениям производства — производству людей, вещей и идей — постоянно происходят процессы усложнения и диверсификации. Поэтому для гармоничного взаимодействия всех направлений необходима теоретическая основа: совершенная организационная наука — тектология. Ученый был абсолютно убежден в необходимости такой науки: «Эта триединая организация — вещей, людей и идей — очевидно, не может быть построена иначе, как на основе строгой научной плановости, а именно всего организационного опыта, накопленного человечеством. Но ясно также, что в своем нынешнем виде, раздробленном, разорванном на специальные науки, он недостаточен для этого. Необходимо, чтобы сам он был организован целостно и стройно, иначе его применение не способно выйти за пределы дробных, частичных задач. Необходимо, следовательно, универсальная организационная наука» [1, с. 9]. Ученый здесь рассуждает не просто о государстве как субъекте централизованного управления экономикой, а о принципиально новой модели управления всем обществом, государством и, в частности, экономикой.

Свои радикальные взгляды на теорию управления Богданов изложил также в художественной форме в социальном романе-утопии «Красная звезда» (1908). Согласно сюжету романа, при организации планового производства на различных предприятиях Марса соблюдались многие коммунистические принципы, в том числе принцип добровольности («От каждого по способности — каждому по потребностям»), а тяжелый физический труд был исключен благодаря высокому уровню развития технологий. Рабочая сила отличалась высокой мобильностью: в течение одного 6-часового рабочего дня рабочие и служащие могли перемещаться между различными предприятиями и даже отраслями. Само перемещение также осуществлялось на добровольной основе в ответ на запросы, возникающие в различных отраслях производства на специалистов различных профилей и квалификаций.

Конечно, Богданов — не единственный, кто развивал идею обобщения и классификации задач. В частности, в 1920—30-е гг. ученые выработали решения для целых классов организационно-экономических задач, давших основу математической школе управления, а Л. В. Канторович предложил применять в управлении принципы линейного программирования, позволяющие решать по заданному алгоритму целые классы задач. Однако Богданов пошел значительно дальше: он заявил, что сама жизнь человека и коллектива являет собой цепь постановленных и решенных задач, а главным препятствием к всеобщему благоденствию выступает их разнородность.

Богданов видел организационные примеры и возможности повсюду. Он обнаруживал их в повседневной жизни обычной женщины, одновременно решающей множество бытовых, воспитательных, экономических, медицинских, профессиональных проблем. Богданов полагал, что управленческие аспекты имеют место и в творчестве: музыканты и композиторы используют одни и те же ноты, но получают различный результат. На основе своих наблюдений Богданов сделал вывод, что новое музыкальное звучание и появление новых смыслов связано с различными управленческими подходами к организации творчества. Даже проблему облечения мыслей в слова ученый считал управленческой задачей.

Отметим, что некоторые тектологические идеи Богданова перекликаются с парадигмальной теорией Т. Куна, изложенной им в 1962 г. в книге «Структура научных революций». Подобно Богданову, считающему любую задачу организационной, Кун объединял понятием парадигмы общепризнанные научные достижения, дающие ученым модель постановки проблем и их решений в течение определенного времени. То есть организационная структура у Богданова выступает некой парадигмой, в рамках которой необходимо рассматривать все возможные задачи, и по Богданову в поле управленческих и организационных вопросов попадает буквально всё. Понимание Богдановым системы как процесса (потока) независимых

компонентов, связанных циклами развития и деградации (об этом далее), перекликается с философско-методологической концепцией Куна о развитии любого научного знания как процесса последовательной смены периодов так называемой нормальной науки и научных революций.

Крайне интересны взгляды Богданова на понятие системы, которое пронизывает все его труды. Систему (комплекс), как отмечает М. В. Локтионов, ученый понимал не просто как множество составляющих, связанных между собой определенными отношениями, а как процесс или поток независимых элементов, развивающихся циклически, проходя этапы развития и деградации [6]. Богданов внес большой вклад в развитие концептуального ядра общей теории систем. Термин «теория организации», если его подробно разобрать, правильно отражает смысл, который в него хотел вложить Богданов, — это теория создания и функционирования системы, причем системы, предназначенной именно для выполнения определенной формы деятельности. Богданов был первым философом, рассмотревшим динамику возможных изменений организаций под действием внешних или внутренних факторов или изменений целей, для которых ее создавали. Крайне важно, что он перенес основы этой науки в область обществоведения, сделал ее необходимой частью данной науки. Более того, он предпринял попытку анализа возможных механизмов, благодаря которым происходит изменение организационных структур. Таким образом, полагает М. В. Локтионов, Богданов был, по-видимому, первым, кто зафиксировал существование общих законов (правил) формирования и изменения организационных структур, независимо от их физической природы. По существу, он обнаружил и предложил решение центральной проблемы «теории систем»: в чем природа и причина появления системообразующих факторов и свойств системы, не сводимых к свойствам ее элементов [6, с. 93].

Помимо А. А. Богданова, большое внимание понятиям организации и системы уделял более поздний советский ученый

Г. П. Щедровицкий, также оставивший богатое и оригинальное философское наследие. Щедровицкий осмысливал управление в рамках теории деятельности, центральной идеей которой является развитие (и воспроизводство деятельности); управление, в свою очередь, наряду с рефлексией, он понимал как один из механизмов развития. Теория Щедровицкого называется системомыследеятельностной методологией (СМД-методологией). Она, как и организационно-деятельностные игры (ОДИ), разработанные Щедровицким, базируется на марксистских принципах понимания деятельности человека, а также на принципах рациональности: в соответствии с методологией, при рассмотрении реальной предметной ситуации ее «препарируют» определенным образом, получая рациональное «изображение», а затем стараются придать ей новую форму и найти рациональный выход из ситуации. Большая роль в этой методологии отведена схемам, необходимым для контроля за мышлением.

Есть три способа управленческого воздействия на деятельность людей: проектирование, руководство, управление. По Щедровицкому, для управления деятельностью сначала надо выбрать между этими тремя видами воздействия на управляемые процессы. Философ считал, что проектирование — крайне сложный и почти неосуществимый способ воздействия, тогда как руководство и управление — возможны.

В чем их различие? Руководство — это способ воздействия, применяемый в рамках определенной организации. Организация, в свою очередь, является конструкцией, состоящей из заполненных людьми функциональных мест, над которыми и производится руководство. Оно возможно только в рамках специально созданных организационных связей, а его суть — в постановке задач перед нижестоящими элементами. Управление же подразумевает наличие у объекта самодвижения, разворачивающегося по определенной траектории, позволяющего объекту перейти из состояния А в состояние Б. Также должен быть второй объект (который является управляющей системой), связывающий

свое существование с состоянием первой системы и влияющий на траекторию движения объекта, меняющий ее в соответствии со своими целями. Для осуществления такой процессуально-объектной схемы управления, как отмечают С. В. Комаров и С. И. Кордон, управляющему необходимо знать:

- свои цели как управляющей системы, т. е. представлять желаемое состояние управляемой системы;
- траекторию реального движения управляемого объекта;
- прогноз будущего состояния;
- особенности внутренних процессов управляемой системы;
- возможности и ресурсы управляющей системы;
- план действий [3, с. 145].

Хотя обычно имя Щедровицкого ассоциируется с логикой, теорией познания и методологией, он также занимался антропологическими проблемами, в частности, работал над проектом создания человека нового типа. Разработки велись в привычном философу марксистском русле, однако отдельные моменты сходны с концепциями человека будущего Дж. Белла, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы и других. Этот проект Щедровицкого ценен для философии управления тем, что эти «новые люди», согласно замыслу ученого, должны были взять в свои руки управление страной, создав определенное «тайное общество», и незаметно для госаппарата «провернуть» ряд реформ, кардинально преобразующих общество. Не все члены Московского методологического кружка, созданного философом, были посвящены в этот амбициозный проект. Но сам Щедровицкий в частных разговорах упоминал: «Идея <...> в том, чтобы разобрать устройство социума на узлы и детали, посмотреть, как оно устроено, найти там блок управления, пути подхода к нему, проникнуть, взяться за рычаги и править в нужную сторону» [5], «...Сегодня главный процесс для страны — формирование <...> слоя высококлассных оргуправленцев, а также — формирование соответствующих идей организации, руководства и управления» [8, с. 28]. Щедровицкий был уверен,

что человек, владеющий СМД, способен преобразовывать мир в его различных модификациях, поэтому способен стать «гражданином вселенной и участником всей истории человечества» [9, с. 336]. Главной особенностью этого «нового человека» станет компетенция познавательной активности, дающая ему возможность анализа и поиска максимально эффективного решения проблем любой сложности. Конечно, этот антропологический проект философа был не менее утопичным, чем проект построения коммунизма на Марсе, однако наработки Щедровицкого в области исследования структур мышления еще долго будут востребованы современными учеными и специалистами-практиками. Принципы СМД-методологии сегодня активно применяются в процессах социального управления в России и за рубежом¹.

Большое внимание Щедровицкий уделял феномену системы [7]. Он заложил основы новой теории систем, предложив отказаться от понимания системы как единства составных частей (элементов), а также взаимосвязей и отношений между ними. Ученый заметил, что, применяя это толкование, исследователи неизбежно сталкиваются с парадоксами, такими как парадокс совпадения-несовпадения простого тела и элемента, парадокс материальности-нематериальности связей и структур. Щедровицкий полагал, что современный системный подход, развивающийся в проектировании и в новых научных дисциплинах, уже не может иметь в своей основе традиционное понятие системы, свертывавшее в себе «указанные выше процедуры измерения параметров, разложения объекта на части и погружения частей внутрь целого, что ему уже недостаточно онтологического представления “системы” в виде совокупности элементов и объединяющей их

¹ Щедровицкий не касался в своих научных трудах проблем организации государственной власти напрямую, однако не исключал для себя карьеры в области политического управления [10, с. 221—222]. Сегодня последователей Щедровицкого действительно можно часто встретить в структурах руководства органами государственной власти различных уровней.

структуры, а также тех понятий “элемент”, “связь”, “зависимость”, “структура” и др., которые обслуживали эту онтологическую картину» [7, с. 151]. Ученый утверждал, что основные категории системного подхода и понятие системы изменяются, так как современный системный подход предполагает совсем иную процедурную базу, а значит, также и иную онтологическую картину «системы», в которой фиксируются иные стороны ее как объекта и предмета изучения и в иных соотношениях.

Суть нового подхода ученый предложил выразить в следующем принципе: «...рассмотреть какой-либо объект в виде сложной системы — значит представить его последовательно в четырех категориальных планах: 1) процессах какого-то одного вида, 2) функциональной структуры, 3) организованностей материала, 4) морфологии, — а затем разложить план морфологии еще раз по всем указанным планам и продолжать эту процедуру до тех пор, пока не получится необходимое нам конкретное представление объекта» [7, с. 152].

Щедровицкий предложил рассматривать систему с позиций проектирования: согласно его предположению, систему объединяет и атрибутирует продукт, который должна произвести машина или сложная система, или функция, которую система выполняет в своей целостности. Отсюда следует, что аналитик должен осмыслить прежде всего функцию, т. е. процесс осуществления целенаправленных заданных преобразований объекта деятельности, и описать функционирование системы. То есть проектировщик должен стартовать с идеально заданных функций и функционирования — и только потом переходить к изучению элементов и целого, обеспечивающих реализацию функции. Функционирование является основным объектом управленческой деятельности. Изучающему нужно особым образом представлять этот объект: таким образом, чтобы его можно было компоновать, преобразовывать и трансформировать в известных пределах, независимо от материала и иных переменных, которые изменяются в соответствии с проектируемым способом

функционирования для достижения максимальной эффективности. Этот специфический порядок выделения и организации объекта, сложившийся в техническом и социальном проектировании, затем получил распространение в рамках смежных научных дисциплин.

Щедровицкий выделяет ряд преимуществ нового представления системы перед прежним. Одним из них является возможность легко соединить любые процессуальные представления о системе, в том числе эволюционно-генетические, со структурными и организационными. Еще одно преимущество состоит в том, что без затруднений и парадоксов решается проблема взаимодействия систем; раньше всякое предположение о взаимодействии систем автоматически превращало их в элементы системы взаимодействия, теперь системы могут взаимодействовать одна с другой на уровне материала, и это никак не влияет на целостность и автономность их функциональных структур и процессов. Уже эти немногие соображения, как нам представляются, дают право говорить об эффективности нового понятия системы и сулят в дальнейшем много важных достижений, если будут затрачены силы и время на его детальную разработку. В конечном итоге подход, предложенный Щедровицким, изменил оптику рассмотрения систем и привел к трансформации структуры самого научного исследования.

Если сопоставить подходы к управлению, предложенные Богдановым и Щедровицким, то можно выделить следующие общие моменты: оба ученых отмечали необходимость обнаружения главного атрибута системы, ее «начала». Богданов фокусировал внимание на том, что рассматриваемая им система предназначена для выполнения определенной формы деятельности, усматривая именно в форме деятельностьное начало. Щедровицкий же видел деятельностьное начало системы в ее функции. Богдановым была предпринята попытка проанализировать возможные механизмы, влияющие на изменение организационных структур: он зафиксировал существование

общих законов (правил) формирования и изменения любых организационных структур, независимо от их физической природы и материалов. Щедровицкий считал основным механизмом процессы функционирования системы. Кроме того, и Богданов, и Щедровицкий действовали в рамках марксистской теории. Оба имели утопичные мечты относительно нового человека. Оба оставили труды, которые по сей день изучаются, и вопросы, поиск ответов на которые до сих пор будоражит умы.

Итак, А. А. Богданов и Г. П. Щедровицкий внесли огромный вклад в развитие философской мысли. Их идеи являются частью теоретико-методологического аппарата многих областей современного знания, а их вклад в формирование понятия системы и системного подхода крайне важен для философии управления, поскольку управление как деятельность по системному регулированию труда или взаимоотношений субъект-объективного порядка нуждается в четких философских категориях.

Список литературы и источников

1. **Богданов А. А.** Организационная наука и хозяйственная планомерность // Труды Первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства (Москва, 20—27 янв. 1921 г.). М., 1921. Вып. 1. С. 8—12.
2. **Богданов А. А.** Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. / редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с. (Экономическое наследие).
3. **Комаров С. В., Кордон С. И.** Основы методологии: системодетальностный подход. Категории. Пермь: Изд-во ПГУ, 2005. 384 с.
4. **Лапшин В. С., Ямашкин Ю. В.** Теория организации: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 139 с.
5. **Лебедев В. П.** Подозрительные игры людей // Чайка = Seagull Magazine: лит.-худож. альманах [Электронный ресурс]. 2004. № 18 (19). URL: <https://www.chayka.org/node/310> (дата обращения: 16.05.2022).
6. **Локтионов М. В.** А. А. Богданов как основоположник общей теории систем // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 80—96.
7. **Щедровицкий Г. П.** Два понятия системы // Труды XIII Международного конгресса по истории науки и техники (Москва, 18—24 авг. 1971 г.). М.: Наука, 1974. Т. 1а. С. 149—152.
8. **Щедровицкий Г. П.** Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы: курс лекций. М.: Путь, 2003. 288 с. (Из архива Г. П. Щедровицкого: в 11 т. Т. 5).
9. **Щедровицкий Г. П.** Начала системно-структурного исследования взаимоотношений в малых группах: курс лекций. М.: Путь, 1999. 352 с. (Из архива Г. П. Щедровицкого: в 11 т. Т. 3).
10. **Щедровицкий Г. П.** СМД-подход и основные проблемы науки и человека в XX веке // Московский методологический кружок: развитие идей и подходов / Г. П. Щедровицкий. М.: Путь, 2004. С. 11—239. (Из архива Г. П. Щедровицкого: в 11 т. Т. 8 (1)).

References

1. Bogdanov A. A. "Organizational Science and Economic Planning". *Trudy Pervoy Vserossiyskoy initsiativnoy konferentsii po nauchnoy organizatsii truda i proizvodstva (Moskva, 20—27 yanv. 1921 g.)*. Moscow, 1921. Iss. 1. 8—12. (In Russian).
2. Bogdanov A. A. *Tectology: General Organizational Science*. Publ. ed. L. I. Abalkin et al. Book 1. Moscow: Ekonomika, 1989. 304 p. 2 books. (In Russian).
3. Komarov S. V., Kordon S. I. *Fundamentals of Methodology: System-Activity Approach. Categories*. Perm: Perm State Univ. Publ., 2005. 384 p. (In Russian).
4. Lapshin V. S., Yamashkin Yu. V. *Organization Theory, study guide*. Saransk: Mordovia Univ. Publ., 2009. 139 p. (In Russian).
5. Lebedev V. P. "Suspicious Games of People". *Chayka = Seagull Magazine* 18 (19) (2004): n. pag. Web. (In Russian). 16 May 2022. <<https://www.chayka.org/node/310>>.
6. Loktionov Mikhail. "Alexander Bogdanov — the Founder of General Systems Theory". *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology* 21.2 (2016): 80—96. (In Russian).
7. Shchedrovitsky G. P. "Two Concepts of a System". *Trudy XIII Mezhdunarodnogo kongressa po istorii nauki i tekhniki = XIII International Congress on the History of Science (CIHS)*, Moscow, August 18—24, 1971. Vol. 1a. Moscow, 1974. 149—152. (In Russian).

8. Shchedrovitsky G. P. *Methodology and Philosophy of Organizational and Managerial Activity: Basic Concepts and Principles*, a course of lectures. Moscow: Put', 2003. 288 p. Vol. 5 of *Iz arkhiva G. P. Shchedrovitskogo*. (In Russian).
9. Shchedrovitsky G. P. *The Fundamentals of Systemic and Structural Study of Relationships in Small Groups*, a course of lectures. Moscow: Put', 1999. 352 p. Vol. 3 of *Iz arkhiva G. P. Shchedrovitskogo*. (In Russian).
10. Shchedrovitsky G. P. "SMD-Approach and the Main Problems of Science and Man in the 20th Century". *Moskovskiy metodologicheskii kruzhek: razvitiye idey i podkhodov G. P. Shchedrovitskogo*. Moscow: Put', 2004. 11—239. Vol. 8 (1) of *Iz arkhiva G. P. Shchedrovitskogo*. (In Russian).

Информация об авторе

Ломакина Наталья Борисовна — аспирантка Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Natalia B. Lomakina — Postgraduate student at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 14.10.2022.

The article was submitted 14.10.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 141—150.
Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 141—150.
Научная статья

УДК 1:316.3
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-141-150

Цифровизация социальных институтов: возможности и ограничения

Н. Н. Равочкин¹, И. А. Сергеева², Н. А. Стенина³

^{1–3} Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

¹ Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

¹ nickravochkin@mail.ru

^{2–3} ideologie@mail.ru

Аннотация. С позиции философии авторы рассматривают процессы цифровизации социальных институтов. Анализируются особенности цифровизации институтов государственного управления. Прослежена эволюция применения передовых технологий в юридической деятельности. Показано, как изменяется содержание общественных отношений после появления в их структуре множества цифровых продуктов и сервисов. Выявлены формы проявления демократии в электронном государстве и обозначены варианты значения для социума применяемых при соответствующем режиме процедур. В ходе анализа работ современных исследователей установлены национально маркированные возможности и ограничения цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, социальный институт, общество, политика, право, демократия, технологии, государственное управление, электронное государство

Для цитирования: Равочкин Н. Н., Сергеева И. А., Стенина Н. А. Цифровизация социальных институтов: возможности и ограничения // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 141—150. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-141-150>

Original article

Digitalization of social institutions: opportunities and limitations

© Равочкин Н. Н., Сергеева И. А., Стенина Н. А.

N. N. Ravochkin¹, I. A. Sergeeva², N. A. Stenina³

^{1–3} Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

¹ Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

¹ nickravochkin@mail.ru

^{2–3} ideologie@mail.ru

Abstract. From the position of philosophy, the authors consider the processes of digitalization of social institutions. The features of digitalization of public administration institutions are analyzed. The evolution of the use of advanced technologies in legal activities is traced. It is shown how the content of social relations changes after the emergence in their structure of many digital products and services. The forms of manifestation of democracy in the electronic state are revealed and the variants of the value for society of the procedures used under the relevant regime are outlined. An analysis of the work of contemporary researchers has allowed to establish nationally marked opportunities and limitations of digitalization.

Keywords: digitalization, social institution, society, politics, law, democracy, technology, public administration, electronic government

For citation: Ravochkin N. N., Sergeeva I. A., Stenina N. A. “Digitalization of Social Institutions: Opportunities and Limitations”. *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 141–150. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-141-150>

Анализ трансформаций современного общества приобретает еще одну значимую сторону через изучение цифровизации институтов. Именно этот мегатренд через свои детерминационные возможности помогает прочертить векторы развития общественной системы, а социальные установления принимают на себя стержневую роль при интерпретации социальных процессов. Мы не подразумеваем бесконечное комплексное воздействие каких-либо факторов, однако допускаем безграничную панораму этого потенциала и признаем его ограничения.

Понятие дигитализации государственного управления в самом общем виде может трактоваться как цифровое преобразование деятельности государственных органов за счет внедрения в их работу передовых технологий в целях выполнения значимых функций. Последние позволяют «осуществить качественные преобразования в реализации государственных функций и оказании государственных услуг, обеспечить эффективное взаимодействие граждан и государства» [8, с. 26]. По большому счету,

сама цифровизация есть не что иное, как государственное управленческое решение, т. е. объективированный выбор целенаправленного воздействия, инициированный и сделанный соответствующими субъектами и закреплённый в юридической форме. По своему содержанию рассматриваемый процесс определяет вектор развития цифрового управления, целью которого становится достижение социально значимых результатов, а средством — упомянутые выше технологии.

О высокой значимости цифровизации можно говорить уже на основании уровня ее влияния на социально-экономические реалии. Вместе с тем практическая реализация предполагает использование различных правовых актов управления. В рамках развития российской государственности это — *Стратегия развития информационного общества*, а также целый ряд других нормативно-правовых актов стратегического планирования, которые предполагают векторы развития информационной безопасности, научно-технического преобразования, формирование искусственного интеллекта.

Следует помнить, что цифровизация институтов государственного управления опирается на значительное количество разнородных по статусу нормативных и стратегических документов. В свою очередь, это предполагает риски дестабилизации социального порядка, что обусловлено отсутствием единства нормативно закреплённых целей, единства постановки и решения задач, а также отсутствием соответствия мероприятий их целевому назначению. Так, С. М. Зубарев приводит в качестве примера два нормативных документа, в которых отсутствует целевая согласованность [8]. Таким образом, возникает дисбаланс в результатах исполнения таких документов. Согласно представленной логике, возможности цифровизации в рамках государственного управления реализуются через постановку целей и обозначение перспектив поступательного развития. При этом существуют и значительные ограничения, а именно несогласованность юридической документации ограничивает достижение целей, поскольку распоряжения становятся невыполнимыми (в полной мере) для ответственных за исполнение решения государственных субъектов. В частности, существует риск неосуществления ряда мероприятий федерального проекта, поскольку нормативно-правовые акты Российской Федерации, регламентирующие процесс цифровизации государственного управления, относятся к деятельности только шести государственных структур. Деятельность остальных государственных органов и институтов не регламентируется, следовательно, неизбежны затруднения в согласовании их функционирования.

Помимо несогласованности юридической документации, значимым ограничением цифровизации государственного управления можно считать и тенденцию к несогласованности регулирования, поскольку законотворческий процесс отстает от развития самих технологий. Перед нами достаточно серьёзная проблема пробелов в правовом регулировании общественных процессов со стороны государственного управления: наличие новых высоких технологий как средств трансляции любой информации само по себе не влечет за собой негативных последствий, вместе с тем существует риск, что ИТ-технология может

быть использована в целях, природа которых предполагает негативные последствия как результат, что требует документального освидетельствования и нормативно-правового регулирования в рамках системы государственного управления. По этой причине некоторые ученые высказываются за ускорение подготовки и принятия нормативно-правовых актов: О. В. Поспелов, О. В. Потанина, Т. Н. Юдина.

Кроме прочих, негативными можно считать следующие факторы цифровизации государственного управления: «Подмена целей и средств внедрения системы электронного правительства; подавление индивидуальных запросов и потребностей личности; разрыв между гражданами и государственным управлением (“цифровая бюрократизация”); рост финансовых затрат и возможность хакерских атак, роботизация должностей госслужащих» [3, с. 224]. Все представленные факторы определяют вектор, обратный полноценному использованию ресурсов цифровых технологий во благо государственного управления и соответствующих политических институтов, а следовательно, являются ограничением в этой сфере.

Более того, смело можно утверждать, что представленный перечень рисков и перспектив становится ограничением в развитии политической и государственной сфер общества. Невыполнение функций такими институтами, как электронное правительство, система государственного управления, — приводит к ограничениям в распространении цифровизации, которая сегодня является основанием функционирования институтов государственного управления.

Следует акцентировать внимание на том, что цифровизация государственного управления не влечет за собой аннулирования бумажного документооборота, поскольку существует определенная степень вероятности утраты и (или) подмены цифровой информации. В связи с этим очевидным представляется утверждение, что важным ограничением цифровизации государственного управления является сохранение информации в бумажном формате, а именно оформление двух комплектов документов.

Отметим, что представленная логика может быть распространена не только на

процессы государственного управления, но также и на юридическую деятельность, в частности на деятельность института адвокатуры, где цифровизация воспринимается неоднозначно. Например, О. В. Пospelов указывает на то, что диджитализация адвокатуры затрагивает ряд цифровых изменений, среди которых важным нам представляется создание новых программ анализа юридических документов, использование технологий искусственного интеллекта, согласование процессов стандартизации адвокатских обращений в рамках соответствующей программы и так далее [12]. Все изменения связаны с рисками нарушения действующего законодательства.

В России существуют два подхода к цифровизации. Один из них заявлен Правительством РФ и учитывает определенную степень риска в сфере безопасности граждан, с оговоркой, что риск допускается лишь в случаях, когда граждане вовлечены в проведение экспериментов, связанных с использованием IT-решений технологических компаний, которые относятся к сегменту цифрового бизнеса. К преимуществам этого подхода относятся: возможность дистанционного документооборота и минимизация сроков на обработку юридически значимых запросов. Эти преимущества реализуются благодаря формулированию этико-правовых констант и в дальнейшем — благодаря приверженности константам, которые в самом общем виде могут быть рассмотрены как аксиологические модусы, выбранные профессиональными юридическими корпорациями при разработке тех или иных цифровых продуктов, программ и (или) алгоритмов деятельности [12].

Как итог, развитие цифровых технологий и распространение цифровизации на юридическую деятельность, в частности на адвокатскую, способно привести к цифровизации управления производительными силами, к подчинению общественных отношений цифровой логике. В результате общественные отношения приобретают принципиально новое содержание, основанное на цифровой форме и принципах взаимодействия между субъектами общественных отношений. Можно согласиться со справедливым суждением О. В. Пospelова о высоких

возможностях реализации юридических отношений в цифровых формах, однако в действительности такой подход приводит к ряду негативных последствий, вызванных именно внешней формой проявления [12]. Среди рисков данного подхода — наличие доступа к персональным данным гражданина на базе использования технологий Big Data в режиме цифровой обработки обезличенных данных. В открытом доступе персональные данные могут быть подвержены как процедуре деперсонализации, так и обратному процессу, недопустимому для клиента и гражданина. Речь идет о риске распространения персональных данных, которые субъект — их владелец — имеет право сохранять в тайне.

Другой подход к цифровизации в России обозначается как безопасный, что аргументируется следующим: подход реализуется адвокатурой на основе разумного и осмысленного риска и осторожности в осуществлении профессиональной деятельности [12]. Можно говорить о том, что этот подход сотрудники органов адвокатуры применяют в своей профессиональной деятельности, в процессах защиты и сохранения персональных данных граждан. Концепция подхода содержит положение о проведении экспериментов по внедрению конкретных цифровых продуктов. Методом проб и ошибок выявляются идеальная и оптимальная формы реализации IT-решений. В ходе проведения эксперимента гражданам предлагается использовать ресурсы страхования рисков, чтобы определить возможности возмещения вреда от реализации IT-решений. Таким образом, мы видим, что возможности правовых институтов, в частности адвокатуры, предполагают использование цифровых форм и способов взаимодействия.

Следуя современным концепциям цифровизации адвокатуры, можно заключить, что целью процедур цифровизации становится упрощение форм и способов взаимодействия граждан с социальными и политическими институтами. Однако идея упрощения взаимодействия сталкивается с рядом ограничений, связанных с противоправными действиями, с распространением персональных данных в цифровом формате [14]. Это влечет за собой

негативные последствия и для отдельного человека как участника правовых процессов, и для государства в целом.

Обратим внимание на цифровизацию политического процесса. Ряд ученых, среди которых имеет смысл выделить О. В. Потанину [13], полагают, что существуют тренды изучаемого нами процесса. Так, одним из трендов они называют роботизацию, как на внутренней политической арене, так и на международной, в том числе роботизацию защиты национальной безопасности государства. Наиболее используемым инструментом цифровизации полагается блокчейн, суть которого заключается в хранении информации без ее изменения. Анонимность и прозрачность — важные преимущества технологии блокчейн. Технология способствует открытости действий с информацией, дает возможность получать самую разнообразную достоверную информацию о субъектах, так или иначе связанных с ней. Исследователи отмечают минимизацию утечек информации, надежность и конфиденциальность технологии блокчейна, при которой нельзя отменить операции, совершенные ранее, что в конечном счете приводит к возможности и способности бороться с противоправными действиями [9].

Возможности роботизации политического процесса состоят в том, что на практическом уровне упрощаются электоральные взаимодействия, процедуры, производится эффективный контроль за политическим процессом (но только в том случае, если действительно используются современные механизмы защиты в системе блокчейна), формируется система электронного голосования и опроса граждан — электронная система оценки политического мнения. Можно говорить о том, что современные цифровые технологии становятся электронным средством взаимодействия общества и политической элиты, что значительно ускоряет получение необходимой информации, ее обработку и интеграцию в политическую деятельность. Кроме того, значительно удешевляется процесс обобщения информации и получения необходимых результатов.

Другим важным трендом цифровизации политической деятельности можно считать

формирование электронного правительства как главной формы цифровизации государственного управления и решения политических задач [2]. Среди преимуществ и возможностей такого вида правительства можно выделить возможность и способность участия граждан в политических процессах и властных структурах посредством современных цифровых технологий. Интернет-коммуникации дают возможность напрямую влиять на властные структуры, поскольку цифровые технологии представляют собой канал связи между всеми участниками политического процесса как его структурными элементами. Исходя из этого, возможности цифровизации политического процесса и институтов современного общества реализуются в новых формах демократии, характерных для электронного государства. При этом возможности цифровизации позволяют сформировать такой аппарат управления, который способен активно участвовать в изменении всех сфер общественной жизни, «выстраивая интернет-коммуникации как новый канал влияния на власть, агитацию политических процессов среди электронной демократии» [13, с. 66]. Цифровизация изменяет формы политической коммуникации: в сферы общественных отношений внедряется взаимодействие через Портал государственных услуг РФ и иных государственных ресурсов. Достигается открытость и прозрачность управления государством и увеличивается легитимность политической власти в жизни граждан [5].

Следует заметить, что ограниченность цифровизации в отношении трансформации политического процесса заключается в снижении доверия граждан к представителям власти, обусловленном не только утечкой персональных данных, но также и увеличением числа различных манипуляций со стороны государственного сектора и вытеснением бумажного документооборота, что воспринимается довольно скептически. Действительно, возникает вопрос о реализации идеи национальной безопасности — как на уровне персоны, так и на уровне государства. В связи с этим ряд ученых высказывается о необходимости формирования специалистов

в области цифровой и кибербезопасности [1; 4]. По понятным причинам этот процесс занимает довольно длительное время, поэтому цифровизация в политической сфере связана не только с преимуществами и ускорением тех или иных процедурных политических процессов, но и с недостатками и ограничениями, вызванными в первую очередь стремлением к безопасности на различных уровнях политического взаимодействия.

В число негативных сторон цифровизации политического процесса, обуславливающих ее ограниченность, входит тенденция к установлению высокого контроля государства над личностью, выраженная в способности института государства контролировать представителей общества и манипулировать уязвимой стороной общественных отношений. Такой результат возможен за счет использования не только системы блокчейна, но и всех видов цифровых технологий.

В социальной и духовной сферах общества цифровизация институтов также имеет ряд преимуществ и возможностей, равно как и ограничений. Так, Е. В. Молчанова [10], анализируя процесс цифровизации в сфере образования, полагает, что использование специализированных технических приспособлений позволяет упростить систему обучения и трансляции знаний, уменьшить документооборот, повысить самостоятельность в выборе образовательных программ, т. е. персонализировать программы обучения, перейти на индивидуальную траекторию, а также повысить качество работы с учебными планами, расширить взаимодействие участников учебного процесса, контролировать успеваемость, сократить время на поиск учебного материала. Одним из дискуссионных моментов представляется то, как и насколько цифровые технологии способны сократить временные затраты и упростить работу педагогов, а не наоборот. Определяются, таким образом, перспективы и возможности цифровизации образования, выраженные в формировании новых образовательных технологий, в удобстве обслуживания и трансляции знаний, свободном доступе к учебникам и учебным пособиям и так далее.

Вместе с тем ограниченность, характерная для цифровизации социального института образования, на всех его уровнях выражается во влиянии на физическое и физиологическое здоровье учащегося [6]. Специалисты говорят о двуедином влиянии негативных факторов цифровизации обучения, уменьшающих объем обучения письму: это снижение не только уровня здоровья обучающихся, но и качества самоорганизации и мотивации к освоению индивидуальных траекторий. Помимо этого, ограниченность цифровизации традиционно связывается с уязвимостью персональных данных и слежкой за обучаемым; исчезает приватность в образовательном процессе, формируется цифровой тоталитаризм.

С нашей точки зрения, особняком от других тенденций держится навязывание западных технологий и, как следствие, деградация национальных компетенций. Ученые приходят к выводу, согласно которому каждое государство организует систему образования в соответствии с теми целями и задачами, которые оно перед собой ставит. Как следствие, заимствование ценностей, компетенций из образовательных систем других государств в некоторой степени оказывает негативное, разрушительное влияние как на квалификацию специалистов, так и на систему общественных национальных ценностей. Это влечет за собой риски захвата рынков транснациональными компаниями, потери рабочих мест и формирования социальной напряженности [15]. Как следствие, снижается ответственность как со стороны образовательного института, так и со стороны субъекта, получающего результаты образовательной деятельности. Можно говорить о том, что возможности реализации дистанционного и цифрового образования в разной степени нивелируются рядом таких ограничений, которые переводят образовательные технологии в сферу услуг, суть которых не способствует формированию высококвалифицированного специалиста.

Значимым представляется институт безопасности информации, развитие цифровых технологий и системы блокчейна дает возможность регулировать поведение человека

и социальных групп в рамках социальных институтов. В системе кибербезопасности это — возможность составлять модели поведения человека в критических ситуациях, например, формировать быстрые, надежные и безопасные системы регистрации в сфере медицины. Так, была сформирована и реализована на практике система регистрации вакцинированных граждан в период роста заболеваемости COVID-19. На текущий момент в ряде государств, в частности в США, ведутся активные разработки глобального проекта электронных личных медицинских записей, а также проекта по обеспечению чистоты и интеграции данных о лекарствах в США. Представленные технологии позволяют формировать единые стандарты образовательных систем. Это на практическом уровне приводит к возможности унифицировать образовательные программы в масштабах всего мира и выдавать единые документы о квалификации. Поэтому правомерно утверждение, что цифровые технологии блокчейна можно считать одним из оснований формирования нового мирового порядка, определяемого едиными нормами и принципами организации социальной системы в области медицины, образования, политики, экономики и иных институтов народного хозяйства [7]. Цифровизация в данном ракурсе дает обществу возможность поиска унифицированных принципов организации социальности как таковой, технизацию современных связей и отношений между членами сообщества. Это приводит к возможности взаимного признания результатов деятельности в самых разнообразных сферах общественной жизни.

Кроме того, система блокчейна применяется также в процессе иерархизации социальной структуры. Эта возможность возникает благодаря внедрению технологии токенизации, призванной оценить значимость тех или иных социальных институтов. Так, для публикаций в международных базах данных оценивается уровень публикации, статус и положение ее автора, заинтересованность государства в построении экономики знания, стимулирование производства результатов интеллектуальной деятельности [11]. Справедливым представля-

ется утверждение, что именно токенизация как фактор цифровизации современного общества, связанный с формированием конкретных социальных практик и институтов в различных областях коллективного знания, приводит к созданию структуры социума. Именно здесь базируется форматирование, или даже переформатирование, современного социума. Говоря более точно, цифровизация институтов современного общества позволяет сформировать его реорганизацию, она есть основа нового миропорядка.

Использование ресурсов цифровизации в так называемой цифровой экономике напрямую связано с высоким развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В рамках постепенного развития ИКТ и внедрения цифровых технологий становится возможным экономический рост принципиально иного качества. Современные ИКТ применяются:

- для расширения коммерческих интернет-площадок таких институтов, как онлайн-торговля и различные валютные и иные биржи;
- для оптимизации затрат компаний с использованием ресурсов сети Интернет, которые дают возможность сократить размер компании, сформировать виртуальное предприятие, оптимизировать различные сопутствующие затраты, многократно использовать имеющиеся ресурсы для предоставления различных услуг в рамках облачной инфраструктуры;
- для развития новых точек экономического роста и «Цифровой долины», причем операционная деятельность ограничена только масштабами и ресурсами Интернета [17].

Общество получает значительную выгоду от цифровизации экономики в виде новых товаров и услуг, поскольку появляется возможность оцифровать потребительские предпочтения, глобальные компании оказываются способными формировать потребительский спрос. Следовательно, перед нами одна из важнейших возможностей цифровизации экономических институтов — возможность контролировать общественно-экономические отношения.

Одновременно в цифровой экономике появляется ряд ограничений. Одним из таковых является цифровое неравенство, выраженное в неравном доступе к цифровым технологиям, а также технологиям работы в цифровой среде. Во-первых, такое положение дел воспринимается учеными как недостаток социальной системы, поскольку институт цифрового равенства трактуется как идеал демократического общества, с его ориентацией на равенство и равноправие всех социальных субъектов. Во-вторых, подключение к цифровым технологиям требует определенного уровня компетенций и ресурсов. Т. Н. Юдина высказывает идею, что выгодоприобретателем в цифровой экономике становится тот социально-экономический субъект, который относится к акционерам этого нового мира [18]. Именно они, именно так понимаемые социальные субъекты обладают не только необходимым уровнем компетенций, но и соответствующим уровнем технико-технологического развития. Как итог, в системе, порождающей цифровое неравенство, возникает большой риск совершения негативных социальных действий, в том числе противоправных действий, например — бесконтрольное обращение с криптовалютой, денежные махинации.

В заключение отметим, что для цифровой экономики принципиально значимым является использование единства цифрового и традиционного рынков, которые обладают известными возможностями и ограничениями. Причем значимо, что единство двух видов рынка позволяет нивелировать их недостатки и ограничения [16].

В целом цифровизация как социальный феномен оказывает влияние на различные социальные, политические, правовые, экономические и некоторые другие институты. Такое влияние имеет ряд возможностей, хотя бы на том основании, что в своей сущности цифровизация перспективна и обладает широким потенциалом, который составляют эвристический и практический аспекты телеологического развития идей, связанного с эволюцией конкретных социальных институтов. Одновременно с этим для цифровизации институтов характерны ограничения, чаще всего они определяются скорее природой самих институтов, на которые оказывает влияние цифровое преобразование.

Список литературы и источников

1. **Авцинова Г. И.** Политика цифровизации в современной России: особенности формирования и перспективы развития // *PolitBook*. 2019. № 4. С. 6—20.
2. **Агрба Л. А.** Цифровая демагогия, или Политический дискурс нового времени // *Политическая лингвистика*. 2019. № 2 (74). С. 38—48. <https://doi.org/10.26170/pl19-02-03>
3. **Алферов О. Л.** Цифровые технологии в государственном управлении: правовые аспекты // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право*. 2021. № 3. С. 220—228. <https://doi.org/10.31249/rgravo/2021.03.19>
4. **Бочарников И. В., Чемезов Н. А.** Проблемы и приоритеты политики цифровизации в России // *Наука. Общество. Оборона*. 2020. Т. 8. № 2 (23). Ст. 19. <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10238>
5. **Бронников И. А.** Современные особенности российской интернет-аудитории как участника политической коммуникации // *PolitBook*. 2013. № 2. С. 44—59.
6. **Воробьева И. А., Жукова А. В., Минакова К. А.** Плюсы и минусы цифровизации в образовании // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 1-4 (103). С. 110—118. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.109>
7. **Гелих О. Я., Покровская Н. Н., Фёдоров Д. А.** Цифровая трансформация социальных институтов: блокчейн и смарт-контрактинг в регуляции рыночного поведения // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2021. № 6 (132). С. 124—128.
8. **Зубарев С. М.** Правовые риски цифровизации государственного управления // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 23—32. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032>
9. **Коньков А. Е.** Политический дискурс в условиях расширения цифрового пространства // *Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник* (Москва, 20-21 дек. 2018). М.: ИНИОН РАН, 2019. Вып. 14. Ч. 1. С. 119—121.
10. **Молчанова Е. В.** О плюсах и минусах цифровизации современного образования // *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 64-4. С. 133—135.

11. **Покровская Н. Н.** Эволюция коммуникативной среды с учетом динамики развития цифровой экономики и промышленности 4.0 // Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (18 апреля 2017 г.). СПб.: СПбПУ, 2017. С. 124—128.
12. **Поспелов О. В.** Пределы и вариативность использования цифровых форм (инструментов) в адвокатуре и адвокатской деятельности: подходы и методы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 88—95. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.088-095>
13. **Потанина О. В.** Цифровизация политического процесса современной России: тенденции и перспективы // Вестник ЗабГУ. 2021. Т. 27. № 6. С. 63—72. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2021-27-6-63-72>
14. **Рагулин А. В.** Адвокатура и субъекты общественного контроля: направления взаимодействия // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 12 (40). С. 94—99. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.40.12.094-099>
15. **Стрекалова Н. Б.** Риски внедрения цифровых технологий в образование // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 84—88. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88>
16. **Тешев В. А., Нагоев А. В., Хасинова Т. Г.** Цифровизация экономики в России: «за» и «против» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2019. № 1 (235). С. 114—118.
17. **Четвернина А. В.** Цифровая экономика: преимущества и риски // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2018. № 4. С. 119—125.
18. **Юдина Т. Н.** Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2016. № 3 (33). С. 12—16.
- Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics* 2 (74) (2019): 38—48. (In Russian). <https://doi.org/10.26170/pl19-02-03>
3. **Alferov O. L.** “Digital Technologies in Public Administration: Legal Aspects”. *Sotsial’nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature* 4th ser. Gosudarstvo i pravo = State and Law 3 (2021): 220—228. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.03.19>
4. **Bocharnikov Igor V., Chemezov Nikita A.** “Problems and Priorities of Digitalization Policy in Russia”. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense* 8.2 (23) (2020): 19. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10238>
5. **Bronnikov Ivan.** “Modern Features of the Russian Internet Audience as a Participant in the Political Communication”. *PolitBook* 2 (2013): 44—59. (In Russian).
6. **Vorobyova I. A., Zhukova A. V., Minakova K. A.** “The Pros and Cons of Digitalization in Education”. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel’skiy zhurnal = International Research Journal* 1-4 (103) (2021): 110—118. (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.109>
7. **Gelikh O. Ya., Pokrovskaya N. N., Fyodorov D. A.** “Digital Transformation of Social Institutions: Blockchain and Smart Contracts in Market Conduct Control”. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics* 6 (132) (2021): 124—128. (In Russian).
8. **Zubarev S. M.** “Legal Risks of Digitalization of Public Administration”. *Aktual’nyye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law* 15.6 (115) (2020): 23—32. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032>
9. **Kon’kov A. E.** “Political Discourse under Digital Space Expansion”. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: yearbook* (Moscow, Dec. 20–21 2018). Moscow: INION RAN, 2019. 14–1: 119—121. (In Russian).
10. **Molchanova E. V.** “On Positives and Negatives of Digitalization of Modern Education”. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* 64-4 (2019): 133—135. (In Russian).
11. **Pokrovskaya N. N.** “Communicatory Medium Evolution with Consideration to Dynamics of Development of e-Economy and Digital Industry 4.0”. *Tekhnologii PR i reklamy v sovremennom obshchestve: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym*

References

1. **Avtsinova Galina.** “Policy of Digitalization in Modern Russia: Features of Formation and Prospect of Development”. *PolitBook* 4 (2019): 6—20. (In Russian).
2. **Agrba Lana A.** “Digital Demagoguery, or Political Discourse of the New Era”.

- uchastiyem* (18 aprelya 2017 g.). St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Univ., 2017. 124—128. (In Russian).
12. Pospelov O. V. "Limits and Variability of the Use of Digital Forms (Tools) in the Legal Profession and Advocacy: Approaches and Methods". *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)* 11 (75) (2020): 88—95. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.088-095>
  13. Potanina O. V. "Digitalization of the Political Process of Modern Russia: Trends and Prospects". *Vestnik ZabGU = Bulletin of ZabGU* 27.6 (2021): 63—72. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2021-27-6-63-72>
  14. Ragulin A. V. "Legal Profession and Subjects of Public Control: Directions of Interaction". *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)* 12 (40) (2017): 94—99. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.40.12.094-099>
  15. Strekalova N. B. "Risks of Digital Technologies Implementation into Education". *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology* 25.2 (2019): 84—88. (In Russian). <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88>
  16. Teshev Valeriy A., Nagoyev Aslan V., Khasinova Tamila G. "Digitalization of the Economy in Russia: 'Pros' and 'Cons' ". *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Adyghe State University* 5th ser. Ekonomika = Economics 1 (235) (2019): 114—118. (In Russian).
  17. Chetvernina A. V. "e-Economy: Merits and Risks". *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature* 4th ser. Gosudarstvo i pravo = State and Law 4 (2018): 119—125. (In Russian).
  18. Yudina T. N. "Understanding of Digital Economy". *Teoreticheskaya ekonomika* 3 (33) (2016): 12—16. (In Russian).

Информация об авторах

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных

наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

Сергеева Ираида Анатольевна — кандидат физико-математических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

Стенина Наталья Александровна — кандидат технических наук, доцент, декан инженерного факультета, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

Information about the authors

Nikita N. Ravochkin — Doctor of Philosophy, Asso. Prof., Associate Professor at Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya str., 28); Associate Professor at Educational Technology Department, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva str., 5).

Iraida A. Sergeeva — Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Head of Educational Technology Department, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva str., 5).

Natalya A. Stenina — Cand. Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Dean of Engineering Faculty, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva str., 5).

Статья поступила в редакцию 04.11.2022.

The article was submitted 04.11.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 151—156.

Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 151—156.

Научная статья

УДК 101.9

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-151-156

Направления и факторы саморазвития личности в условиях современности

А. С. Романова

Донецкий национальный университет, Донецк

anna.romanova1810@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу базовых аспектов и факторов процесса саморазвития личности. Понятие личностного саморазвития эксплицировано посредством понятий самоуправляемого становления и развития личностных характеристик и функционального содержания, определяющего различные аспекты личностной экзистенции. Сделан вывод о том, что личностное саморазвитие включает физическое, социальное и культурное направления, каждое из которых имеет свои специфические механизмы реализации.

Ключевые слова: развитие, саморазвитие, личность, сознание, общество, культура, мировоззрение

Для цитирования: Романова А. С. Направления и факторы саморазвития личности в условиях современности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 151—156. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-151-156>

Original article

Directions and factors of personal self-development in modern conditions

A. S. Romanova

Donetsk National University, Donetsk

anna.romanova1810@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the philosophical analysis of the basic aspects and factors of the process of personal self-development. The concept of personal self-development has been explicated through the concepts of self-governed formation and development of personal characteristics and functional content that determines various aspects of personal existence. It has been concluded that personal self-development includes physical, social and cultural directions each of which has its own specific implementation mechanisms.

© Романова А. С.

Keywords: development, self-development, personality, consciousness, society, culture, worldview

For citation: Romanova A. S. "Directions and Factors of Personal Self-Development in Modern Conditions". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 151—156. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-151-156>

Различные аспекты вопроса личностного развития и саморазвития рассматриваются многими представителями как философского знания, так и психологии, педагогики, социологии, истории и других наук — например, Е. В. Андриенко [1], Е. В. Валиуллиной [2], Ю. В. Макеровой [4], Н. А. Симановой [7], Ю. А. Филипповым [9], М. А. Фризен [10]. При этом постоянно сохраняется потребность в изучении и систематизации факторов, направлений и особенностей динамики личностной эволюции в контексте трансформирующейся социокультурной реальности современного мира. Разнообразие существующих подходов и концепций саморазвития личности требует философской систематизации на основе выделения единых факторов и направлений динамики феномена личностного саморазвития.

Развитие в широком понимании — это универсальное свойство материи и сознания, способность изменяться, переходить из одного состояния в другое, более совершенное, сложное и высокоорганизованное. Развитие личности можно определить как «становление специфических человеческих высших психических функций в процессе жизнедеятельности человека под влиянием двух факторов — среды и наследственности» [3, с. 371]. Личностное развитие непосредственно зависит от активности человека в пространстве культуры и общества.

В контексте этой активности можно выделить следующие фазы:

- 1) фазу адаптации — усвоение аксиологического содержания культуры, формирование поведенческих норм и системы мировоззрения;
- 2) фазу индивидуализации — деятельность личности по уравниванию двух факторов: личностной автономии и необходимости адаптации к внешней социокультурной среде;

- 3) фазу интеграции, которая определяется «противоречиями между стремлением индивида быть идеально представленным своими особенностями и отличиями в общности и потребностью общности принять, одобрить и культивировать лишь те его особенности, которые способствуют ее развитию и тем самым развитию его самого как личности» [3, с. 383—384].

В случае если противоречия между социокультурной реальностью и личностным сознанием сохраняются, личность либо максимально дистанцируется от общества и культуры, но все же продолжает свое развитие, либо деградирует. Проводя параллель между знаменитым марксистским тезисом «бытие определяет сознание» (с оговоркой, что только затем сознание также влияет на бытие) и влиянием на сознание социокультурной среды, назовем ее роль в процессе личностного развития и саморазвития принципиально важной. Специфика саморазвития личности — феномена, который опирается не только на биогенетический фундамент («психофизические особенности, заданные генетически»), но и на социокультурный фундамент, — заключается в формировании фактора индивидуальности как осознанного управления ходом собственной эволюции. Если исходить из понимания саморазвития личности как сложного процесса, «в котором изменяются качества личности в результате ее взаимодействия со средой, с обществом и культурой», — как неотъемлемой части духовного развития личности [5, с. 118], то представляется целесообразным выделить базовые направления личностного развития и саморазвития — физическое, социальное и культурное. Как справедливо пишет в своей работе Н. А. Симанова, «саморазвитие возможно

там, где есть целостность, и невозможно там, где нет целостности системы личности, от ее материальных уровней до ее идеальных, высших уровней» [7, с. 6]. Именно в единстве физического, социального и культурного направлений достигается целостность саморазвития личности как сложного и многоуровневого явления.

Физическое направление саморазвития является основой, без которой невозможно ни культурное, ни социальное направления личностной эволюции, и оно тесно связано с понятиями телесности, здоровья, а также физической и спортивной культуры. Телесность — это способ обнаружения субъекта в социокультурном пространстве. Важную роль телесности в культуре подчеркивал М. Фуко, называя тело органом формирования смысла [11, с. 38]. Здоровье в наиболее универсальном смысле представляет собой состояние полного физического, душевного и социального благополучия. Ю. А. Филиппов определяет здоровье как процесс физического развития человека, осуществляемый, в числе прочего, на основании физической культуры и спорта, как «состояние полного физического, душевного и социального соответствия <...> как процесс сохранения и развития психических и физиологических качеств» [9, с. 26]. Здоровье общества и полноценное развитие его членов невозможно в условиях, в которых мировоззрение, мышление, духовность и стиль жизни оторваны от физических и спортивных форм культурного бытия.

Физическая культура личности — это часть физической культуры общества, представляющая собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых обществом и используемых личностью через ее мировоззрение в целях собственного физического и интеллектуального развития, совершенствования двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития в целом. Физическая культура общества, в свою очередь, способствует реализации личностного потенциала и тем самым участвует в осуществлении

главной цели социума — всестороннего развития и совершенствования человека, достижения им телесно-духовной гармонии. Физическая культура общества обуславливает проявление других уровней общекультурного бытия: мировоззренческой культуры, идеологической культуры, этической культуры, психологической культуры.

Социальное начало и биологическое начало, тесно переплетенные в человеке, играют незаменимую роль в личностном развитии и саморазвитии, а также в преодолении социально-биологических проблем. В аспекте диалектической методологии социальное развитие личности можно определить как количественное и качественное преобразование структурных компонентов личности в процессе ее формирования и социализации. Важно подчеркнуть также, что в аспекте достижений синергетической методологии процессы личностного развития и саморазвития носят непрерывный и нелинейный характер, что обусловлено влиянием вызовов внешней среды, в том числе — социума. Личность в обществе испытывает постоянную потребность меняться — приобретать новые навыки и свойства и отказываться от прежних. С внешней стороны в этом процессе играют ведущую роль институты социализации (семья, образовательные учреждения, непосредственное окружение, системы информации и коммуникации и др.), а с внутренней стороны на этот процесс оказывают влияние темперамент, возрастные особенности развития, характер, способности и склонности самой личности.

В современном социуме сформировалась парадоксальная ситуация. Безусловно, перед личностью стоит задача непрерывного саморазвития (согласно идее личности — творца собственной судьбы). Однако информационный шок, о котором писал Э. Тоффлер [8], в совокупности с чрезвычайно интенсивными социально-политическими трансформациями и атомизацией социума, — снижают уровень личностного самосознания и порождают пассивность в плане саморефлексии и ответственности за собственное развитие.

Согласно исследованию Ю. В. Макаровой, потребность в саморазвитии выражается «готовностью самого человека преобразовать свою жизнедеятельность, которая возникает, когда человек осознает свое текущее состояние развития и устанавливает зону возможного расширения своего потенциала, потребностей и благ» [4, с. 12]. При этом в общественном сознании функционируют две базовых модели саморазвития. **Социально-нормативная модель** интерпретирует саморазвитие личности как социальный процесс совершенствования через осознание несовершенства актуального состояния и ориентацию на будущие прогрессивные изменения. Социальные институты воспринимаются исключительно как внешние по отношению к личности силы. **Генетическая модель** трактует саморазвитие как неотъемлемую часть личностной экзистенции, возникающей в ходе стремления личности к социальному творчеству и по мере становления способов организации социального бытия. Мотивы саморазвития также имеют глубоко социальную природу и представлены стремлением к получению тех или иных благ, а также к удовлетворению потребностей в самовыражении и самореализации, которые также невозможны вне социума [2, с. 90].

В процессе социогенеза далеко не всегда идея саморазвития личности актуализировалась в общественном сознании как аксиологическая доминанта. Как справедливо отмечается в монографии М. А. Фризен, на ранних этапах социогенеза идея саморазвития была в принципе невозможна и неосуществима, поскольку самобытная личность оценивалась окружающими как непонятная, нестабильная и, следовательно, опасная [10, с. 27]. Поскольку большая часть истории человеческого общества характеризуется доминированием ценностей коллективизма, а не индивидуализма, можно считать очевидным, что личностная самобытность, неповторимость, индивидуальность воспринимались как негативные девиации, как отход от общепринятой нормы и, по сути, приравнивались к преступлению. Идея свободного саморазвития личности и сама

идея личности как универсальной ценности распространилась в эпоху Возрождения. Именно в философии и искусстве этого периода утверждалась значимость свободного выбора и становления личности как творца, подобного Богу — Творцу Вселенной. В дальнейшем научный интерес к проблеме саморазвития личности активизировался во второй половине XX в. В настоящее время актуальность этого вопроса возрастает, привлекая внимание специалистов различных областей научного знания.

В контексте социокультурной практики свобода личности не имеет оснований, поскольку личность не может быть свободна от социума и его запросов. Но саморазвитие личности есть переход на уровень индивидуальности. Данный уровень предполагает саморазвитие как самоизменение с ориентацией на определенную общественную этику, овладение определенным массивом знаний или присвоение некой общественной сущности и активной жизненной позиции. Принципиально важным компонентом индивидуальности на этом уровне является то, что фактором саморазвития становится личная воля самого человека (хотя он испытывает также социально-биологическое влияние).

Саморазвитие индивида в современном обществе предполагает формирование целостного мировоззрения, самоопределение и одновременно ограничение конформизма. Как утверждается в монографии Е. В. Андриенко, в современных демократических обществах осознанное развитие индивидуальности, формирующее личность, далеко не всегда поддерживается [1, с. 204]. Принцип стандартизации в развитых индустриальных демократиях Запада распространился не только на процесс производства, но и на личность, что привело к ее редукции до уровня деловых функций и к превращению в «базовую личность» (представителя культуры) или в «одномерную личность». Согласно концепциям Г. Маркузе, З. Фрейда, Э. Фромма и многих других мыслителей XX в., феномен одномерной личности характеризует утрату индивидуальности, растворение в конформизме, общественных

стереотипах и подверженность внешнему манипулятивному воздействию.

Таким образом, саморазвитие личности в единстве социализации человека, основанном на взаимосвязи биологического и социокультурного начал, определяется биогенетическими, социокультурными факторами, а также фактором индивидуальности, который имеет особое значение, поскольку предполагает осознанное управление ходом собственного развития и событиями жизни и на физическом уровне — построение индивидуального образа жизни. В связи с этим целесообразно систематизировать механизмы личностного саморазвития по трем основным направлениям — физическому, социальному и культурному.

Как упоминалось ранее, физическое направление личностного саморазвития представлено категориями телесности, здоровья, физической и спортивной культуры.

Социальное направление саморазвития личности может составить две базовые модели:

- 1) для социально-нормативной модели характерно понимание социальных институтов исключительно как внешних по отношению к личности сил;
- 2) генетическая модель трактует саморазвитие как неотъемлемую часть личностной экзистенции, возникающей в стремлении личности к социальному творчеству и установлению способов организации социального бытия.

Культурное направление саморазвития личности реализуется через механизмы инкультурации, прежде всего через усвоение универсалий и жизнетворчество. В процессе инкультурации личность вырабатывает адаптивные механизмы, познает собственные информационные и смысловые границы и открывает широкую вариативность путей для саморазвития. Жизнетворчество личности в пространстве культуры зависит от того, насколько полученный ею социокультурный опыт позволяет осознать собственное бытие и перейти к управлению событиями своей жизни, т. е. стать не просто объектом, а субъектом бытия, на уровне индивидуальности.

Список литературы и источников

1. **Андрієнко О. В.** Світоглядні виміри демократичного соціуму : монографія. Донецьк: ДонНУ, 2013. 346 с.
2. **Валиулина Е. В.** Волевой потенциал личности и реализация потребностей в саморазвитии // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2020. № 3. С. 86—91. URL: <http://e-koncept.ru/2020/202007.htm> (дата обращения 27.10.2022).
3. Глоссарий современного образования / под ред. Е. Ю. Усик. 2-е изд., перераб. и доп. Харьков: Изд-во НУА, 2014. 532 с.
4. **Макерова Ю. В.** Противоречия становления потребности саморазвития личности в современных условиях: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. Екатеринбург, 2006. 23 с.
5. **Романова А. С.** Нейрографика как практика духовного саморазвития личности // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 118—122.
6. **Романова А. С.** Феномен саморазвития личности в аспекте философской рефлексии // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 71—80.
7. **Симанова Н. А.** Саморазвитие личности в пространстве ограниченной возможности бытия: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13. СПб., 2011. 26 с.
8. **Тоффлер Э.** Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 557 с.
9. **Филиппов Ю. А.** Физическое развитие личности в условиях трансформации российского общества (социально-философский аспект): автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ставрополь, 2005. 33 с.
10. **Фризен М. А.** Психология саморазвития: монография. Петропавловск-Камчатский: КамГУ имени Витуса Беринга, 2013. 171 с.
11. **Фуко М.** Что такое автор? Комментарии к «Что такое автор?» // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет / М. Фуко; сост., пер. с франц., коммент. и послесл. С. Табачниковой; общ. ред.: А. Пугачевой. М.: Изд. дом «Касталь», 1996. 447 с.

References

1. Andrienko O. V. *Worldview Dimensions of a Democratic Society*. Donetsk: DonNU, 2013. 346 p. (In Ukrainian).
2. Valiullina E. V. "The Volitional Potential of the Individual and Meeting the Needs for Self-Development". *Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal* = "Koncept": *The periodical scientific and methodological electronic journal* 3 (2020): 86–91. (In Russian). 27 Oct. 2022. <<http://e-koncept.ru/2020/202007.htm>>.
3. Usik E. Yu., ed. *Glossary of Modern Education* (2nd ed., rev. and enl.). Khar'kov: Izdatel'stvo NUA, 2014. 532 p. (In Russian).
4. Makerova Yu. V. *Contradictions in the Formation of Personal Self-Development Needs in Modern Conditions: a Sociological Analysis*, Extended Abstract of Cand. Sci. (Sociol.) Dissertation. Yekaterinburg, 2006. 23 p. (In Russian).
5. Romanova A. S. "Neurographics as a Practice of Spiritual Self-Development of a Personality". *Humanities. Series B of Vestnik DonNU* = *Bulletin of Donetsk National University* 1 (2021): 118–122. (In Russian).
6. Romanova A. S. "The Phenomenon of Personal Self-Development in The Aspect of Philosophical Reflection". *Humanities. Series B of Vestnik DonNU* = *Bulletin of Donetsk National University* 4 (2021): 71–80. (In Russian).
7. Simanova N. A. *Self-Development of Personality in the Space of Limited Possibility of Existence*, Extended Abstract of Cand. Sci. (Philos.) Dissertation. St. Petersburg, 2011. 26 p. (In Russian).
8. Toffler A. *Future Shock*. N. p.: Random House, 1970.
9. Filippov Yu. A. *Physical Development of Personality under Transformation of Russian Society (Socio-Philosophical Aspect)*, Extended Abstract of Cand. Sci. (Philos.) Dissertation. Stavropol, 2005. 33 p. (In Russian).
10. Frizen M. A. *Psychology of Self-Development: a monograph*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Vitus Bering Kamchatka State Univ., 2013. 171 p. (In Russian).
11. Foucault Michel, Gandillac M. de, Goldmann L., Lacan J. et al. "Qu'est-ce qu'un auteur ?". Conférence, Paris, 22 février 1969. Ed. A. Colin. *Bulletin de la Société française de philosophie* 63.3 (1969): 73–104.

Информация об авторе

Романова Анна Сергеевна — аспирантка кафедры философии, Донецкий национальный университет (283001, Донецк, ул. Университетская, дом 24).

Information about the author

Anna S. Romanova — Postgraduate student of Philosophy Department, Donetsk National University (283001, Donetsk, Universitetskaya Street, 24).

Статья поступила в редакцию 06.10.2022.

The article was submitted 06.10.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022 № 4 (36). С. 157—164.
Economic and Social Research. 2022 No. 4 (36). P. 157—164.
Научная статья

УДК 130.31:35
doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-157-164

Творчество как необходимое условие успешной управленческой деятельности офицера МЧС России

П. И. Чижик¹, А. В. Наумов²

¹ Академия гражданской защиты МЧС России, г. о. Химки, Россия

² Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ, Москва, Россия

avn3073@mail.ru

Аннотация. Дается социально-философский анализ творчества как одного из важнейших качеств духовного мира современного офицера. Творчество непосредственно связано с созданием новых идей, взглядов, принципиально новых подходов и поиском способов для решения управленческих задач различной степени сложности. Обосновывается положение о том, что творческий характер управленческой деятельности офицера во многом определяется уровнем его общей и профессиональной культуры, ценностными установками и ориентациями, интеллектуальными способностями и интересами, стилем мышления, позволяющими воспроизводить принципиально новую совокупность знания и опыта, адекватно отвечающую современным требованиям жизни и воинской службы.

Ключевые слова: управление, военно-управленческая деятельность, творчество, профессиональное творчество офицера

Для цитирования: Чижик П. И., Наумов А. В. Творчество как необходимое условие успешной управленческой деятельности офицера МЧС России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 157—164. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-157-164>

Original article

Creativity as the most important spiritual quality of a modern officer of EMERCOM of Russia

P. I. Chizhik¹, A. V. Naumov²

¹ Civil Defense Academy of EMERCOM of Russia, Khimki, Russia

² Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia

avn3073@mail.ru

© Чижик П. И., Наумов А. В.

Abstract. The authors provide a socio-philosophical analysis of creativity as one of the most important qualities of the spiritual world of a modern military officer. Creativity is directly related to the creation of new ideas, views, fundamentally new approaches and methods for solving managerial problems of various degrees of complexity. The authors substantiate the position that the creative nature of a military officer's managerial activity is largely determined by the level of his general and professional culture, value attitudes and orientations, intellectual abilities and interests, and a style of thinking that make it possible to reproduce a fundamentally new body of knowledge and experience that adequately meets the modern requirements of life and military services.

Keywords: management, military administrative activity, creative work, military officer's professional creativity

For citation: Chizhik P. I., Naumov A. V. "Creativity as the Most Important Spiritual Quality of a Modern Officer of EMERCOM of Russia". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 157—164. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-157-164>

Сегодня весьма существенно возросла востребованность новых управленческих идей и взглядов, методов и подходов, особенно актуальных и ценных. Принципиально новые условия объективно требуют от каждого офицера значительно больших духовных и физических затрат для решения управленческих задач. Речь идет о повышении значимости творческого начала в управленческой деятельности на всех уровнях. В связи с этим крайне востребованными становятся те офицеры, которые обладают высоким уровнем общей и профессиональной культуры, способны нестандартно мыслить при решении задач различной степени сложности, проявлять разумную инициативу и творческий подход, брать на себя всю полноту ответственности, достаточно оперативно и с высоким качеством принимать грамотные управленческие решения.

Необходимо отметить, что проблема творчества всегда находилась в центре внимания философской мысли. Вполне справедливо отмечалось, что творчество — одно из важнейших качеств духовного мира человека — оказывает огромное позитивное влияние на конечные результаты его профессиональной деятельности. В философском энциклопедическом словаре творчество определяется как «деятельность, порождающая создание чего-то качественно нового <...> в соответствии с целями и потребностями человека» [4, с. 670].

Действительно, в различных видах профессиональной деятельности можно реально наблюдать многообразные формы проявления творчества, всегда индивидуальные. В свое время античный философ Платон (427—347) много говорил о сути творчества. «Важно подчеркнуть, — отмечает В. А. Яковлев, — что, по Платону, творчество в принципе носит универсальный характер, проявляясь всякий раз, когда любое нечто обретает свое бытие» [7, с. 145]. А много позже представитель немецкой философии И. Кант (1724—1804) характеризовал творчество как одну из важнейших человеческих способностей, связанную с созданием чего-то нового, когда творец не подражает ранее известному.

Следует отметить, что военно-управленческая деятельность офицера на всех уровнях открывает перед ним широкий горизонт для проявления индивидуального творчества. Социально-философский анализ военно-управленческой деятельности офицера свидетельствует о том, что она представляет собой единство *продуктивного* и *репродуктивного процессов*. Продуктивность означает созидание (привнесение) элементов нового на общесоциальном, групповом и индивидуальном уровнях. По существу, речь идет о выходе за пределы известного знания и опыта, об их сознательном конструировании, комбинировании, переработке. Опыт воинской службы свидетельствует о том, что новое в управленческой

деятельности объективно требует от каждого офицера глубже понять не только содержание той или иной задачи, но и способы ее решения. Общим итогом духовной деятельности офицера становится своевременное принятие им управленческого решения, отличающегося непосредственной новизной и оригинальностью.

Сегодня в управленческой деятельности офицера особая роль отводится его внутренней духовной готовности и способности в условиях острого дефицита информации и времени принимать нестандартные управленческие решения, притом достаточно обоснованные. Творчество как одно из важнейших духовных качеств офицера позволяет ему взглянуть на каждую вновь возникшую проблему или задачу с разных сторон и соответственно сформировать свое понимание того, как их следует решить, используя как стандартные, так и нестандартные способы и приемы. Ценностная составляющая творчества офицера состоит в том, что оно неразрывно связано с привнесением в управленческую деятельность принципиально новых идей, взглядов, подходов, а также способов выхода из нестандартных (внештатных) ситуаций.

Конечно, следует исходить из того, что профессиональная управленческая деятельность офицера МЧС России динамична и сложна, в высшей степени неопределенна и непредсказуема. Никто заранее не может быть застрахован от всевозможных ошибок, просчетов или отдельных недоработок. Понятно, что не существует никакой совокупности универсальных правил, стандартных процедур и схем, готовых рецептов, одинаково пригодных и эффективных для действий в различных чрезвычайных ситуациях. Невозможно заранее предвидеть характер и масштаб всех рисков, вызовов и угроз, с которыми может столкнуться тот или иной офицер — и вынужден будет оперативно на них реагировать и сводить к минимуму все возможные негативные последствия. Под влиянием целого ряда объективных обстоятельств продуктивный аспект в управленческой деятельности того или иного офицера все больше выдвигается на первый план, приобретая решающее значение.

Основу *репродуктивной* деятельности офицера составляет активное использование (повторение) уже известного, освоенного им управленческого знания и опыта. Следует согласиться с тем, что далеко не все управленческие задачи, стоящие перед офицерским составом структурных подразделений МЧС России, требуют именно *творческого* решения. Вполне реальных успехов достигают и те офицеры, которые умело опираются в практической деятельности на весомый багаж усвоенных профессиональных знаний, навыков и умений, общекультурных традиций, прошлого опыта жизни и воинской службы. И все же более детальное изучение военно-управленческой деятельности свидетельствует о том, что в ней необходимо добиться органического единства продуктивного и репродуктивного аспектов.

Творчество реально проявляется на всех этапах управленческой деятельности, определяя в конечном итоге истинный способ, каким каждый конкретный офицер решает стоящие перед ним задачи. Исходя из этого, творчество офицера можно определить как процесс созидания нового, в котором реализуется его человеческая субъектность, духовная свобода и социальная активность. По существу, творчество офицера — индивидуально выраженный целенаправленный процесс в духовной и практической деятельности, связанный с поиском новых, оригинальных, нестандартных подходов для решения сложных управленческих задач, позволяющий добиться социально значимого результата.

Творчество базируется на высоком уровне интеллекта, общей и профессиональной культуры, инициативы и самоорганизации офицера, на его внутренней потребности и готовности воспроизводить новое, на активном использовании в профессиональной деятельности передовых идей, знаний и опыта, на освоении новой техники и инновационных технологий, на поиске новых, нестандартных подходов, способов и приемов, пригодных для решения сложных управленческих проблем. В самых разных служебных и внеслужебных ситуациях

офицеру приходится рассчитывать только и исключительно на свои знания и опыт, на интеллектуальные силы и организаторские способности.

Сфера для проявления творчества в управленческой деятельности офицера достаточно широка. В первую очередь это относится к созиданию и внедрению новых элементов в обучение и воспитание подчиненных, их мотивацию и стимулирование их деятельности. Также творческими могут стать: повышение уровня личного профессионализма и компетентности, грамотное использование мер дисциплинарной практики, обмен передовым опытом среди коллег и сослуживцев и распространение его, системный анализ состояния дел в воинском коллективе и решение неотложных вопросов по обеспечению качества жизни и быта, своевременное разрешение конфликтов.

Творческий подход к делу во многом позволяет офицеру переосмыслить принципиально новые идеи и подходы, освободиться от устаревших стандартных схем и стереотипов, идей и воззрений, ценностных установок и ориентаций, которые утратили актуальность и значимость, исчерпали себя и не соответствуют современным требованиям жизни и воинской службы. Творчество ориентирует офицера на дальнейшее развитие и самосовершенствование, не позволяя ему превратиться в узкопрофессионального специалиста и управленца с соответствующим стилем мышления и действия. Творческий подход помогает офицеру идти на оправданный риск, настойчиво преодолевать догматизм и инерционность мышления и тем самым достигать весьма ощутимых позитивных результатов не только в краткосрочной, но и в относительно долгосрочной перспективе.

Сегодня военно-управленческая деятельность офицера МЧС России во многом связана с жесткой регламентацией жизни и воинской службы, с ориентацией на неукоснительное соблюдение каждым офицером «духа и буквы» требований воинских уставов, наставлений и инструкций. В системе структурных подразделений МЧС России за долгие годы наработана достаточно

обширная база апробированных управленческих инструментов, передовых методов и методик, спасательных технологий, которые требуют от каждого офицера упорно и грамотно осваивать их и в дальнейшем применять. Как говорится, не надо ничего придумывать, надо умело и настойчиво использовать данный управленческий арсенал. В таких условиях от офицера не требуется особого творчества, можно вполне обойтись без него. Для каждого офицера определяющим фактором должно быть добросовестное и ответственное исполнение приказов и распоряжений его непосредственного начальства и вышестоящего руководства.

Однако с этой ценностной установкой сложно согласиться. Строгая ориентация на использование в управленческой деятельности только устоявшихся и апробированных схем и шаблонов есть по существу добровольный отказ офицера от поиска наиболее действенных, нестандартных способов решения возникающих проблем. Одновременно с этим, если офицер постоянно ожидает служебных указаний и распоряжений сверху, подобное положение дел практически исключает из сферы его профессиональной деятельности такие важные компоненты, как самостоятельность, инициатива и творчество. Соответственно, на второй план уходит творческая самореализация внутреннего духовного потенциала офицера. Подобного рода мировоззренческие установки во многом свидетельствуют о недостаточно высоком уровне управленческой культуры того или иного офицера, что всегда весьма неблагоприятно отражается на результатах его военно-профессиональной деятельности.

Следует признать, что значительная часть офицерского состава МЧС России стремится привнести в военно-управленческую деятельность элементы индивидуального творчества. Новизна и сложность задач (а также необходимость решать их своевременно) объективно требуют принципиально новых идей и подходов для управления отдельными подчиненными и целыми воинскими коллективами. Успехи того или иного офицера связаны не только с эффективным

решением управленческих проблем уже известного ему вида, но и с тем, насколько офицер оказывается внутренне подготовленным к решению новых, неизвестных ему задач. Здесь уместно вспомнить, что народная мудрость гласит: «Никому не нужны руководители, умеющие работать только в хорошую погоду».

Необходимо отметить, что далеко не все офицеры равновелико (и высоко) мотивированы качественно решать принципиально новые и достаточно сложные управленческие проблемы, ранее не встречавшиеся в их жизни и на воинской службе. Еще можно встретить офицеров, которые приучены ожидать распоряжений сверху — и потому противятся принципиальным изменениям в воинской службе, «особенно если, — подчеркивает С. П. Потанин, — изменения связаны со значительными усилиями, а их результаты неоднозначны» [3, с. 42—43]. Отдельным офицерам крайне трудно отказаться от устоявшихся в их сознании управленческих стереотипов, шаблонов и схем, а тем более своевременно признать допущенные ими ошибки и просчеты. Есть и те, кто при выполнении поставленных задач предпочитает излишне не рисковать и не проявлять даже разумную инициативу и творчество, действует исключительно в строгом соответствии с требованиями принятых руководящих документов.

Опыт воинской службы свидетельствует о том, что к числу основных причин, препятствующих проявлению творчества у офицера, можно отнести: относительно низкий уровень общей и профессиональной управленческой культуры, недостаточную мотивированность на личностное развитие и самосовершенствование, завышенную оценку собственных сил и возможностей, недостаточную гибкость мышления, отсутствие здоровой самокритичности, строгое следование устоявшимся шаблонам и стереотипам, преклонение перед авторитетами, излишнюю боязнь всевозможных ошибок и просчетов.

Вместе с тем значительное число офицеров структурных подразделений МЧС России ориентированы на то, чтобы при

выполнении своих функциональных обязанностей проявлять инициативу и творчество. Творчество (как важнейшее духовное качество офицера и необходимый элемент его управленческой культуры) связано с поиском и выбором наиболее оптимального варианта решения задачи, опирающегося на реалии времени и места и на условия конкретной обстановки (ситуации). Конечно, данный выбор может носить как рациональный, так и интуитивный характер, так как в управленческой деятельности офицеру постоянно приходится апеллировать не только к своим общекультурным и военно-профессиональным знаниям и опыту, но и к здравому смыслу. Творчество следует рассматривать как одно из социально значимых качеств духовного мира личности офицера, способного максимально задействовать духовный потенциал не только себя самого, но и своих подчиненных. Прямая обязанность офицера любого уровня и ранга состоит в том, чтобы всемерно поддерживать творческие инициативы и начинания своих подчиненных.

Творческий офицер всегда ориентирован на позитивный результат, на поиск уникальной, единственно правильной тактики и стратегии действий, на обоснованный выход за границы установленных предписаний и требований уставов, приказов, различного рода инструкций и наставлений, что дает ему возможность перейти к новым способам решения управленческих задач. Если офицер обладает данным качеством, оно позволяет ему постоянно всесторонне анализировать положительные и отрицательные результаты его управленческой деятельности, всегда иметь в запасе нестандартные варианты решений для сложных управленческих проблем.

В управленческой деятельности пресловутый человеческий фактор был и продолжает оставаться главным духовным ресурсом всех структурных подразделений МЧС России. Это подтверждается, например, оценками офицеров из Центра по проведению спасательных операций особого риска «Лидер», разминировавших территорию Крыма в районе Керчи от боеприпасов

времен Великой Отечественной войны. Сложные условия работы требуют от каждого участника максимальной концентрации духовных и профессиональных знаний, умений и навыков, высочайшего творчества — и не дают ни малейшего права на ошибку. Только осознание социальной значимости, сложности и опасности данной работы позволяет делать ее хорошо и качественно. По оценкам офицеров, при разминировании территории обеспечить достижение максимально положительного результата с помощью минимальных духовных затрат в принципе невозможно.

Творчество объективно востребовано тогда, когда появляется острая потребность в поиске выхода из сложной нестандартной (внештатной) ситуации. Известный набор стандартных решений уже не может удовлетворить офицера, так как ему приходится принимать управленческое решение в динамично меняющейся обстановке, при остром дефиците времени и имеющихся в его распоряжении ресурсов. Опыт воинской службы свидетельствует о том, что с помощью относительно простых управленческих инструментов невозможно обеспечить решение сложных задач, которые в практике офицера ранее не встречались. Так, способы, методы и приемы, успешно работающие в одних условиях, часто оказываются мало эффективными, а порой просто непригодными для решения более сложных и масштабных задач, особенно при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Профессиональная деятельность офицеров структурных подразделений МЧС России предоставляет им реальную возможность для того, чтобы максимально проявить творческие силы и способности. Конечно, в каждой конкретной ситуации офицеры специфически обосновывают и принимают управленческое решение, используя при этом как апробированные, так и принципиально новые (нестандартные) приемы и способы. Наглядным примером может служить предотвращение наводнения в Комсомольске-на-Амуре в 2013 г. Стоя живой стеной в воде, около тысячи спасателей более 15 часов сдерживали напор

стихии. В результате своевременно принятого управленческого решения удалось защитить Мылкинскую дамбу и не допустить затопления города. Важно отметить, что теория и практика спасательных операций, применяемая в системе МЧС России, еще не сталкивалась с подобным решением.

Творческий характер военно-управленческой деятельности офицера МЧС России во многом определяется уровнем развития его общекультурных и военно-профессиональных качеств, среди которых следует называть: профессионализм и компетентность, ответственность, организаторские способности, гибкость мышления, широкую эрудицию, сообразительность, целеустремленность, самостоятельность, инициативность, настойчивость, высокую работоспособность, самокритичность, уверенность в своих силах, объективную оценку своих успехов и недостатков, внутреннюю готовность создавать и использовать новое знание и опыт. Известный советский философ Г. П. Щедровицкий (1929—1994), касавшийся природы творчества [6, с. 37], также вполне справедливо обращал внимание: руководитель обязан обладать таким важным качеством, как *«конструктивная смелость»* [6, с. 30]. Кроме того, по мнению Щедровицкого, новое в управленческой деятельности еще надо суметь отстоять (защитить) — и не только перед своим непосредственным руководством, но и перед вышестоящим начальством [6, с. 75—76, 115—116].

Сегодня необходимо четко понять, что творчество — тяжелый и напряженный труд, требующий от офицера определенной устойчивой мировоззренческой склонности («Для мыслительного процесса одинаково необходимо как овладение достигнутыми знаниями, так и творческое их развитие, выход за пределы накопленного опыта» [2, с. 190—191]; добавим от себя, что речь идет о накопленном опыте и обыденной жизни как таковой, и воинской службы). Личный багаж управленческих знаний, умений и навыков требует, чтобы офицер постоянно обновлял и совершенствовал его — и мог соответствовать высоким требованиям избранной им профессии. По мнению

В. Франкла (1905—1997), особую социальную ценность приобретает не столько избранная человеком профессия, сколько совершенное, мастерское владение ею («важна не работа, которую человек выполняет, а то, как он делает эту работу» [5, с. 233]). Практика показывает, что если из структурного подразделения уходит инициативный и творческий офицер, далеко не всегда и в относительно короткие сроки удается найти ему равноценную замену.

В рамках рассматриваемой темы хотелось бы сформулировать ряд основополагающих выводов:

- 1) *творчество* как одно из важнейших качеств духовного мира офицера *не формируется*, когда он просто накапливает общекультурные и военно-профессиональные знания, умения и навыки, богатый жизненный и воинский опыт;
- 2) *оно не восполняется (не компенсируется)* за счет сильнее развитых у офицера таких важных военно-профессиональных качеств, как дисциплинированность, исполнительность и ответственность;
- 3) *развитие творчества* как одного из важнейших духовных качеств офицера *невозможно обеспечить по команде или по приказу сверху*, так же как нельзя заставить никакого человека быть честным, ответственным и инициативным;
- 4) *невозможно скопировать творчество* из «лучших практик» («списать» с кого-то или «позаимствовать» у кого-то), в относительно короткие сроки освоить и сделать собственным;
- 5) *невозможно достичь творческих высот с чужой помощью*, так как каждый офицер должен постоянно повышать свой профессиональный, интеллектуальный и нравственный уровни развития.

Следовательно, возможность быть (а точнее, способ стать) по-настоящему творческим зависит от каждого конкретного офицера, от его кропотливого и напряженного труда, от инициативы и самоотдачи, проявленных при выполнении служебного и воинского долга. Творческий офицер — образованный, культурный, инициативный, высоко ответственный

и мотивированный человек, умеющий видеть в своей работе главное и сосредоточиваться на нем, системно мыслящий, нацеленный на достижение позитивного результата. В этом плане весьма современно и актуально звучит мысль М. В. Фрунзе (1885—1925) об офицерском составе: «...все можно выработать в себе, если по-настоящему захотеть, если не давать себе поблажки» (цит. по: [1, с. 281]).

Креативность современного офицера МЧС России — не самоцель: ее лучше рассматривать как особый *инструмент*, владение которым позволяет достаточно оперативно и эффективно решать управленческие задачи различной степени сложности. Творчество не есть некое искусственное дополнение к военно-управленческой деятельности офицера, а скорее необходимое и обязательное духовное качество, умелое использование которого способно дать его обладателю весьма существенные преимущества. Творческий офицер, максимально используя интеллект, эрудицию, жизненный опыт и профессиональные знания, оказывается более подготовленным к нестандартному решению управленческих проблем. Вот почему необходимо всячески поощрять и поддерживать творческих офицеров, способных исключительно добросовестно выполнять общегражданский и воинский долг — и стабильно достигать высоких позитивных результатов в воинской службе.

Список литературы и источников

1. *Громов А. Б.* Нарком Фрунзе. Победитель Колчака, уральских казаков и Врангеля, покоритель Туркестана, ликвидатор петлюровцев и махновцев. М.: Центрполиграф, 2017. 320 с.
2. Культура военного мышления / под ред. Ф. Ф. Гайворонского, М. И. Галкина. М.: Воениздат, 1991. 287 с.
3. *Потанин С. П.* О творческих аспектах управленческой деятельности офицера // Военная мысль. 1998. № 6. С. 41—46.
4. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

5. **Франкл В.** Общий экзистенциальный анализ // Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и нем. / В. Франкл; общ. ред.: Л. Я. Гозман, Д. А. Леонтьев; вступ. ст.: Д. А. Леонтьев. М.: Прогресс, 1990. С. 157—283. (Б-ка зарубежной психологии).
6. **Щедровицкий Г. П.** Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология: курс лекций. 2-е изд. М.: Путь, 2003. 476 с. (Организация. Руководство. Управление. Т. 4) (Из архива Г. П. Щедровицкого).
7. **Яковлев В. А.** Философия творчества в диалогах Платона // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 142—154.

References

1. Gromov A. B. *People's Commissar Frunze. Winner of Kolchak, the Ural Cossacks and Wrangel, Conqueror of Turkestan, Liquidator of the Petty-urians and Makhnovists*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. 320 p. (In Russian).
2. Gayvoronskiy F. F., Galkin M. I., Zarubin A. I., eds. *Culture of Military Thinking*, monograph. Moscow: Voenizdat, 1991. 287 p. (In Russian).
3. Potanin S. P. "On the Creative Aspects of a Military Officer's Managerial Activity". *Voyennaya mysl' = Military Thought* 6 (1998): 41—46. (In Russian).
4. Il'ichev L. F., Fedoseyev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G., gen. eds. *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 840 p. (In Russian).
5. Frankl Viktor E. "General Existential Analysis". *The Doctor and the Soul: From Psychotherapy to Logotherapy*. Richard Winston, Clara Winston, transl. 2nd ed., enlarged. New York (NYC): Vintage Books, 1973. 25—175.
6. Shchedrovitsky G. P. *Org-Managerial Thinking: Ideology, Methodology, Technology*, a course of lectures. 2nd ed. Moscow: Put', 2003. 476 p. Vol. 4

- of *Organizatsiya. Rukovodstvo. Upravleniye*. (In Russian). Iz arkhiva G. P. Shchedrovitskogo.
7. Jakovlev V. A. "Philosophy of Creation in Plato Dialogues". *Voprosy filosofii* 6 (2003): 142—154. (In Russian).

Информация об авторах

Чижик Петр Иванович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, истории и культурологии, Академия гражданской защиты МЧС России (Россия, 141435, Московская область, г. Химки, мкр. Новогорск, ул. Соколовская, стр. 1А).

Наумов Александр Владимирович — кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и религиоведения, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ (Россия, 123001, Москва, ул. Б. Садовая, 1).

Information about the authors

Petr I. Chizhik — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor at the Philosophy, History and Culture Department, Civil Defense Academy of EMERCOM of Russia (Russia, 141435, Moscow oblast, Khimki, mikrorayon Novogorsk, Sokolovskaya str., bld. 1A).

Alexander V. Naumov — PhD in Philosophy, lecturer at the Philosophy and Religious Studies Department, Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation (Russia, 123001, Moscow, B. Sadovaya str., 1).

Статья поступила в редакцию 01.11.2022.

The article was submitted 01.11.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022 № 4 (36). С. 165—170.

Economic and Social Research. 2022 No. 4 (36). P. 165—170.

Научная статья

УДК 124.5:316

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-165-170

Антиценности современного российского общества

Е. С. Шакирова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

chakirova31997@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются понятия «ценность» и «антиценность». Автор описывает взаимосвязь антиценностей и ценностей, влияние системы ценностей индивида и общества на развитие государственности, а также приводит примеры подмены ценностей и псевдоценностных ориентиров, созависимости идеологии и ценностей. Статья носит теоретический характер, в ее основе лежит метод анализа информации. Заключительные положения являются субъективными суждениями автора, сформированы на основании проведенной теоретической работы.

Ключевые слова: ценность, антиценность, идеология, социум, индивид

Для цитирования: Шакирова Е. С. Антиценности современного российского общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 165—170. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-165-170>

Original article

Disvalues of modern Russian society

E. S. Shakirova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

chakirova31997@mail.ru

Abstract. In this work, the concepts of “value” and “disvalue” are considered. The author describes the interrelation of disvalues and values, the influence of the values structure of an individual and a society on the development of statehood, and also gives examples of substitution of values and the creation of pseudo-value orientations, of ideology and values’ codependency. The article is theoretical in nature, based on the method of information analysis. The final provisions are subjective judgments of the author, formed on the basis of the theoretical work carried out.

Keywords: value, disvalue, ideology, society, individual

For citation: Shakirova E. S. "Disvalues of Modern Russian Society". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 165—170. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-165-170>

Успешное экономическое и технологическое развитие — не гарантия процветания государства и благополучия его граждан. Мир многомерен: не все явления и события жизни человека и человечества измеримы материальным эквивалентом ценности. В частности, А. Маслоу утверждал, что неудовлетворенность четырех уровней потребностей — потребностей дефицита — делает человека несчастным, но и гиперудовлетворение этих потребностей также не гарантирует ощущения полноценности жизни, а лишь выводит человека на новый уровень, на котором он начинает испытывать и стараться удовлетворить потребности роста. На поведение и мировоззрение индивида влияет система ценностей, которую общество индоктринирует, а человек воспринимает, интериоризует, избирая определенные ценности своими жизненными ориентирами.

Ценности, возможно, являются наиболее важными элементами культуры. Люди в обществе имеют определенные убеждения и разделяют коллективные ценности. Убеждения — это постулаты, идеи, концепты, которые люди считают истинными. Так, американцы верят в «американскую мечту»: она представляет собой концепт, согласно которому любой, кто достаточно усердно работает, может добиться успеха и богатства. В основе этого убеждения лежит идея, что богатство — это хорошо и важно. Ценности — это «стандарты» культуры, укоренившиеся в культурном коде и имеющие решающее значение для передачи молодым поколениям культурных идеалов и убеждений. Ценности формируют и скрепляют социальную общность, маркируя, что хорошо, ценно, значимо, важно, красиво, чего следует добиваться и что стоит охранять, беречь, передавать следующим поколениям. В частности, в либеральных обществах люди высоко ценят индивидуальность, личную свободу, независимость. Напротив, российская национальная культура

является коллективистской. Это означает, что благополучие группы, солидарность, взаимопомощь, добрососедство, групповые отношения являются ключевыми ценностными ориентирами для значительного числа людей.

«Культурные ценности, — утверждает Т. П. Заборских, — формируются в результате адаптации к окружающей среде, исторических факторов, социально-экономической эволюции и контактов с другими группами. Люди вырабатывают культурные паттерны восприятия, которые определяют, какие стимулы достигают их сознания. Эти культурные модели восприятия также определяют суждения о людях, объектах и событиях» [2, с. 87]. Ценности диктуют не только модели восприятия, но и модели поведения и служат ориентиром в пространстве мотивации и целеполагания членов социальной группы. Таким образом, культурные ценности содержат «образцы жизни» и предписывают правила и модели отношений и поведения членов данной группы.

Культуры многогранны и многоплановы; каждая социальная группа, в которую люди объединены по одной (полу, сексуальной идентичности, классу, стране происхождения, уровню дохода) или множеству переменных, имеет собственный набор базовых ценностей. Основываясь на концепции ценностей, Т. П. Заборских рассматривает культуру как динамическую систему «символов и значений, которая включает в себя непрерывный диалектический процесс, в котором прошлый опыт влияет на значения, которые, в свою очередь, влияют на будущий опыт» [2, с. 86] — опыт следующего поколения. Человек, продолжает Т. П. Заборских, «может одновременно принадлежать к множеству культур, и проблема навигации по культурам с несовместимыми системами ценностей (например, религия и сексуальная идентичность) может привести к фрагментированному чувству идентичности или ненависти к себе» [2, с. 86].

Ценности часто подсказывают, как люди должны себя вести, отражая стандарты, которые общество хотело бы доктринировать, сохранять, транслировать, но они не всегда совпадают с нормами, регламентирующими поведение людей. Так, ненасилие, доброта, взаимопомощь, равенство, справедливость провозглашаются ценностями во многих культурах, однако в реальной жизни востребован труд полицейских, законодателей, педагогов и социальных работников, задача которых — предотвратить или уменьшить общественно вредные последствия преступлений, проявлений неравенства, несправедливости, угнетения и насилия.

Один из способов, с помощью которых общества стремятся сохранять и транслировать ценности, — это санкции: поощрения и наказания, побуждающие отдельных людей или целые государства жить в соответствии с представлениями их общества о том, что хорошо и правильно. Нарушение норм и отказ от ценностей может привести к культурным санкциям, таким как получение отрицательного ярлыка, стигмы: ленивый, нерадивый, отстающий, ненадежный — или к юридическим санкциям, таким как штрафы за нарушение правил дорожного движения или тюремное заключение.

Культурные ценности, по мнению В. Д. Губина [1, с. 4—5], можно разделить на шесть основных категорий:

- этические (представления о добре и зле, свободе и ответственности);
- эстетические (представления о красоте и привлекательности);
- доктринальные (политические, идеологические, религиозные или социальные убеждения и ценности);
- врожденные (эта категория наиболее спорная, к ней относят такие ценности, как размножение и выживание);
- терминальные (жизненные);
- потенциальные (например, потенциально ценны семена растения, которое может оказаться лекарственным в будущем).

Ценности — это принципы или качества, которые придают смысл вещам, фактам или людям. Существование ценности есть

результат интерпретации субъектом мысли, обусловленной обычаями и традициями общества, в котором он живет, т. е. абстрактными представлениями, определяющими поведение людей.

Таким образом, ценности — это необходимые инструменты поддержания гармонии в обществе. Например, понимание и знание индивидом собственной системы ценностей, а также ценностей культур, в которые он встроен, позволяет ему решить, стоит ли многочасовая работа приложенных усилий, учитывая, что она не оставляет индивиду достаточно времени, чтобы побыть с семьей.

Антиценности — противоположности ценностей: к ним относятся доминирование, месть, садизм, идеология, жесткость и исключительность. Характер противопоставления таков, что ценности имеют положительное значение, тогда как антиценности — отрицательное. Предположительно в нашем историческом прошлом антиценности обеспечивали некоторую степень индивидуальной или коллективной безопасности. Важно отметить, что антиценности не являются синонимами избытка или недостатка другой ценности. Трусость — это не недостаток смелости, а безрассудство — не избыток мужества. Вместе с тем ни трусость, ни безрассудство не обозначают ценности, к которой кто-либо стремится. Соответственно, можно согласиться с предостережением В. Н. Сагатовского о том, что безоговорочное деление карты ценностей на ценности и антиценности порождает серьезные теоретические проблемы: «У разных человеческих типов и в разных культурах ценности и антиценности могут “меняться местами”» [4]. То, что для одной культуры считается правильным, для другой может быть вредным или антиценным, это же справедливо и для ценностей: «Зло становится ценностью у сатанистов, преступление — у “воров в законе”; богатство в его материальной форме — одна из базовых ценностей американского образа жизни, но оно не является таковой для христианского аскета или йога» [4].

Есть общие для всех людей ценности, преодолевающие культурные и идеологические барьеры, например, любовь, честность

и уважение. Противопоставляемые им антиценности — ненависть, безнравственность и дискриминация; моральный категорический императив (И. Кант) диктует большинству людей на планете, что убийство, воровство и мародерство не могут служить источником социального блага, не могут доктринироваться как ценностный ориентир. Вместе с тем даже глобальная ценность может девальвироваться в антиценность в моделях поведения той или иной социальной группы: в истории человечества были периоды, когда преступные по своей сути действия (крестовые походы, религиозное насилие, инквизиция, геноцид и др.) оправдывались и приветствовались (см., напр., [6]). Тем не менее нельзя не признать, что само насилие (даже санкционированное и легальное) ни в одной культуре не рассматривалось как ценность, оно воспринималось именно как способ, средство, метод, инструмент достижения цели-ценности для той или иной цивилизации, народности, религиозной группы, расы, государства.

Обратимся к современной российской действительности. Сегодня общество переживает нестабильный этап, характеризующийся то волнами всеобщей раздробленности, то волнами всепоглощающего патриотизма и чувства единения. В большинстве своем внутригрупповая разобщенность и атомизация сочетаются со сплоченностью по отношению к внешним угрозам, таким как экологические бедствия или военное вторжение. Ценностная ткань нашего общества крайне истончена, ненадежна [7]: в частности, представители молодых поколений разделяют ценности индивидуализма, личной свободы, консьюмеризма. Истоки такого положения вещей можно обнаружить в недалеком прошлом нашего общества. Российский государственный деятель А. А. Фурсенко, в период с 2004 по 2012 г. занимавший пост министра образования России, утверждал, что образовательный процесс призван «взрастить квалифицированного потребителя» (приводится по: [3]). В этом с ним были солидарны многие. Не удивительно,

что, согласно результатам опроса Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (2007 г.), для молодежи (того периода) в целом был характерен «моральный релятивизм» и даже цинизм, равнодушие к каким бы то ни было идеалам. Сегодня именно эти люди, достигнув зрелости, стали движущей силой общества.

На наш взгляд, основной ценностью, значение которой исказилось до конвертации в антиценность, стала идея личного благосостояния. Все чаще можно заметить, что современное российское общество развивается согласно знаменитой максиме «цель оправдывает средства», при этом совершенно забыто то, что, согласно идеям основателя ордена иезуитов Игнатия де Лойолы, которому приписывают это высказывание, единственной целью, на которую человек должен не жалеть усилий и ресурсов, является спасение души. Поскольку возвышенные идеалы нестяжательства постепенно утрачиваются, российское общество постепенно трансформируется в общество потребителей: мы все хотим получить больше, прилагая минимум усилий, мы часто упоминаем о своих правах, нередко забывая об обязанностях. Светлые и, возможно, положительные принципы подменяются антиценностями: любовь как ценность вытесняется сексом, достаток, благополучие — культом богатства, дружеские взаимоотношения — полезными связями, созидание — потреблением, честь и достоинство — конформизмом, идея здорового индивидуализма, саморазвития — эгоизмом, обособленностью.

Антиценности не способны позитивно влиять на социум и государство, они по своей природе способствуют разрушению и дестабилизации внутренней сущности социальной системы. Если ценности подменяются антиценностями, социум (в частности, этнос) может превратиться в «химеру» (Л. Н. Гумилев): «В химере <...> господствует бессистемное сочетание несовместимых между собой поведенческих черт, на место единой ментальности приходит полный

хаос царящих в обществе вкусов, взглядов и представлений. В такой среде расцветают антисистемные идеологии. Потеря своеобразных для каждого этноса адаптивных навыков приводит к отрыву населения от кормящего ландшафта. Таким образом, химеру можно охарактеризовать как общность деэтнизированных, выпавших из этносов людей. В отличие от этноса химера не может развиваться, а способна лишь некоторое время существовать, впоследствии распадаясь — происходит своего рода этническая “аннигиляция”. Возникшие в недрах химеры антисистемы выступают, как правило, инициаторами кровопролитных конфликтов, либо химера делается жертвой соседних этносов» [5, с. 533].

Таким образом, антиценности носят субъектный и субъективный характер, их распространение возможно при массовизации, трансляции антиценностных ориентиров и их закреплении в сознании граждан. Антиценности способны принимать форму идеологии, подменять истинные ценности, выдавая себя за общечеловеческие ориентиры, идеалы и даже за вектор государственного развития.

Перед Россией стоит непростая задача — возрождение традиционных ценностей, создание современной иерархии ценностей, отвечающей вызовам времени, внутренней и внешней политической обстановке, основанной на принципах поликультурности с уклоном в сторону формирования гражданской идентичности, поддерживающей идеи равенства и братства всех народностей, всех граждан нашего большого государства. Условия, в которых сегодня приходится развиваться РФ, весьма сложны, но именно эти условия способны помочь совершить внутреннюю трансформацию, выполнив «защитку» антиценностей. Многие мыслители и ученые дают понятию «идеология» негативную окраску, некоторые даже относят ее к антиценностям. Однако, на наш взгляд, ценности и идеология взаимосвязаны, поэтому при формировании современной ценностной системы российского общества эта система будет призвана исполнять и идеологическую роль.

Список литературы и источников

1. **Губин В. Д.** Культура и творческая деятельность. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987. 85 с.
2. **Заборских Т. П.** Современная интерпретация культуры в контексте ценностного анализа // Музыкознание: Искусство. Культура. Образование: сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22—24 апр. 2021) / под общ. науч. ред. Я. И. Сушковой-Ириной. М.: Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2021. С. 84—90. EDN IVRNDB.
3. **Мазурова Л.** Потребитель нынче в дефиците? // Литературная газета [Электронный ресурс]. 2007. № 32 (6132): 8 авг. URL: https://lgz.ru/article/N32--6132---8-08-2007-/Potrebityel-nyynche-v-defitsite_1154/ (дата обращения: 19.11.2022).
4. **Сагатовский В. Н.** Философия антропокосмизма: авторский словарь // Персональный сайт В. Н. Сагатовского [Электронный ресурс]. URL: https://sagatovskij.ucoz.ru/publ/filosofija_antropokosmizma_avtorskij_slovar_2012/1-1-0-50 (дата обращения: 20.11.2022).
5. Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л. Н. Гумилева / сост. В. А. Мичурин // Этносфера: история людей и история природы / Л. Н. Гумилев. М.: Прогресс: Пангея, 1993. С. 493—542.
6. **Тяпин И. Н.** Антимораль: сущность, история становления и теоретическая эволюция // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 190—193. EDN XVHUXF.
7. **Шаров К. С.** Перевернутые ценности современной реальности и государство // Ценности и смыслы. 2009. № 2 (2). С. 16—26. EDN KXXDIR.

References

1. Gubin V. D. *Culture and Creativity*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia Publ., 1987. 85 p. (In Russian).
2. Zaborskih Tamara P. “Modern Interpretation of Culture in the Context of Value Analysis”. *Muzykoznanie: Iskustvo. Kul'tura. Obrazovaniye: sb. statey po mat-lam Mezhdunar. nauch.-prakt.*

- konf.* (Moskva, 22—24 apr. 2021). Gen. ed. Ya. I. Sushkova-Irina. Moscow: Russian State University named after A. N. Kosygin (Technology. Design. Art), 2021. 84—90. (In Russian). EDN IVRNDB.
3. Mazurova L. “Is Consumer Deficient Now?”. *Literaturnaya gazeta. Literaturnaya gazeta Archive*. 08 Aug. 2007. (In Russian). Web. 19 Nov. 2022. <https://lgz.ru/article/N32--6132---8-08-2007-/Potrebitye-nynche-v-defitsite_1154/>
  4. Sagatovskiy V. N. “Philosophy of Anthropocism: Authorial Dictionary”. *Personal'nyy sayt V. N. Sagatovskogo*. N. d. (In Russian). Web. 20 Nov. 2022. <https://sagatovskij.ucoz.ru/publ/filosofija_antropokosmizma_avtorskiy_slovar_2012/1-1-0-50>.
  5. Michurin V. A., comp. “Conceptional and Terminological Dictionary of L. N. Gumilev’s Ethnogenesis Theory”. Gumilev L. N. *Etnosfera: istoriya lyudey i istoriya prirody*. Moscow: Progress; Pangeya, 1993. 493—542. (In Russian).
  6. Tyapin Igor’ N. “Antimorality: Essence, Formation History and Theoretical Evolution”. *Istoriicheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice* 2 (76) (2017): 190—193. (In Russian). EDN XVHUXF.
  7. Sharov Konstantin S. “Reversed Values of Today’s Reality and the Government”. *Tsennosti i smysly* 2 (2) (2009): 16—26. (In Russian). EDN KXXDIR.
  4. Риккерт Г. О системе ценностей [текст: непосредственный] / Генрих Риккерт // *Науки о природе и науки о культуре* : пер. с нем. / Г. Риккерт. Москва : Республика, 1998. С. 363—391. (Мыслители XX века).
  5. Российское гуманистическое общество : сайт [текст: электронный] / РГО, соp. 2022. URL: <http://www.humanism.ru/> (дата обращения: 19.11.2022).

Bibliography

1. Gaydenko P. P. “Human Being and History in Existential Philosophy of Karl Jaspers”. Jaspers K. *The Origin and Goal of History*. Moscow: Politizdat, 1991. 5—26. (In Russian). Mysliteli XX veka.
2. Kagan M. S., St. Petersburg State University, Academy of Humanities. *Philosophical Theory of Value*. Saint Petersburg: Petropolis, 1997. 204 p. (In Russian).
3. Kara-Murza Sergey. *Mind Control*. Moscow: EKSMO, 2003. 830 p. (In Russian). Istoriya Rossii. Sovremennyy vzglyad.
4. Rickert Heinrich. “Die Objektivität der Kulturgeschichte”. Rickert H. *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1926. 132—144. (In German).
5. *Russian Humanistic Society*. Rossiyskoye gumanisticheskoye obshchestvo, соp. 2022. (In Russian). Web. 19 Nov. 2022. <<http://www.humanism.ru/>>.

Библиография

1. **Гайденко П. П.** Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса [текст: непосредственный] / П. П. Гайденко // *Смысл и назначение истории* / Карл Ясперс. Москва : Политиздат, 1991. С. 5—26. (Мыслители XX века).
2. **Каган М. С.** Философская теория ценности [текст: непосредственный] / М. С. Каган; С.-Петерб. гос. ун-т, Акад. гуманитар. наук. Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. 204 с.
3. **Кара-Мурза С. Г.** Манипуляция сознанием [текст: непосредственный] / Сергей Кара-Мурза. Москва : ЭКСМО, 2003. 830 с. (История России. Современный взгляд).

Информация об авторе

Шакирова Елена Сергеевна — аспирантка, Донской государственный технический университет (Россия, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1).

Information about the author

Elena S. Shakirova — PhD Student, Don State Technical University (Russia, 344003, Rostov-on-Don, Gagarina sq., 1).

Статья поступила в редакцию 28.11.2022.

The article was submitted 28.11.2022.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА

PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM: EDUCATION, UPBRINGING, HUMAN DEVELOPMENT

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 171—174.

Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 171—174.

Научная статья

УДК 378:517(076.1)

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-171-174

О моделировании процессов дифференциальными уравнениями

А. И. Гавриков

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

gai-miet@yandex.ru

Аннотация. Постулируется необходимость адаптации методик преподавания университетских курсов к практико-ориентированному подходу. Утверждается, что преподавание курса дифференциальных уравнений также должно быть практико-ориентированным, поскольку уравнения служат математическими моделями многих процессов и явлений в науке, технике, экономике, демографии и других областях. Обосновано следующее предположение: если студент с помощью преподавателя обнаруживает, как именно дифференциальное уравнение моделирует практическую задачу, он сможет решать ее с большим интересом, быстрее и эффективнее. Показано, что практико-ориентированный подход к преподаванию теоретических дисциплин в конечном счете усиливает интерес студентов к процессу их освоения.

Ключевые слова: дифференциальные уравнения, практически-ориентированное моделирование, предельный переход

Для цитирования: Гавриков А. И. О моделировании процессов дифференциальными уравнениями // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 171—174. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-171-174>

Original article

On modeling processes by differential equations

A. I. Gavrikov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

gai-miet@yandex.ru

© Гавриков А. И.

Abstract. In this work, the need to bring the university courses' teaching methods in sync with practice-oriented approach is substantiated. The author affirms that teaching of differential equations course should also be practice-oriented since the equations serve as mathematical models of many processes and phenomena in science, engineering, economics, demography and other domains. The following assumption has been justified: if students with lecturer's help find the way differential equation simulate a practical problem, they can solve this problem faster and with greater efficiency and interest. It was shown that practice-oriented approach to theoretical courses' teaching at long last heightens students' interest in learning these courses.

Keywords: differential equations, practically-oriented modeling, limit transition

For citation: Gavrikov A. I. "On Modeling Processes by Differential Equations". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 171—174. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-171-174>

Актуальность нашей статьи обусловлена тем, что на фоне стремительного развития персональных компьютерных устройств большинство студентов проявляют склонность к практицизму, стремясь к максимальной оптимизации процессов хранения и усвоения учебной информации. Принимая эту тенденцию как объективную, а ее последствия как неизбежные и необратимые, преподаватели вынуждены адаптировать методики преподавания своих курсов к потребностям студентов. Изменения в программах и методиках ориентированы на то, чтобы, с одной стороны, сохранить в разумных пределах строгость изложения теоретического материала, с другой стороны, уделить больше времени и внимания практическим методам решения задач (не только математических, но также и физических, экономических, статистических, юридических) и разъяснению способов получения результатов. Одним из таких курсов является и курс дифференциальных уравнений.

Изменение учебных планов в сторону уменьшения количества аудиторных часов, отводимых на освоение студентами программ различных учебных дисциплин, также является немаловажным фактором методического поворота в сторону практико-ориентированного преподавания. Автору этой статьи, например, пришлось полностью пересмотреть методы и педагогические технологии преподавания курса решения дифференциальных уравнений и уравнений в частных производных в связи с тем, что учебный план включал 32 часа семинарских занятий при отсутствии

часов, выделенных на теоретический (лекционный) курс. Соответственно, преподаватель в начале семестра давал студентам модуль теоретического материала, разбирал решение уравнений на доске и лишь затем приступал к практическим занятиям со студентами.

В нашей педагогической практике мы опираемся на понимание определенного интеграла как результата моделирования задач, возникающих в практической деятельности [1]. Главным в дефиниции определенного интеграла являлся предельный переход [1; 2]. Если мы распространяем этот подход на дифференциальные уравнения, мы обнаруживаем, что они являются математическими моделями многих процессов и явлений в науке, технике, экономике, демографии и других областях.

Преподавание курса дифференциальных уравнений в вузе обычно включает теоретический и практический блоки (лекции и семинары). На лекциях дифференциальные уравнения традиционно представляются как готовые соотношения между производными определенных порядков и искомой функцией, однако лектор, как правило, не поясняет, как эти соотношения получены. На семинарах полученные уравнения решаются преподавателем и студентами, но нередко у студентов так и не формируется представления о том, как эти уравнения изначально получены. Многие студенты могут даже правильно решить задачу, используя компьютерную технику (по сути, искусственный интеллект), но их собственный интеллект остается один на один

с неразрешенными вопросами: как получено это уравнение, какие процессы оно моделирует, по какому методу, алгоритму оно решается, почему избран именно этот метод решения и каким образом избранное решение позволит управлять реальными процессами? На наш взгляд, практико-ориентированный подход к преподаванию позволяет решить эту проблему когнитивной дезориентации студентов. Он подразумевает, что преподаватель должен показать студентам, как именно в терминах дифференциальных уравнений моделируется та или иная практическая задача. Если студент откроет для себя практическую природу задачи, он в конечном итоге сможет решать ее с большим интересом, быстрее, более простым способом, вместе с тем в ходе решения оставаясь в терминах дифференциальных уравнений и в пределах заданной точности. Объяснение методов, применяемых к решениям, в свою очередь, усиливает интерес студентов к предмету, поскольку они открывают для себя значимость и усваивают навыки математического моделирования реальных процессов.

Рассмотрим процесс получения простейшего дифференциального уравнения (линейного и однородного) на основе применения теории пределов. Как уже отмечалось, на лекциях и практических занятиях мы часто не имеем достаточно времени на углубленное рассмотрение со студентами вопросов получения дифференциальных уравнений, моделирующих те или иные процессы, в результате студенты не обнаруживают или не понимают связей между алгоритмами моделирования и математическим анализом (исчислением бесконечно малых). Однако нам как преподавателям нужно показать студентам, что именно применение методов исчисления бесконечно малых и позволяет получать дифференциальные уравнения в том виде, в каком мы их обычно решаем.

При математическом моделировании различных процессов посредством дифференциальных уравнений мы рассматриваем бесконечно малые элементы входящих в моделируемый процесс объектов (тел) и бесконечно малые приращения описывающих эти процессы величин (характеристик) [2]. Студенты должны усвоить, что при

установлении зависимости между бесконечно малыми элементами и величинами *на первом этапе* нам необходимо использовать все возможные упрощающие допущения и приближенные замены, в частности сведения из физики, механики, химии и других наук. Далее *на втором этапе* наступает черед математического упрощения. Упрощающие действия и замены в математике сводятся к выделению главных линейных частей приращений рассматриваемых элементов и величин и отбрасыванию бесконечно малых элементов и величин высших порядков, т. е. к замене приращений дифференциалами. Все бесконечно малые приращения рассматриваемых элементов и величин заменяются дифференциалами. Это и есть отбрасывание бесконечно малых величин высших порядка. Это возможно при условии, что все рассматриваемые функции дифференцируемы.

Рассмотрим пример моделирования физического процесса распада радиоактивного вещества. Из физики известно, что процесс описывается дифференциальным уравнением

$$\frac{dm(t)}{dt} = -km(t), \quad (1)$$

где k — коэффициент пропорциональности; $m(t)$ — масса вещества в момент времени t ; $dm(t)$ — дифференциал $m(t)$, а dt — дифференциал времени. Умножив обе части уравнения на dt и перенеся все в левую часть, получим это уравнение в другом виде:

$$dm(t) + km(t)dt = 0. \quad (2)$$

При этом не поясняется, как получено дифференциальное уравнение вида (1) через производную или уравнение вида (2) через дифференциалы. Мы будем рассматривать процесс получения дифференциального уравнения более общего вида по сравнению с уравнениями (1) и (2).

Допустим, что в результате всех упрощений и отбрасываний в процессе исследования какого-то процесса получено дифференциальное уравнение вида

$$P(x, y)dx + Q(x, y)dy = 0, \quad (3)$$

где y — искомая функция, x — независимая переменная, а выражения для функций $P(x, y)$ и $Q(x, y)$ известны.

Уравнение (3) получено при замене реальных приращений рассматриваемых величин дифференциалами и отбрасывании бесконечно малых высшего порядка. Если бы мы моделировали процесс, изначально не упрощая выражения для приращений путем их замены дифференциалами, то получили бы не уравнение (3), а уравнение (4), правую часть которого обозначим через S . Очевидно, что S также будет бесконечно малой высшего порядка, т. е. S стремится к нулю при Δx , стремящемся к нулю.

$$P(x, y)\Delta x + Q(x, y)\Delta y = S, \quad (4)$$

где Δx и Δy — приращения, а не дифференциалы.

Таким образом, можно сделать вывод, что уравнение (4) точно моделирует рассматриваемый процесс, потому что составлено без всяких математических упрощений в виде предельного перехода для замены реальных приращений дифференциалами. Разделим теперь обе части уравнения (4) на Δx и перейдем к пределу при $\Delta x \rightarrow 0$. Так как при этом $\frac{S}{\Delta x} \rightarrow 0$, то в пределе получим уравнение $P(x, y) + Q(x, y)y' = 0$ или, что то же самое, уравнение

$$P(x, y) + Q(x, y)\frac{dy}{dx} = 0, \quad (5)$$

которое после умножения на dx совпадает с уравнением (3).

Поэтому уравнение (3) также оказывается точным.

Резюмируя, скажем, что именно предельный переход дает возможность получить дифференциальное уравнение в таком виде, в котором мы его решаем. Он позволяет решить ключевую задачу практико-ориентированного преподавания: мы можем открыть студентам практическую природу задачи, что мотивирует их к поиску более простого и эффективного решения и применению полученных знаний и навыков в профессиональной деятельности.

Список литературы и источников

1. **Гавриков А. И.** Практико-ориентированное преподавание математического анализа в техническом вузе // Вторые Всероссийские Декартовские чтения «Декартовский рационализм и современная наука»: мат-лы науч.-практ. конф. (17 апр. 2015, Москва, Зеленоград). М.: МИЭТ, 2015. С. 118—122.
2. **Фиктенгольц Г. М.** Курс дифференциального и интегрального исчисления. 6-е изд. Т. 2. М.: Наука, 1976. 800 с.

References

1. Gavrikov A. I. "Practice-Oriented Teaching of Mathematical Analysis in a Technical University". *Vtoryye Vserossiyskiye Dekartovskiyе chteniya "Dekartovskiy ratsionalizm i sovremennaya nauka": proc. of res.-to-pract. conf.* (17 Apr. 2015, Moscow, Zelenograd). Moscow: MIET, 2015. 118—122. (In Russian).
2. Fikhtengolts G. M. *Course of Differential and Integral Calculus*. 6th ed. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1976. 800 p. (In Russian).

Информация об авторе

Гавриков Анатолий Иванович — кандидат технических наук, доцент Института физики и прикладной математики, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Anatoly I. Gavrikov — Cand. Sci. (Eng.), Associate Professor at the Institute of Physics and Applied Mathematics, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 29.09.2022.

The article was submitted 29.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 175—180.

Economic and Social Research. 2022. No. 4 (36). P. 175—180.

Научная статья

УДК 340.132.6: 351.86

doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-175-180

К вопросу о понятии информационной безопасности

С. Э. Мерзляков

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

semel54@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает понятие информационной безопасности России. Определяет ее как модель защищенности информации, вычленяет ее структурные элементы. Обозначает и анализирует принципы информационной безопасности. Показывает, что технический, международно-правовой и социологический аспекты государственной политики в системе информационных отношений тесно связаны между собой. Определяет основные направления ее обеспечения.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационная инфраструктура, информационная война, правовое регулирование, защита населения, защита статуса личности, защита детей, защита институтов, защищенность информации

Для цитирования: Мерзляков С. Э. К вопросу о понятии информационной безопасности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 175—180. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-175-180>

Original article

On question of the concept of information security

S. En. Merzlyakov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

semel54@mail.ru

© Мерзляков С. Э.

Abstract. In this work, the author considers the concept of information security of Russia, defines it as a model of information security; singles out its structural elements; designates and analyses information security principles; shows that technical, international legal and sociological aspects of public policy in the system of information relations are closely intertwined. The main directions of IT security provision have been defined.

Keywords: information security, IT security, information infrastructure, information warfare, legal regulation, population protection, personal status protection, children protection, institutional protection, data security

For citation: Merzlyakov S. En. "On Question of the Concept of Information Security". *Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 175—180. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-175-180>

Развитие информационной сферы повышает ее значимость в жизни общества, увеличивается ее влияние на состояние защищенности России и ее границ от внешних и внутренних угроз. Увеличение внешних угроз проявляется в информационном давлении на развивающуюся российскую инфраструктуру, обусловленном желанием «партнеров» подорвать информационную безопасность России. С этой целью осуществляется разработка моделей гибридных войн, в ходе которой делаются не только попытки несанкционированного проникновения на российские телекоммуникационные системы, но и попытки их разрушения.

Сегодня можно говорить о новом типе оружия — информационно-психологическом, целью которого является психика человека, а также нравственные установки личности. В современном мире идет третья мировая война качественно нового типа — война информационная: ее объекты — политические и экономические системы, духовная и социокультурная деятельность стран. Инструментом реализации обозначенных целей этой войны являются средства массовой информации, выполняющие политические заказы противников — организаций и союзов недружественных государств [3; 8].

Информационная составляющая деятельности общества становится его определяющей политической и экономической характеристикой. В официальных документах ЮНЕСКО информация определяется как универсальная субстанция, которая

пронизывает все сферы человеческой деятельности, служит проводником знаний и умений, инструментом общения, утверждающим (интегрирующим) стереотипы мышления и поведения, а также условием взаимопонимания и сотрудничества. Отмечается, что информационную систему взаимоотношений государства с обществом характеризует степень демократизации этих отношений, качество функционирования гражданского общества.

Феномен информационной безопасности рассматривается с учетом такой ее составляющей, как *защита населения*, под которой понимается система предусмотренных законом мер различного свойства, связанных с обеспечением состояния защищенности населения от информационных угроз. Эти меры, в соответствии с законом, призваны обеспечить:

- защиту информации от неправомерного доступа: от уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления третьим лицам, распространения, а также от иных неправомерных действий;
- необходимый уровень защиты конфиденциальной информации;
- возможность доступа к открытой информации.

Анализ специальной литературы позволил определить информационную безопасность как состояние защищенности информации и соответствующей инфраструктуры от случайного или преднамеренного воздействия естественного или искусственного

характера, — воздействия, способного причинить неприемлемый ущерб охраняемым законом отношениям, а также субъектам, эту информацию использующим [15, с. 8].

Информационная безопасность предполагает формирование системы основополагающих принципов, к которым относятся: доступность, целостность и конфиденциальность информационной инфраструктуры в целом и ее составляющих в отдельности. В данной системе главным принципом является возможность доступа к информационным ресурсам. Информационные системы формируются в целях реализации комплексов информационных услуг.

Государственная политика в рассматриваемой системе отношений должна обеспечивать не только защиту населения и общества от информационных угроз, но и защиту зафиксированного статуса личности и общественных институтов. Это предполагает формирование системы взаимовыгодного сотрудничества гражданского общества и государственных структур в рамках обеспечения информационной безопасности при ведущей роли государства. Технический аспект обеспечения информационной безопасности составляет разработка норм, соответствующих закону, международно-правовой аспект — формирование основ правовой политики с учетом межгосударственных норм и принципов взаимодействия, обеспечивающих международную информационную безопасность и специфику национальных интересов в данной сфере [6]. Социологический аспект феномена информационной безопасности составляет изучение корреляционных взаимосвязей между личностью, обществом и государством в рамках реализации государственной политики в системе информационных отношений.

В структуре информационной безопасности хотелось бы выделить наиболее важную ее составляющую — информационную безопасность личности, которая, как представляется, становится сегодня общенациональной проблемой. Следует отметить, что острота проблемы сопрягается в первую очередь с тем, что в стремительно

формирующемся глобальном информационном пространстве рождаются системные вопросы не только технического, но и социально-нравственного характера. Это значит, что обеспечение государством соответствующего уровня защищенности личности не предполагает нарушения прав (прежде всего — естественного свойства). Главный вопрос, который при этом возникает, это вопрос о балансе интересов личности и государства. Как он разрешается в государствах с развитой информационной инфраструктурой? Следует отметить, что во многих государствах (например в Германии) нет в обращении личной электронной карты. В Великобритании в 2010 г. был упразднен Реестр идентификации. В Южной Корее отказались от услуг Электронного правительства из-за большого числа случаев мошенничества.

Осознание комплексного характера информационных угроз безопасности страны предопределило разработку системы мер противодействия, в числе которых — формирование соответствующей правовой базы. Можно говорить о сложившемся комплексе правового обеспечения информационной безопасности страны как о структурной составляющей ее правовой системы. В комплекс вошли базовые документы, регулирующие отношения в обозначенной сфере деятельности государства, а именно: законы РФ «О безопасности» [9], «О государственной тайне» [10], Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» [12]. Базовые документы закрепили общие положения правового регулирования общественных отношений, определяющие защиту интересов личности, общества и государства в информационной сфере. В связи с этим хотелось бы остановиться и на таком понятии, как «защита от информации». Объем этого понятия включает защищенность объектов, охраняемых законом, от сведений, содержащих социально вредную информацию.

Подобное значение «безопасности от информации» можно найти и в Федеральном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью

и развитию» [11]. Данный юридический документ содержит понятие «информационная безопасность детей» и трактует его как такое состояние информационной защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. Закон содержит также определение информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей. Законодательному определению соответствует вывод, что безопасной для детей является лишь та информационная продукция, которая: 1) не может причинить вред здоровью и (или) развитию детей; 2) запрещена или ограничена к распространению среди детей в соответствии с нормативно-правовыми требованиями.

Можно отметить, что толкование ряда авторов расширяет понятие «безопасность информации», поскольку включает не только защиту информации и ее ресурсов от несанкционированного доступа, искажений, уничтожения, но и установление режима информации в зависимости от ее содержания, обеспечение защиты сведений, составляющих государственную тайну, а также иной «информации ограниченного доступа» [14].

К сожалению, доктринальные документы, регламентирующие меры по обеспечению безопасности страны, не отражают обозначенного комплекса объектов информационной безопасности. Поэтому представляется необходимым включить в подготавливаемые законы в качестве понятийного аппарата объектов правовой защиты — *безопасность информации* и *безопасную информацию*, наряду с *информационной инфраструктурой* и *конфиденциальной информацией*.

Хочется присоединиться к мнению профессора П. У. Кузнецова, поскольку он предлагает выделить безопасную информацию и информацию, искажающую истинное представление о действительных, подлинных явлениях и событиях, — выделить в качестве институтов суботрасли, формируемой в рамках российской правовой системы [7]. Это связано с достаточно серьезной динамикой информационных

правоотношений, с изменением, влияющим на структурные и содержательные аспекты нормативных актов, обеспечивающих состояние информационной безопасности.

Как справедливо отмечает И. Л. Бачило, уяснить предметную область обеспечения информационной безопасности возможно путем обозначения зон правового регулирования [5, с. 293—294]. Рациональное моделирование объектов правовой защиты определяет и специфику методического обеспечения процессов правового регулирования, и формирование соответствующих объективно обусловленных правовых режимов. Как известно, в структуру таких режимов необходимо включать базовые принципы информационной безопасности (о них говорилось ранее), структуру и специфику правовых статусов участников правоотношений, а также институты юридической ответственности и запретов [1, с. 250—251].

Следует отметить, что несовершенство правовой базы является серьезным фактором, детерминирующим совершение правонарушений в сфере информационной безопасности и препятствующим реализации соответствующих интересов страны в глобальном информационном противостоянии. Следовательно, развитие основных институтов информационного права является важным антикриминогенным фактором, препятствующим совершению правонарушений, объектом которых является информационная безопасность личности, общества и государства. В предметную составляющую информационного права входят: сама информация, информатизация, коммуникативные системы и реализуемые при этом отношения специального свойства [4].

Подводя итог, хотелось бы отметить зарождение тенденции к устойчивой зависимости национальной безопасности России от ее информационной безопасности [13]. С развитием информационной инфраструктуры эта зависимость будет только возрастать. И в целом можно констатировать, что информационная безопасность страны характеризуется уровнем защищенности информационной сферы страны и сбалансированностью интересов личности, общества

и государства в данной системе социальных отношений. Реализация государственной политики в сфере информационной безопасности даст возможность объективно оценивать как историю развития нашей страны, так и происходящие в мире процессы, что позволит создать условия, необходимые для формирования личности, общества и государства [2, с. 90], создать благоприятную почву для развития духовности и культуры народов, живущих в России.

Список литературы и источников

1. **Алексеев С. С.** Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. М.: Изд-во «СТАТУТ», 1999. 712 с.
2. **Антипов А. А., Гришанова Е. М.** Информационное право как важный фактор безопасности и защиты информации // Экономика и качество систем связи. 2017. № 1 (3). С. 88—93.
3. **Володина Е. Е., Девяткин Е. Е.** Интернет вещей: тенденции и перспективы развития // Мобильный бизнес: перспективы развития и реализации систем радиосвязи в России и за рубежом: мат-лы 38-й международной конференции РАЕН (Шри-Ланка, 14—16 ноября 2016). М.: Нирит, 2016. С. 16—17.
4. **Гришанова Е. М., Антипов А. А.** Защита информации и информационное право // Т-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2016. Т. 10. № 5. С. 64—66. (На англ. яз.).
5. Информационные ресурсы развития Российской Федерации: правовые проблемы / Рос. акад. наук. Ин-т государства и права; отв. ред. И. Л. Бачило. М.: Наука, 2003. 403 с.
6. **Крылов Г. О.** Международный опыт правового регулирования информационной безопасности и его применение в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 34 с.
7. **Кузнецов П. У.** Информация как объект правоотношений в области обеспечения информационной безопасности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 6. С. 39—43. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/05.%20Кузнецов.pdf> (дата обращения: 17.11.2022).
8. **Кузовкова Т. А., Володина Е. Е., Кухаренко Е. Г.** Экономика отрасли инфокоммуникаций: учеб. пособ. для вузов. М.: Горячая линия — Телеком, 2014. 190 с.
9. О безопасности: Закон РФ № 2446-1 от 05 марта 1992 г. // Российская газета. 1992. № 103 (439): 6 мая. С. 5.
10. О государственной тайне: Закон РФ № 5485-1 от 21 июля 1993 г. // Российская газета. 1993. № 181 (797): 21 сент. С. 5.
11. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 г. // Собрание законодательства РФ [Электронный ресурс]. 2011. Вып. 1. Ст. 48. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002011001000&docid=48> (дата обращения 17.11.2022).
12. Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ [Электронный ресурс]. 1995. Вып. 15. Ст. 1269. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1001995015000&docid=615> (дата обращения: 17.11.2022).
13. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ № 646 от 05 декабря 2016 г. // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 17.11.2022).
14. **Терещенко Л. К., Тиунов О. И.** Информационная безопасность органов исполнительной власти на современном этапе // Журнал российского права. 2015. № 8 (224). С. 100—109. <https://doi.org/10.12737/12232>
15. **Шереметьева У. М.** Информационная безопасность: конспект лекций. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. 141 с.

References

1. Alekseyev S. S. *Law: ABC — Theory — Philosophy: First Effort of Overall Study*. Moscow: STATUT, 1999. 712 p. (In Russian).
2. Antipov Alexey, Grishanova Elena. "Information Law as an Important Factor for Security and Data Protection". *Ekonomika i kachestvo sistem svyazi* 1 (3) (2017): 88—93. (In Russian).
3. Volodina Elena, Devyatkin Eugene. "The Internet of Things: Trends and Development Prospects". *Mobil'nyy biznes: perspektivy razvitiya i realizatsii sistem radiosvyazi v Rossii i za rubezhom: Mat-ly 38-y mezhdunarodnoy konferentsii RAEN* (Shri-Lanka, 14—16 noyab. 2016). Moscow: Nirit, 2016. 16—17. (In Russian).

4. Grishanova Elena M., Antipov Alexey A. "Data Protection and Information Law". *T-Comm: Telekommunikatsii i transport = T-Comm* 10.5 (2016): 64—66.
5. Institute of State and Law of the RAS, Bachilo I. L., gen. ed. *Information Resources of Russian Federation Development: Legal Issues*. Moscow: Nauka, 2003. 403 p. (In Russian).
6. Krylov G. O. *International Practice of IT Security's Statutory Regulation and its Application in Russian Federation*, Extended Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2007. 34 p. (In Russian).
7. Kuznetsov Petr. "Information as an Object of Legal Relations in the Field of Information Security". *Electron. Suppl. to Russian Juridical Journal* 6 (2017): 39—43. (In Russian). Nov. 2022. <<http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/05.%20Кузнецов.pdf>>.
8. Kuzovkova T. A., Volodina E. E., Kukharensky E. G. *Infocommunications Branch Economics*, manual for graduate students. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom, 2014. 190 p. (In Russian).
9. "On security: RF Law of March 05, 1992 No. 2446-1". *Rossiyskaya gazeta* 103 (439) 6 May 1992: 5. (In Russian).
10. "On State Secrets: RF Law of July 21, 1993 No. 5485-1". *Rossiyskaya gazeta* 181 (797) 21 Sept. 1993: 5. (In Russian).
11. "On Protecting Children from Information Harmful to Their Health and Development: RF Federal Law of Dec. 29, 2010 No. 436-FZ". *Sobraniye zakonodatel'stva RF* 1 (2011). Art. No. 48. (In Russian). <<https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002011001000&docid=48>>.
12. "On Federal Security Service Bodies in the Russian Federation: RF Federal Law of Apr. 03, 1995 No. 40-FZ". *Sobraniye zakonodatel'stva RF* 15 (1995). Art. No. 1269. (In Russian). <<https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1001995015000&docid=615>>.
13. "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: RF Presidential Decree of Dec. 05, 2016 No. 646". n. d. *Prezident Rossii*. (In Russian). Nov. 2022. <<http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>>.
14. Tereshchenko L. K., Tiunov O. I. "Information Security of the Bodies of Executive Power at the Present Stage". *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law* 8 (224) (2015): 100—109. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/12232>
15. Sheremet'yeva U. M. *IT Security*, compendium of lectures. Tomsk: Tomsk State Pedagogical Univ. Publ., 2009. 141 p. (In Russian).

Информация об авторе

Мерзляков Сергей Энгельсович — заслуженный юрист РФ, канд. юрид. наук, доцент, доцент Института ВП СГН, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Sergey En. Merzlyakov — Honored Lawyer of Russian Federation, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Associate Professor at Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 08.09.2022.

The article was submitted 08.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ INFORMATION

Олег Филаретович Быстров (1950—2022)

In Memoriam: Oleg Filaretovich Bystrov (1950—2022)

On December 5, 2022, Oleg Filaretovich Bystrov, Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Eng.), scientist in the domain of cybernetics, system-oriented analysis, operations analysis and system modeling, economics and management of the national economy, rating evaluation of complex economic system of various levels, Honorary Worker of higher vocational education of the Russian Federation, has passed away.

5 декабря ушел из жизни доктор экономических наук, кандидат технических наук Быстров Олег Филаретович, ученый в области кибернетики, системного анализа, исследований операций и моделирования систем,

экономики и управления народным хозяйством, рейтингового оценивания сложных экономических систем различного уровня, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Олег Филаретович окончил с золотой медалью Ленинградское суворовское военное училище (1968), РВВКУ им. Маршала Советского Союза С. С. Бирюкова (1973), с 1973 по 1993 г. служил в Вооруженных силах. Выпускник адъюнктуры Военной академии им. Ф. Э. Дзержинского (1983), полковник.

После выхода в отставку О. Ф. Быстров занялся научно-педагогической работой, прошел путь преподавателя, старшего преподавателя,

заместителя начальника кафедры, начальника отдела Московского фонда президентских программ, декана факультета, заведующего кафедрой, профессора кафедры, главного научного сотрудника НИИ СА Счетной палаты РФ. В 2005 г. окончил с отличием Международный Славянский институт по специальности юриспруденция.

Олег Филаретович посвятил 12 лет преподавательской и научной работе в НИУ МИЭТ. Преподавал на кафедре экономики, менеджмента и финансов дисциплины экономического цикла (экономическая статистика, предпринимательские риски, экономическая теория). Опубликовал более 100 научных и учебно-методических работ. Пользовался заслуженным уважением коллег и студентов. Награжден 16 медалями.

Светлая память об Олеге Филаретовиче Быстрове навсегда сохранится в сердцах всех, кто его знал.

Памятные и знаменательные даты в октябре — декабре 2022 г.

Memorable and Remarkable Dates, October to December 2022

The list of landmarks and significant dates of world and Russian history.

21 октября 1772 г. (250 лет назад) родился *Сэмюэл Колридж* — английский поэт-романтик, критик и философ. Первоначально он был сторонником линии классического британского эмпиризма, однако затем увлекся Платоном и наконец немецкой классической философией, которую специально изучал в Германии (в 1798—1799 гг.). На Колриджа оказала влияние теория познания Канта, в особенности разделение на чувственность, рассудок и разум и кантовское учение о бессознательной деятельности гения. Идеи Колриджа в значительной мере подготовили широкое распространение немецкого идеализма в академической среде британских университетов, начавшееся в середине XIX в.

15 ноября 1917 г. (105 лет назад) скончался *Эмиль Дюркгейм* — французский социолог, один из создателей социологии как самостоятельной науки. Дюркгейм разработал четкую концепцию предмета социологии, он считается классиком теории социологического метода.

16 ноября 42 г. до н. э. (2064 года назад) родился *Тибериус Клавдий Нерон* — римский император, во времена которого, согласно Библии, был распят Иисус Христос. Тибериус выделял огромные суммы на восстановление городов, пострадавших от землетрясений, строил много дорог, боролся с повышением налогов. Ему принадлежит знаменитая фраза: «Я хочу, чтобы моих овец пастух стриг, а не сдирал с них шкуру».

19 ноября 1917 г. (105 лет назад) родилась *Индира Ганди* — индийский политический и государственный деятель, Почетный доктор Университета Васэда и Киевского национального университета им. Шевченко, Почетный профессор МГУ, лауреат Международной Ленинской премии (посмертно).

24 ноября 1632 г. (390 лет назад) родился *Бenedикт Спиноза* — нидерландский философ-рационалист, натуралист. Годы жизни Спинозы совпали с началом эпохи Нового времени. В своем творчестве он осуществил синтез научных идей эпохи Возрождения с греческой, стоической, неоплатонической и схоластической философией. Главная сфера интересов Спинозы — философская антропология, исследование человека в его отношении к обществу и всему мирозданию.

25 ноября 1797 г. (225 лет назад) скончался *Иван Иванович Шувалов* — русский государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, меценат. В 1750-х гг. Шувалов оказывал заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России, содействовал развитию русской науки и искусства, покровительствовал ученым, писателям и художникам (в частности, поддержал многие начинания М. В. Ломоносова). Под покровительством И. И. Шувалова в 1755 г. был основан Московский университет, а в 1757 г. создана Академия художеств.

26 ноября 1857 г. (165 лет назад) родился *Фердинанд де Соссюр* — швейцарский лингвист, основоположник структурной лингвистики. В своих исследованиях Соссюр подчеркивал коллективную природу языка, указывая на то, что подобно культуре язык является коллективно производимой и разделяемой всеми системой смысла.

29 ноября 1802 г. (220 лет назад) родился *Вильгельм Гауф* — немецкий философ и писатель-сказочник. В 1824 г. Гауф получил степень доктора философии и теологии. Его историческое произведение «Лихтенштейн», написанное под влиянием В. Скотта, признано одним из лучших романов XIX в., многие его стихотворения стали немецкими народными песнями. Несмотря на то, что литературное наследие Гауфа не очень велико, его

произведения, в первую очередь сказки («Маленький Мук», «Калиф-аист» и др.), вошли в золотой фонд мировой литературы.

30 ноября 1667 г. (335 лет назад) родился *Джонатан Свифт* — английский писатель и политический деятель. В 1713 г. Свифт принял должность декана собора Св. Патрика и активно включился в политическую жизнь Ирландии, ратуя за независимость страны от Англии. В произведении «Письма суконщика» Свифт призвал к бойкоту английских товаров. Книга была издана анонимно, что помогло автору избежать наказания и гнева Англии. Джонатан Свифт стал неофициальным героем и лидером Ирландии, а в 1729 г. — почетным гражданином Дублина.

2 декабря 1817 г. (205 лет назад) родился немецкий историк и политический деятель *Генрих фон Зибель* — представитель националистической прусско-малогерманской школы, ведущего направления немецкой буржуазной исторической науки второй половины XIX в.

Даты, отмечаемые ежегодно

Первое воскресенье декабря — День сетевого в России. Это профессиональный праздник участников сетевого (многоуровневого, структурного) маркетинга и бизнеса прямых продаж. Сетевой маркетинг появился в России в конце 1980-х — начале 1990-х гг. как одна из составляющих новой экономики. Он также известен как MLM — многоуровневый маркетинг (англ. MultiLevel Marketing) — и структурный бизнес.

4 декабря — Международный день банков (International Day of Banks), отмечаемый ежегодно со дня принятия в 2019 г. соответствующей Резолюции ООН 74/245.

9 декабря по инициативе ООН (резолюция A/RES/58/4) отмечается Международный день борьбы с коррупцией (International Anti-Corruption Day).

Книжные новинки

New Books

Books on economy, management and philosophy edited recently by leading publishing houses of Moscow.

Григорян Е. С. Интегрированная система управления качеством на предприятиях оборонно-промышленного комплекса : монография / Е. С. Григорян, В. Я. Савицкий. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 160, [1] с. — ISBN 978-5-16-016304-8.

В современных условиях всё более востребованной становится интегрированная система менеджмента качества, отвечающая требованиям нескольких международных стандартов и способствующая повышению эффективности управления предприятием, формированию условий его устойчивого развития, а также конкурентоспособности предприятия и производимой им продукции. Такая система менеджмента качества — ключ к наиболее эффективному управлению предприятием, энергоэффективности и ресурсосбережению. В монографии рассмотрены теоретические и методологические подходы к управлению качеством на предприятии. Обоснована актуальность применения интегрированной системы управления качеством, в том числе и на предприятиях оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Проведена оценка использования инструментов управления качеством на предприятиях ОПК, обоснованы тенденции развития предприятий ОПК, применен маркетинговый подход к классификации предприятий ОПК, в частности по типу рынка, позволяющий выявить потенциальных потребителей продукции предприятий, степень диверсификации производства. Представлены организационно-экономические подходы к формированию интегрированной системы управления качеством. Рассмотрен порядок создания интегрированной системы менеджмента качества, обоснованы методика и критерии оценки ее результативности. Представленный материал имеет практическое значение, он может быть полезен специалистам по управлению качеством, аспирантам, научным работникам и преподавателям.

Зиновьев А. А. Катастрошка, повесть о перестройке в Партграде. Горбачевизм /

Александр Зиновьев. — Москва : Канон-плюс, 2022. — 317 с. : ил., портр. — (Литература 20 века). — ISBN 978-5-88373-684-0.

Читателям предлагается переиздание книги «Катастрошка» (написанной в начале перестройки) и ставшей очередным бестселлером в мировой литературе. Русский советский философ, писатель, социолог, журналист А. А. Зиновьев предсказал в ней последствия горбачевской перестройки и ввел в оборот термин «катастрошка». Автор четко и недвусмысленно изложил свое отрицательное отношение к этому периоду советской и российской истории. В новом издании книга дополнена вторым произведением автора, «Горбачевизм», излагающим позицию автора относительно периода советской истории, начавшегося в 1985 г. с приходом к высшей власти в Советском Союзе М. С. Горбачева, а также относительно преобразований в Советском Союзе, начатых по инициативе и под руководством Горбачева.

Поздняков К. К. Инвестиционное сотрудничество в региональной финансовой системе. Теория и практика : на примере Центрально-Черноземного макрорегиона ЦФО РФ : монография / К. К. Поздняков ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, University of applied sciences. — Москва : КноРус, 2022. — 207 с. : ил., табл., цв. ил., табл. — ISBN 978-5-406-09021-3.

Автор, лауреат Национальной премии «Директор года» (организованной при поддержке Ассоциации независимых директоров, РСПП и Росимущества) в номинации «Профессиональный директор госкомпании», излагает результаты разработки концепции развития межрегионального инвестиционного сотрудничества, проведенной на основе выявления тенденций и особенностей влияния данного вида сотрудничества на потенциал экономического роста макрорегиона.

Попков В. В. Математика сознания : глубинные истоки мышления и «Законы

формы» Дж. Спенсера-Брауна / В. В. Попков. — Москва : URSS, 2022. — 300 с. : ил. — ISBN 978-5-9710-9214-8.

Это первое издание на русском языке, посвященное творчеству знаменитого британского философа, логика и математика Дж. Спенсера-Брауна и прежде всего — его главному труду «Законы формы». В труде описывается подход к архетипическим основаниям человеческого опыта с помощью математической логики, изложенной в необычной форме и содержащей примеры утонченных рассуждений, проливающих свет на глубинные истоки нашего мышления. По мнению Дж. Спенсера-Брауна, мы сами, наши мысли, чувства, окружающая нас природа, искусственные человеческие среды и сама Вселенная — всё это формы в платоновском смысле, порожденные нашими чувствами и разумом. Но у всякой формы две стороны: внутренняя и внешняя, и никогда нельзя с уверенностью сказать, по какую сторону формы находимся мы сами, ибо «там» и «здесь» имеют всё менее определенный смысл, чем далее мы уходим от чувственных ощущений. Аппарат исчисления индикаций, представленный Дж. Спенсером-Брауном, дает возможность хотя бы в простых случаях заменить эту мистику бесстрастной логикой, но такой, от понимания которой рождается стремление двигаться дальше по этому пути. Увлечь читателя этим стремлением — миссия данной книги. Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся проблемами мышления и связанными с ними дискуссиями в философии, логике и математике.

Свергузов А. Т. Диалектический материализм : взаимосвязь категорий «материя»

и «небытие» : монография / А. Т. Свергузов. — Москва : ИНФРА-М, 2022. — 203 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-16-016306-2.

Автор, кандидат философских наук, с точки зрения диалектико-материалистического подхода анализирует центральную онтологическую проблему — проблему существования материи. Издание предназначено для научных работников, специализирующихся по направлению 09.00.01 онтология и теория познания, а также всех интересующихся философией.

Симон Г. Прибыль : как ее получить, сохранить и приумножить / Герман Симон ; пер. с англ. под науч. ред. В. Никишкина. — Москва : Библос, 2022. — 334 с. : ил. — ISBN 978-5-905641-81-7.

Прибыль после выплаты налогов — важнейшая цель руководителей компании. Прибыль — цена выживания и возможность для создания новой ценности. Широко известный в мире эксперт по менеджменту и ценообразованию, доверенный бизнес-консультант топ-менеджеров Fortune 500 Герман Симон вносит ясность в запутанные концепции прибыли и финансовой отчетности, отмечает этические аспекты прибыли и приводит убедительные аргументы в пользу нацеленности на прибыль, без которой рыночная экономика невозможна. Он рассматривает показатели многих компаний и отраслей в разных странах, а также ключевые драйверы роста прибыли: цену, продажи и издержки. Читателям предлагается доходчивое руководство по корпоративному управлению, ориентированному на прибыль и устойчивое развитие.

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ ЖУРНАЛА «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» ЗА 2022 Г.

Экономика инновационного развития: теория и практика

Анискин Ю. П. Механизм мультиагентного управления развитием компании на основе цифровых моделей — № 4 (36). С. 6—14.

Архипова С. В., Хижак Н. П. Специфика миграционных процессов в Республике Крым — № 1 (33). С. 6—14.

Ахильгова М. Б., Ужахова Л. М. Трансформация управленческих технологий в цифровой экономике — № 1 (33). С. 15—19.

Белоусова Н. Н., Плис Н. И. Состояние дел с производством гражданской продукции крупного предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности: проблемные вопросы, требующие решения — № 2 (34). С. 6—16.

Белоусова Н. Н., Плис Н. И. Состояние дел с производством гражданской продукции крупного предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности: проблемные вопросы, требующие решения (окончание) — № 3 (35). С. 19—28.

Бударов А. Ю. Теоретические основы управления самоорганизацией интегрированных бизнес-структур — № 4 (36). С. 15—20.

Быстров О. Ф., Парфенова Д. А. Финансовое состояние корпорации: методика комплексного анализа — № 1 (33). С. 20—26.

Быстров О. Ф., Солдянов М. В. Сравнительный анализ и выбор криптовалюты для инвестиционных вложений — № 3 (35). С. 29—35.

Гладков И. С. Внешнеторговые связи России: актуальные тренды (спурт 2021 г.) — № 1 (33). С. 27—38.

Гладков И. С. Международная торговля 2021: на подъеме — № 2 (34). С. 17—25.

Головенчик Г. Г. Рейтинговый анализ приоритетных направлений развития умных городов — № 2 (34). С. 26—38.

Грицевич С. А. Методологические основы формирования экосистемного подхода: теоретический анализ — № 1 (33). С. 39—49.

Добрынина М. В., Андреева А. А. Социально-экономическая природа социального предпринимательства и развитие молодежи — № 4 (36). С. 21—28.

Егорычева Е. В., Тришкина А. Г., Шишонкова О. С. Студенческое самоуправление как инструмент практико-ориентированной подготовки современных менеджеров — № 2 (34). С. 39—50.

Колосова С. С. Сертификационный вебинар как средство обучения продавцов в рамках коммерческого взаимодействия компаний-партнеров — № 2 (34). С. 51—57.

Косьмин А. Д., Кузнецов В. В. О степени реалистичности исполнения национальных проектов — № 1 (33). С. 50—58.

Кошелева Ю. П. Ценность интеллектуальной собственности в инновационной деятельности стартапов — № 2 (34). С. 58—65.

Кузина Д. О., Мрочко Л. В. Перспективы развития рекламных бизнес-коммуникаций в цифровой среде — № 4 (36). С. 29—36.

Лукичева Л. И., Егорычева Е. В., Егорычев А. Д. Основные функции управления доменным именем как бизнес-активом — № 3 (35). С. 6—18.

Медведева Д. А., Охотников И. В., Сибирко И. В. Внедрение информационных технологий и больших данных в управление развитием малого и среднего предпринимательства — № 1 (33). С. 59—68.

Мрочко Л. В., Спиридонова Г. В. Эволюционные аспекты брендинга в цифровых коммуникациях современного бизнеса — № 3 (35). С. 36—47.

Набиуллина К. Р. Фактор постиндустриальной экономики в обеспечении устойчивого развития города — № 1 (33). С. 69—75.

Николаева М. А., Андреева А. А., Добрынина М. В. Поддержка молодежного предпринимательства: система политических действий и социально-экономических эффектов — № 1 (33). С. 76—83.

Скорилов В. В., Мансур Д. Н. Путь Китайской Народной Республики к экономическому чуду — № 1 (33). С. 84—93.

Сучкова А. Ю., Игрунова О. М. Использование инструментов дизайн-исследований при разработке инновационного цифрового продукта — № 3 (35). С. 48—58.

Сучкова А. Ю., Игрунова О. М. Использование инструментов маркетинговых исследований при разработке ценностного предложения инновационного цифрового продукта — № 4 (36). С. 37—54.

Филатова Е. В., Нечаев А. В. Проблема бедности в России — № 1 (33). С. 94—103.

Юдин А. А., Тарабукина Т. В., Облизов А. В. Формирование механизма государственно-частного партнерства в сельском хозяйстве г. Коми — № 1 (33). С. 104—110.

**Философия:
мир в человеке
и человек в мире**

Алов А. А., Привалова И. Ю. Феномен «философский пароход» сквозь призму отношений интеллигенции и государства — № 4 (36). С. 55—60.

Белобрагина А. С., Гвайта Г. В. Роль философии гуманизма в научном познании и процессе цифровизации — № 2 (34). С. 66—73.

Богданова Н. А. Квантовая теория как производительная сила — от алгебры кватернионов Гамильтона до технологий III тысячелетия — № 4 (36). С. 61—69.

Борзова Е. П., Ковалев А. А. Ментальные войны как новый вызов современному миру — № 4 (36). С. 70—76.

Борисова Л. В. Категория телесности в современной лингвофилософии — № 4 (36). С. 77—82.

Варакина М. И., Трофимова Е. С., Левченко Я. А. Философский дискурс о проблеме гармонизации отношений человека с обществом и природой в конфуцианстве — № 2 (34). С. 74—86.

Гвоздева Е. Н., Логинова Е. Г. Социально-философские и педагогические аспекты становления профессиональной мобильности в билингвальной среде — № 3 (35). С. 59—68.

Даниелян Н. В. Философские основания компьютерной лингвистики — № 4 (36). С. 83—89.

Джалю Я. И. Антропологический идеал в историко-философской ретроспективе (отечественный опыт) — № 4 (36). С. 90—100.

Добрынина М. В., Растимешина Т. В. Музей электроники как центральный элемент возрождения уникального социокультурного пространства Зеленограда — № 4 (36). С. 101—110.

Кальней М. С. Глобализация и культурно-историческая традиция: проблемы и противоречия — № 4 (36). С. 111—116.

Катанандов С. Л., Ковалев А. А. Политико-управленческие аспекты в учении Иисуса Христа — № 2 (34). С. 87—97.

Кнэхт Н. П. Проблема знания и понимания в цифровую эпоху — № 4 (36). С. 117—126.

Ковалев А. А., Катанандов С. Л. Теоретические аспекты современного исследования конфликтов: определение, типы, соотношение с другими категориями — № 1 (33). С. 111—119.

Ковалев А. А. Деятельность и учение Иисуса Христа как предмет политологического исследования — № 2 (34). С. 98—107.

Ковалев А. А. Феноменологический подход в государственном управлении: теоретический аспект — № 3 (35). С. 69—79.

Ковалев А. А. Информационная политика в сфере военной безопасности в контексте защиты национального менталитета — № 4 (36). С. 127—132.

Корнихов Д. В. Лидерство как философская категория: подходы и дефиниции — № 3 (35). С. 80—87.

Лобастов Г. В. В объятиях совести. И в уме — № 1 (33). С. 120—133.

Лобастов Г. В. Математика с геометрией и логика — № 2 (34). С. 108—119.

Лобастов Г. В. Безмозглость и мозг — № 3 (35). С. 88—100.

Ломакина Н. Б. Основные идеи по философии управления в работах А. А. Богданова и Г. П. Щедровицкого — № 4 (36). С. 133—140.

Лункина Ю. В., Растимешина Т. В. Архаизация общественного сознания на фоне цифровой трансформации цивилизации — № 3 (35). С. 101—109.

Мамедов Н. М. Эвристическая ценность идей Низами Гянджеви — № 1 (33). С. 134—143.

Мещерякова Л. Я., Лебедев В. Ю., Горшкова С. Е., Удалова Л. В. Аксиологическая доминанта в образовательных практиках как фактор социального оздоровления — № 1 (33). С. 144—151.

Михайлина С. А., Хен Ю. В. Глобальный эволюционизм, антропный принцип и устойчивое развитие в современной картине мира: научный и аксиологический аспекты — № 3 (35). С. 110—123.

Морозов М. Ю. Принцип фрагментарности в свете теоретической рефлексии — № 2 (34). С. 120—130.

Музафарова Н. Р. Ступы в северном буддизме: философская составляющая — № 2 (34). С. 131—138.

Некрасова Н. А., Некрасов С. И. Проблемы становления информационного общества в России — № 1 (33). С. 152—158.

Попов В. И. Мораль и политика: взаимоотношение в массовом сознании — № 2 (34). С. 139—150.

Попова Т. В., Сухорукова О. А. Социокультурный аспект национального вопроса в информационной культуре — № 1 (33). С. 159—166.

Пудина С. И. Служба дворянина в первой четверти XVIII в. согласно «Табели о рангах» — № 1 (33). С. 167—173.

Равочкин Н. Н., Щенников В. П. Наука и общественное мнение как институты духовной сферы: социально-философский анализ. Часть 1 — № 1 (33). С. 174—180.

Равочкин Н. Н., Щенников В. П. Наука и общественное мнение как институты духовной сферы: социально-философский анализ. Часть 2 — № 2 (34). С. 151—161.

Равочкин Н. Н., Григашкина С. И. Философские основания корпоративной культуры современных организаций — № 3 (35). С. 124—135.

Равочкин Н. Н., Сергеева И. А., Стенина Н. А. Цифровизация социальных институтов: возможности и ограничения — № 4 (36). С. 141—150.

Растимешина Т. В., Качуренко Д. С. Законодательная и исполнительная ветви власти в системе разделения властей: социально-философские и административные аспекты — № 3 (35). С. 136—149.

Романова А. С. Направления и факторы саморазвития личности в условиях современности — № 4 (36). С. 151—156.

Самохвалова В. К. Достоинство, личность, культура: ракурс И. Г. Фихте — № 2 (34). С. 162—169.

Семенова Д. С. Философия творчества С. Л. Франка: современные исследования и новые аспекты — № 3 (35). С. 150—161.

Фазылыянова Г. И., Неганов В. В., Соколова Т. Ю., Агаева А. И. К вопросу о проектировании мультимедийного контента объектов культурного наследия: онтологический аспект — № 2 (34). С. 170—177.

Чижик П. И., Наумов А. В. Творчество как необходимое условие успешной управленческой деятельности офицера МЧС России — № 4 (36). С. 157—164.

Шакирова Е. С. Антиценности современного российского общества — № 4 (36). С. 165—170.

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

Богданова Н. А., Подорожний О. В. Метод Фурье как основа цифровой обработки микроэлектронных изображений — № 3 (35). С. 162—173.

Брусникин Г. Н., Рубцова А. А. Опыт обучения основам прикладной информатики в техническом университете — № 1 (33). С. 181—194.

Гавриков А. И. О моделировании процессов дифференциальными уравнениями — № 4 (36). С. 171—174.

Филиппченкова С. И. Коммуникативные технологии в онкологической практике: векторы персонализированной медицины — № 2 (34). С. 178—185.

Шангина О. В., Горбачева И. М., Гершунин С. А., Белокопытов А. С. Психоземotionalное состояние студентов университета в условиях дистанционного обучения (по материалам социологического исследования в НИУ МИЭТ) — № 3 (35). С. 174—185.

Итоги круглого стола Института ЛПО «Актуальные вопросы современной лингвистики» 10 апреля 2022 г.

Байдикова Н. Л. Методологические аспекты смешанного обучения в соотношении с типами научной рациональности — № 2 (34). С. 187—194.

Бычкова М. А. Цифровые технологии при обучении иноязычной письменной речи учащихся старших классов — № 2 (34). С. 195—197.

Глуценко А. В. Использование LMS Moodle для развития умений аудирования иноязычного текста — № 2 (34). С. 198—201.

Громова Д. П. Особенности перевода «ложных друзей переводчика» с английского языка на русский в текстах по телекоммуникационным технологиям — № 2 (34). С. 202—205.

Даниелян Н. В. Рациональность использования ИКТ при обучении иностранным языкам — № 2 (34). С. 206—213.

Майорова К. Ю. Обучение школьников иноязычной монологической речи с помощью интеллект-карт платформы CANVA — № 2 (34). С. 214—217.

Муханова Г. З. Особенности перевода неологизмов компьютерной тематики с английского языка на русский (на материале пособий по программированию) — № 2 (34). С. 218—221.

Личность. Политика. Право

Королева Л. В. Выборы в Государственную Думу РФ VIII созыва (сентябрь 2021 г.): политологический анализ — № 1 (33). С. 195—200.

Личность. Общество. Государство

Зазыкин В. Г. Конфуций о принципах, условиях и критериях эффективности государственного управления — № 2 (34). С. 222—228.

Мерзляков С. Э. Обеспечение национальной и военной безопасности России: систематизация понятий — № 3 (35). С. 186—190.

Мерзляков С. Э. К вопросу о понятии информационной безопасности — № 4 (36). С. 175—180.

Пудина С. И., Горбачева И. М. Отношение дворянства к Указу о единонаследии 1714 г. — № 3 (35). С. 191—197.

Информация

Олег Филаретович Быстров (1950 — 2022) — № 4 (36). С. 181.

Памятные и знаменательные даты

В июле — сентябре 2022 г. — № 3 (35). С. 198.

В октябре — декабре 2022 г. — № 4 (36). С. 182—183.

Книжные новинки

№ 3 (35). С. 199.

№ 4 (36). С. 184—185.

2022 YEAR-END INDEX

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

Akhilgova M. B., Uzhakhova L. M. Transformation of management technologies in the digital economy — No. 1 (33), pp. 15–19.

Aniskin Yu. P. Mechanism of multi-agent management of company development based on digital models — No. 4 (36), pp. 6–14.

Arkhipova S. V., Khizhak N. P. Specifics of migration processes in Republic of Crimea — No. 1 (33), pp. 6–14.

Belousova N. N., Plis N. I. State of affairs with civil products' manufacturing at the large enterprise of defense industry complex of radioelectronic industry: problematic issues requiring solution — No. 2 (34), pp. 6–16.

Belousova N. N., Plis N. I. State of affairs with civil products' manufacturing at the large enterprise of defense industry complex of radioelectronic industry: problematic issues requiring solution (final part) — No. 3 (35), pp. 19–28.

Budarov An. Yu. Theoretical backgrounds of integrated business structures self-organization management — No. 4 (36), pp. 15–20.

Bystrov O. F., Parfenova D. A. Financial condition of the corporation: integrated analysis method — No. 1 (33), pp. 20–26.

Bystrov O. F., Soldyanov M. V. Comparative analysis and selection of cryptocurrencies for investment — No. 3 (35), pp. 29–35.

Dobrynina M. V., Andreeva A. A. Socio-economic nature of social entrepreneurship and youth development — No. 4 (36), pp. 21–28.

Egorycheva E. V., Trishkina A. G., Shishonkova O. S. Student self-government as a tool for practice-oriented training of modern managers — No. 2 (34), pp. 39–50.

Filatova E. V., Nechaev A. V. The problem of poverty in Russia — No. 1 (33), pp. 94–103.

Gladkov I. S. Foreign trade relations of Russia: current trends (spurt of 2021) — No. 1 (33), pp. 27–38.

Gladkov I. S. International trade 2021: on the rise — No. 2 (34), pp. 17–25.

Goloventchik G. G. Rating analysis of priority areas for the development of smart cities — No. 2 (34), pp. 26–38.

Gritsevich S. A. Methodological foundations of the formation of the ecosystem approach: theoretical analysis — No. 1 (33), pp. 39–49.

Kolosova S. S. Certification webinar as a means of training sellers in the framework of commercial co-operation of partner companies — No. 2 (34), pp. 51–57.

Kosheleva Yu. P. The value of intellectual property at innovation activity of startups — No. 2 (34), pp. 58–65.

Kosmin A. D., Kuznetsov V. V. On the degree of realistic execution of national projects — No. 1 (33), pp. 50–58.

Kuzina D. Ol., Mrochko L. V. Development prospects of advertising business communications in a digital environment — No. 4 (36), pp. 29–36.

Lukicheva L. I., Egorycheva E. V., Egorychev A. D. Main functions of managing the domain name as a business asset — No. 3 (35), pp. 6–18.

Medvedeva D. Al., Okhotnikov I. V., Sibirko I. V. Implementation of information technologies and big data in the management of development of small and medium-sized enterprises — No. 1 (33), pp. 59–68.

Mrochko L. V., Spiridonova G. V. Evolutionary aspects of branding in digital communications of modern business — No. 3 (35), pp. 36–47.

Nabiullina K. R. The post-industrial economy factor in sustainable urban development — No. 1 (33), pp. 69–75.

Nikolaev M. A., Andreeva A. A., Dobrynina M. V. Support for youth entrepreneurship: system of political actions and socio-economic effects — No. 1 (33), pp. 76–83.

Skorikov V. V., Mansur D. N. The People's Republic of China's Road to Economic Miracle — No. 1 (33), pp. 84–93.

Suchkova A. Yu., Igrunova O. M. Using design research tools in the development of an innovative digital product — No. 3 (35), pp. 48–58.

Suchkova A. Yu., Igrunova O. M. Using marketing research tools in the development of value proposition of the innovative digital product — No. 4 (36), pp. 37–54.

Yudin A. A., Tarabukina T. V., Oblizov A. V. Formation of the mechanism of public-private partnership in agriculture of Komi — No. 1 (33), pp. 104–110.

Philosophy: Universe in Man (Human) and Man (Human) in Universe

Alov A. A., Privalova I. Yu. The phenomenon of “philosophical steamboat” through the prism of the relationship between the intelligentsia and the State — No. 4 (36), pp. 55–60.

Belobragina A. S., Gvaita G. V. The role of the philosophy of humanism in scientific knowledge and the process of digitalization — No. 2 (34), pp. 66–73.

Bogdanova N. A. Quantum theory as a productive force — from algebra of Hamilton quaternions to third millennium technologies — No. 4 (36), pp. 61–69.

Borisova L. V. Category of corporeality in modern linguaphilosophy — No. 4 (36), pp. 77–82.

Borzova E. P., Kovalev A. A. Mental warfare as a new challenge to the modern world — No. 4 (36), pp. 70–76.

Chizhik P. I., Naumov A. V. Creativity as the most important spiritual quality of a modern officer of EMERCOM of Russia — No. 4 (36), pp. 157–164.

Danielyan N. V. Philosophical foundations of computer linguistics — No. 4 (36), pp. 83–89.

Dobrynina M. V., Rastimeshina T. V. Museum of electronics as the central element of the revival of the unique socio-cultural space of Zelenograd — No. 4 (36), pp. 101–110.

Dzhalyu Ya. I. Anthropological ideal in the historical and philosophical retrospective (Russian local experience) — No. 4 (36), pp. 90–100.

Fazylzyanova G. I., Neganov V. V., Sokolova T. Yu., Agayeva A. I. On the issue of designing multimedia content of cultural heritage objects: ontological aspect — No. 2 (34), pp. 170–177.

Gvozdeva E. N., Loginova E. G. Socio-philosophical and pedagogical aspects of occupational mobility establishment in bilingual medium — No. 3 (35), pp. 59–68.

Kal'ney M. S. Globalization and tradition: problems and contradictions — No. 4 (36), pp. 111–116.

Katanandov S. L., Kovalev A. A. Political and managerial aspects in the teaching of Jesus Christ — No. 2 (34), pp. 87–97.

Knekht N. P. The problem of knowledge and understanding in the digital age — No. 4 (36), pp. 117–126.

Kornyukhov D. V. Leadership as a philosophical category: approaches and definitions — No. 3 (35), pp. 80–87.

Kovalev A. A. Activity and teaching of Jesus Christ as a subject of political science research — No. 2 (34), pp. 98–107.

Kovalev A. A. Phenomenological approach in public administration: theoretical aspect — No. 3 (35), pp. 69–79.

Kovalev A. A. Information policy in the sphere of military security in the context of protecting the national mentality — No. 4 (36), pp. 127–132.

Kovalev A. A., Katanandov S. L. Theoretical aspects of modern conflict research: definition, types, correlation with other categories — No. 1 (33), pp. 111–119.

Lobastov G. V. In the arms of conscience. And in the mind — No. 1 (33), pp. 120–133.

Lobastov G. V. Mathematics with geometry and logic — No. 2 (34), pp. 108–119.

Lobastov G. V. The brainlessness and the brain — No. 3 (35), pp. 88–100.

Lomakina N. B. The main ideas on the philosophy of management in the works of Alexander Bogdanov and Georgy Shchedrovitsky — No. 4 (36), pp. 133–140.

Lunkina Yu. V., Rastimeshina T. V. Public consciousness archaization amid a backdrop of digital transformation of civilization — No. 3 (35), pp. 101–109.

Mamedov N. M. The heuristic value of Nizami Ganjavi's ideas — No. 1 (33), pp. 134–143.

Meshcheryakova L. Y., Lebedev V. Y., Gorshkova S. E., Udalova L. V. Axiological dominant in educational practices as a factor of social healing — No. 1 (33), pp. 144–151.

Mikhaylina S. A., Khen J. V. Global evolutionism, the anthropic principle and sustainable development in the modern picture of the world: scientific and axiological aspects — No. 3 (35), pp. 110–123.

Morozov M. Yu. The principle of fragmentation in the light of theoretical reflection — No. 2 (34), pp. 120–130.

Muzafarova N. R. Stupas in Northern Buddhism: philosophical component — No. 2 (34), pp. 131–138.

Nekrasova N. A., Nekrasov S. I. Problems of formation of information societies in Russia — No. 1 (33), pp. 152–158.

Popov V. I. Morality and politics: relationship in the mass consciousness — No. 2 (34), pp. 139–150.

Popova T. V., Sukhorukova O. A. Socio-cultural aspect of the national issue in information culture — No. 1 (33), pp. 159–166.

Pudina S. I. Service of a nobleman in the first quarter of the 18th century according to the "Table of Ranks" — No. 1 (33), pp. 167–173.

Rastimeshina T. V., Kachurenko D. S. Legislative and executive branches of government in the system of separation of powers: socio-philosophical and administrative aspects — No. 3 (35), pp. 136–149.

Ravochkin N. N., Grigashkina S. I. Philosophical foundations of modern organizations corporate culture — No. 3 (35), pp. 124–135.

Ravochkin N. N., Sergeeva I. A., Stenina N. A. Digitalization of social institutions: opportunities and limitations — No. 4 (36), pp. 141–150.

Ravochkin N. N., Shchennikov V. P. Science and public opinion as spiritual sphere institutions: socio-philosophical analysis. Part 1 — No. 1 (33), pp. 174–180.

Ravochkin N. N., Shchennikov V. P. Science and public opinion as spiritual sphere institutions: socio-philosophical analysis. Part 2 — No. 2 (34), pp. 151–161.

Romanova A. S. Directions and factors of personal self-development in modern conditions — No. 4 (36), pp. 151–156.

Samokhvalova V. K. Dignity, personality, culture: I. G. Fichte's perspective — No. 2 (34), pp. 162–169.

Semenova D. S. The philosophy of creativity by S. L. Frank: current research and new aspects — No. 3 (35), pp. 150–161.

Shakirova E. S. Disvalues of modern Russian society — No. 4 (36), pp. 165–170.

Varakina M. I., Trofimova E. S., Levchenko Ya. A. Philosophical discourse about the problem of harmonizing relations of man with society and nature in Confucianism — No. 2 (34), pp. 74–86.

Pedagogical Coordinate System: Education, Upbringing, Human Development

Bogdanova N. A., Podorozhny O. V. Fourier method as the basis of digital processing of microelectronic images — No. 3 (35), pp. 162–173.

Brusnikin G. N., Rubtsova A. A. Experience in teaching the basics of applied informatics at a technical university — No. 1 (33), pp. 181–194.

Filippchenkova S. I. Communication technologies in oncological practice: vectors of personalized medicine — No. 2 (34), pp. 178–185.

Gavrikov A. I. On modeling processes by differential equations — No. 4 (36), pp. 171–174.

Shangina O. V., Gorbacheva I. M., Gershunin S. A., Belokopytov A. S. Psychoemotional state of university students under the conditions of distance learning (Based upon an opinion survey conducted at MIET) — No. 3 (35), pp. 174–185.

Results of the round table of the LPO Institute "Actual Issues of Modern Linguistics" April 10, 2022

Baydikova N. L. Methodological aspects of blended learning in relation to scientific rationality types — No. 2 (34), pp. 187–194.

Bychkova M. A. Digital technologies in teaching foreign language writing skills to high school students — No. 2 (34), pp. 195–197.

Glushenko A. V. Using LMS Moodle to develop foreign language listening skills — No. 2 (34), pp. 198–201.

Gromova D. P. Specific features of the translation of "false friends of translator" from English into Russian in telecommunication texts — No. 2 (34), pp. 202–205.

Danielyan N. V. Rationality of using information and telecommunication technologies in teaching foreign languages — No. 2 (34), pp. 206–213.

Maierova K. Yu. Teaching monologue with CANVA's mind map at EFL classes — No. 2 (34), pp. 214–217.

Mukhanova G. Z. Features of computer neologisms translation from English into Russian (on the material of programming manuals) — No. 2 (34), pp. 218–221.

Personality. Politics. Right

Koroleva L. V. Elections to the State Duma of the Russian Federation [o]f the VIII convocation (September 2021): Political science analysis — No. 1 (33), pp. 195–200.

Personality. Society. State

Merzlyakov S. En. Ensuring Russia's national and military security: systematization of concepts — No. 3 (35), pp. 186–190.

Merzlyakov S. En. On question of the concept of information security — No. 4 (36), pp. 175–180.

Pudina S. I., Gorbacheva I. M. Attitude of nobility to the 1714 Decree on Single Inheritance — No. 3 (35), pp. 191–197.

Zazykin V. G. Confucius about governance principles, conditions and efficiency criteria — No. 2 (34), pp. 222—228.

Information

In memoriam of Oleg Filaretovich Bystrov (1950—2022) — No. 4 (36), p. 181.

Memorable and Remarkable Dates

July to September 2022 — No. 3 (35), p. 198.

October to December 2022 — No. 4 (36), pp. 182—183.

New Books

No. 3 (35), p. 199.

No. 4 (36), pp. 184—185.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ FOR THE AUTHORS

The section contains the current rules on the design of materials submitted to the editing office.

(Правила оформления рукописей
действуют с 1 сентября 2022 г.)

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 номера журнала. Онлайн-подписка оформляется по каталогу «Пресса России». Ссылка на каталог: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t80114/>

Научный журнал «Экономические и социально-гуманитарные исследования» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи (подписанный всеми авторами, допускается электронная подпись в формате pdf), включая список авторов, название, аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список;
- 2) анкеты авторов (см. бланк анкеты на сайте журнала; адрес сайта: <http://esgi-miet.ru/>);
- 3) рекомендации кафедры; сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций).

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 8—10 страниц текста (от 20 000 до 40 000 знаков); материалы объемом менее 6 страниц текста (12 000 знаков) рассматриваются как краткие сообщения.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **Фамилия-ИО_Название статьи**.

Внимание! Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат». Оригинальность текста: не менее 78 %; самцитирование не более 10 %; цитирование не более 20 %.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; аннотация на русском и английском языках; ключевые слова. Далее следует текст статьи. (*Подробнее см.: шаблон оформления статьи на сайте журнала*. Адрес сайта: <http://esgi-miet.ru/>)

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Авторам настоятельно рекомендуется структурировать текст статьи: выделить вводную часть, описание материалов и методов исследования (изложение теоретических основ, обзор основных теорий), результаты и их обсуждение, сделать выводы.

Аннотация (описательная) предоставляется на русском и английском языках, должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов: предмет, основные гипотезы, результаты и выводы. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др. Объем аннотации — до 150 слов.

Ключевые слова или словосочетания должны отвечать тематике исследования, соответствовать тематике статьи. Приводятся на русском и английском языках, отделяются друг от друга запятой, в конце точка не ставится.

Рисунки дополнительно предоставляются в отдельных файлах; они должны быть черно-белыми или в градациях серого. *Векторные рисунки* предоставляются в любом из форматов pdf; eps; ai. *Растровые рисунки* (фотографии) — в любом из форматов jpeg; tiff; png; psd. Разрешение 300 точек на дюйм, ширина рисунка ≤ 160 мм.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы и источников оформляется в порядке алфавита фамилий авторов и (или) первых слов названий (слово за словом). Источники на иностранных языках располагаются в конце списка и выстраиваются в соответствии с латинским алфавитом.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников для оригинальной статьи, не менее 30 источников для обзорной статьи.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

- для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;
- для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;
- для *материалов конференций, школ, семинаров*: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия),

название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

- для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

- информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;
- e-mail для публикации в Интернете. Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя. Все сведения должны соответствовать указанным в авторской анкете.

Требования к оформлению текста: шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный, выравнивание по ширине, поля 2 см, отступ 1,25.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—). Нумерация рисунков и таблиц сквозная. Единственная таблица, рисунок, не нумеруется. Мелкие формулы выполняются в текстовом редакторе, а крупные в редакторе формул. Использование аббревиатур предполагает расшифровку.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу:
124498, Москва, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ,
редакция журнала «Экономические
и социально-гуманитарные исследования».
E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно
по объединенному каталогу
«Пресса России»
в любом отделении Почты России,
обратившись к оператору

ISSN 2409-1073

9 772409 107000 >